

**АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»**

**СОБЫТИЯ И ЛЮДИ
В ДОКУМЕНТАХ
КУРСКИХ АРХИВОВ**

Сборник статей

Выпуск XVII

100-летию архивной службы России и
115-летию архивной службы Курской области посвящается

КУРСК
2018

УДК 908
ББК 63.3 (2 Рус – 4 Курск)
С 55

С 55 События и люди в документах курских архивов. Выпуск XVII: 100-летию архивной службы России и 115-летию архивной службы Курской области посвящается [Текст] / под ред. В.Л. Богданова. – Курск: ИП Афанасьева Е.А., 2018. – 134 с.

Редакционная коллегия: Богданов В.Л. (гл. редактор) – начальник архивного управления Курской области; Карманова Л.Б. (зам. гл. редактора) – зам. начальника архивного управления Курской области; Елагина Н.А. – директор ОКУ «Госархив Курской области»; Пешехонова О.В. – зам. директора ОКУ «Госархив Курской области»; Раков В.В. – зам. директора по научно-исследовательской работе ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук.

Научный редактор: Черников О.А., канд. ист. наук.

В сборник вошли исследования ученых-историков и сотрудников Государственного архива Курской области, посвященные различным проблемам истории края XVII–XX вв. Опубликованные в сборнике работы будут полезны широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей. Все материалы опубликованы в авторской редакции.

На обложке: вид на шпили у Московских ворот по ул. Карла Маркса. Фото 1959 г.

УДК 908
ББК 63.3 (2 Рус – 4 Курск)

© Архивное управление Курской области, 2018
© ОКУ «Госархив Курской области», 2018
© Авторы статей, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Атрепьева Е.Г.	Из истории Щигровской женской гимназии.....	5
Бабин И.П., Озеров М.М.	Первое описание Обоянского уезда 1649 г. воеводы Ивана Колтовского	8
Виноградова В.К.	Полковник Густав Шульц.....	19
Долженков И.А.	Роль провинциального государственного аппарата в процессе формирования органов земского самоуправления Курской губернии во второй половине XIX века	21
Дурноглазов В.Е.	Состояние внеклассной и внешкольной работы в школах Курской области в 1960-е – 1980-е гг.	24
Кононов Н.Г.	Курский кожевенный завод им. Серёгина (из истории восстановления 1943–1945 гг.).....	29
Крохина А.В., Манжосов А.Н., Новиков В.Н.	Участие коллектива Курского техникума паровозного хозяйства в подготовке специалистов для железных дорог СССР ...	39
Ласочко Л.С.	От метрических книг к записям актов гражданского состояния (к 100-летию органов ЗАГС)	46
Пилишвили Г.Д.	Анализ недостатков функционирования истребительных батальонов на территории Курской области летом – осенью 1943 г. и пути их преодоления	52
Ползикова Т.А.	Из истории Михайловского горно-обогатительного комбината (дробильно-обогатительному комплексу 45 лет)	56
Ползикова Т.А.	Следствие по делу помещицы Брискорн: особенности процесса и приговора (по материалам Следственной комиссии по делу курской помещицы Ольги Константиновны Брискорн)	62

Потаскаева Т.Н.	Из истории семьи Алексея Владимировича Домбровского	67
Раздорский А.И.	Винокурение в Курске в середине XVII в. (по данным курской винокурной книги 1641/42 г.)	70
Раков В.В.	Военное строительство и РККА в 1918 г. (по материалам Курской губернии).....	79
Рожковская И.О.	Архитектор Карл Густавович Шольц	87
Холодова Е.В.	Церковная летопись села Дурово-Бобрик...	90
Цыганок А.В.	Состояние лесного хозяйства и его охрана от самовольных порубок на территории Курской области в 1991 – 1999 гг.	103
Черников О.А.	Земство и кооперация	106
Щербаков Ю.В.	Курский комсомол: о времени и о себе	119
Щербаков Ю.В.	Курский партархив: историю делают люди, а хранят архивы (к 100-летию Государственной архивной службы России)	125
Сведения об авторах		132

ИЗ ИСТОРИИ ЩИГРОВСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ

Среди образовательных учреждений г. Щигры прошлого столетия особое место занимала Щигровская женская гимназия. 119 лет назад, а именно 2 сентября 1899 г., была открыта женская прогимназия на ул. Лазаретной (в настоящее время ул. Луначарского).

В начале XIX в. в России было создано Министерство народного просвещения, в связи с чем стали создаваться учебные округа и открываться гимназии по всей России. 24 января 1803 г. Александром I были утверждены правила народного просвещения, по которым в каждом губернском городе открывались мужские гимназии. В 1870 г. вышло положение о женских гимназиях и прогимназиях, утвержденное 24 мая 1870 г., по которому в городах наряду с мужскими стали открываться женские гимназии.

Женская прогимназия находилась в ведении попечителя Харьковского учебного округа. Она состояла из четырех основных классов и одного пригготовительного, имеющего два отделения: старшее и младшее. Вот такую информацию мы находим в протоколах Щигровской женской прогимназии за 1899 г. «...ввиду небольшого количества учениц пригготовительный класс составить из двух отделений старшего и младшего, с требованием знания в младший пригготовительный класс: молитв, чтения и письма; в старший — знания больше молитв, чтения выразительного и письма без искажения слов, знания чисел и счета до 100...» [1, л. 1 об.].

В прогимназии изучались следующие предметы: закон божий, русский и церковнославянский языки, словесность, арифметика, алгебра, геометрия, география, история, естествознание, физика, рукоделие, чистописание, рисование, французский и немецкий языки [1, л. 2]. Обучение было платным.

Обучались здесь дети (женского пола) всех сословий. При поступлении подавалось прошение о приеме в прогимназию; со многими прошениями прилагались и метрические выписки с указанием сведений о рождении ученицы и данных на ее родителей. Занятия начинались в 8 часов 30 минут с общей молитвы. В воскресенье и праздничные дни, ученицы обязаны были собираться в здании прогимназии в 9 часов «...чтобы оттуда идти под надзором классной дамы и одной из преподавательниц в церковь для слушания Божественной Литургии» [1, л. 7 об.]. Была предусмотрена строго установленная форма – серое шерстяное платье и черный фартук. На шляпах учениц размещался фирменный значок с буквами «Щ-П».

При гимназии были созданы педагогический и попечительский советы.

Педагогический Совет прогимназии решал целый ряд задач, таких как рассмотрение прошений о поступлении в Щигровскую женскую прогимназию и выписка определенных периодических изданий на каждый

учебный год, или «о роспуске учениц всех классов вследствие эпидемического заболевания одной ученицы корью», о «выводе четвертных баллов» и т. д. На 1902 г. известен следующий состав педагогического Совета Щигровской женской прогимназии: председатель – Гр. Оранский, члены – А. Рыбалова, исполняющая должность учительницы русского языка А. Орлова, Л. Горинек, исполняющая должность французского языка А. Павлова, А. Буреков, Н. Преображенская, М. Баланина, А. Исакова, секретарь – Н. Солдатова.

Девушкам выдавалось свидетельство о вступлении в прогимназию и выходе из нее в силу различных обстоятельств, одним из которых было прошение родителей. Все отметки по каждому предмету вносились в так называемые Журналы четвертных отметок, которые составлялись на каждый учебный год.

Подобным образом строилось обучение примерно до 1905 г., когда начался процесс преобразования прогимназии в гимназию.

Здесь стоит провести сравнительную линию между понятиями «прогимназия» и «гимназия». В первом случае – это общеобразовательное учреждение в Российской империи с программой младших классов гимназии. В прогимназии было четыре образовательных класса. Учреждались прогимназии в городах, где не было гимназий. Гимназия же – это средне-учебное заведение, которое ведет своё начало с XVI в. Целью гимназии признано общее образование и «подготовка к университету». Гимназии состояли из 7 или 8 классов.

Вновь преобразованная теперь уже Щигровская гимназия состояла из семи основных и восьмого дополнительного классов. Окончившим полный курс гимназии выдавался аттестат на звание домашней учительницы, а получившим награды — домашней наставницы и право без экзамена поступить на педагогические курсы.

При гимназии действовали педагогический и попечительский советы.

«Согласно отношения Господина попечителя Харьковского учебного округа от 22 марта 1905 года за №4080 об утверждении Министерством народного просвещения ... вдовы статского советника Анны Ивановны Марковой в должности попечительницы Щигровской женской прогимназии согласно избрания ея попечительным Советом названной прогимназии». В этой должности А.И. Маркова находилась и в гимназии еще несколько лет [2, л. 23].

Интересные статистические сведения приведены в балансе денежных сумм Щигровской женской гимназии на 9 мая 1907 г., например: «...остаток на 1-е января 1907 г. – 2919 руб. 46 коп.; поступило на приход – 4453 руб. 42 коп.; итого – 7372 руб. 88 коп.; значится в расходе: жалований учебного персонала – 3216 руб. 17 коп., прислуги – 168 руб. 50 коп., на канцелярию – 18 руб. 42 коп и т.п. ... итого в расходе – 4263 руб. 47 коп.; остаток на 9 мая 1907 г. – 3109 руб. 41 коп.».

В годы Первой мировой войны в гимназию «беспрепятственно принимали учащихся-беженцев средних учебных заведений из местностей, в которых происходят военные действия...». Но и противоположные действия, такие как увольнение учениц из гимназии, тоже не были исключением. Причины этого разные: тяжелое материальное положение, перевод в гимназию другой губернии и т. п.

В материалах фонда Щигровской женской гимназии, находящихся на хранении в ОКУ «Госархив Курской области», имеется значительное количество документов, освещающих функционирование гимназии: от протоколов заседания педагогических Советов, метрических выписей о рождении, и до оригиналов письменных работ по русскому языку и арифметике некоторых учениц [5, л. 152].

В личных делах учениц содержатся не менее уникальные образцы работ по рукоделию [6, л. 12].

В документах за 1914–1915 гг. интересную информацию можно было найти в «шаровых книгах», где записывались сведения об ученицах разных классов – фамилия, имя, отчество, дата поступления в гимназию, оценки за четверть по некоторым предметам, адрес проживания и фамилии, имена и отчества родителей.

К 1 января 1915 г. в гимназии обучались уже 394 ученицы, по сравнению с 1899 г. – годом открытия прогимназии, когда было принято на обучение 78 учениц [3, л. 139].

Серьезные изменения в образовательной системе произошли после Октябрьской революции. В июне 1918 г. был создан Щигровский уездный отдел народного образования уездного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (*УОНО*), на который возлагались организация и руководство делом народного образования на территории Щигровского уезда.

В протоколе от 27 октября 1918 г. мы находим: «Рассмотрев вопрос о разделении школы, постановили: а) выделить в I школу I ступени следующие классы женской гимназии: старший приготовительный, 1-й основной, 1-й параллельный, 2-й основной, 2-й параллельный, 3-й основной, 3-й параллельный, которые должны вести учебные занятия в 1-ю смену в здании женской гимназии в ноябре и декабре; в) во вторую школу I ступени выделяются I, II, III классы реального училища и 1-го основного 1-го параллельного, 2-го основного 2-го параллельного и 3-и классы прогимназии, которые будут заниматься во 2-ю смену в здании той же гимназии в ноябре и декабре; в 1-ю школу 2-й ступени отнести IV, V, VI и VII классы реального училища, причем им заниматься во 2-ю смену в здании реального училища, 1-ю же смену занимать 2-я школа 2-й ступени состоящая из 4-го основного, 4-го параллельного, 5-го, 6-го, 7-го параллельного и 7-го основных классов женской гимназии и 5-го класса прогимназии...» [4, л. 67 об.–68].

Архивные документы Щигровской женской гимназии в рукописном варианте сохранились до 1922 г. С образованием УОНО, а также волостных отделов народного образования изменилась и структура женской гимназии. Подобных преобразований будет много и в дальнейшем, когда будут образованы всем нам уже привычные общеобразовательные школы.

Современному человеку необходимо снова и снова обращаться к подобным документам, чтобы не забывать историю зданий, мимо которых мы проходим ежедневно, а главное не забывать людей, стараниями которых развивался и процветал город Щигры.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-1496. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАКО. Ф. Р-1496. Оп. 1. Д. 5.
3. ГАКО. Ф. Р-1496. Оп. 1. Д. 42.
4. ГАКО. Ф. Р-1496. Оп. 1. Д. 63.
5. ГАКО. Ф. Р-1496. Оп. 1. Д. 66.
6. ГАКО. Ф. Р-1496. Оп. 1. Д. 70.

И. П. БАБИН, М. М. ОЗЕРОВ

ПЕРВОЕ ОПИСАНИЕ ОБОЯНСКОГО УЕЗДА 1649 г. ВОЕВОДЫ ИВАНА КОЛТОВСКОГО

Первая половина XVII в. была беспокойным временем на южных рубежах Московского государства. Практически каждый год, случались набеги орд крымских татар и ногайцев. Не менее чем от татарских набегов Московское государство страдало от непрекращающихся со второй половины XVI в. набегов «воровских» черкас¹.

С целью защиты от набегов татар и черкас, Московское государство южнее старинной Большой засечной черты стало возводиться города-крепости: в 1566 г. – Орел, в 1585 г. – Воронеж и Ливны, в 1592 – Елец и в 1596 – Белгород² и Оскол. В этом же, 1596 г., на старом Курском городище по указу царя Федора Ивановича под руководством воеводы Ивана Полева и головы Нелюба Огарева была возведена новая крепость [8, с. 190–201], от строительства которой ведется отсчет история современного города Курска.

¹ Черкасами, в те времена, именовали жителей левобережья Днепра Речи Посполитой, тех, которых позже стали называть малороссами, а еще позже украинцами. «Воровскими» же называли черкас, совершавших разбойные набеги на территорию Московского государства с целью грабежа населения уездов, посольств, торговых людей, вооруженных отрядов русских служилых людей.

² По мнению некоторых исследователей, город был основан в 1593 г.

Для защиты от набегов по Изюмскому шляху северо-восточнее Белгорода в 1637 г. возводятся города-крепости Короча и Яблонов, а в 1646 г. западнее Белгорода для того чтобы перекрыть Муравский шлях возводятся Карпов и Болховец. К середине XVII в. сложилась целая система из крепостей-острогов и различных инженерных и естественных препятствий (валов, рвов, надолбов, рогаток, рек, лесов, болот и др.) протяженностью более 600 км, идущая через Белгород, Воронеж, Козлов и Тамбов. Административным центром новой засечной черты, которая позже получила название Белгородской, был вовсе не Белгород, а город Яблонов (ныне – с. Яблоново в Корочанском районе Белгородской области). Белгород стал главным городом черты только с 1656 г.

По территории, где сейчас расположен Обоянский уезд, с древних времен по водоразделу между рек Псла и Реута проходил Бакаев шлях – путь, используя который татары и ногайцы, свернув с Изюмского или Муравского шляхов, часто нападали на Путивль и Рыльск. Здесь часто рыскали отряды татар, ногайцев и «воровских» черкас, промышлявших разбоем. Учитывая все это, путь из Белгорода в Курск был небезопасным.

Ещё 1638 г. к царю Михаилу Федоровичу обратились с челобитной служилые люди, державших разъезды между Курском и Белгородом, с просьбой о строительстве жилого города на середине этого пути, на Обоянском городище при устье речки Обоянки, впадающей в Псел [2, ед. хр. 127, л. 429]. В ответ на их просьбу государь распорядился послать на Обоянское городище небольшой отряд с тем, чтобы осмотреть его и нанести на чертеж [2, ед. хр. 127, л. 411–417]. В 1639 г. чертеж был составлен. Он числится в описи 1668 г. архива Разрядного приказа [6, с. 270–271]. Этот документ, который, вероятно, был выполнен по указу царя Афанасием Мезенцевым, до наших дней, к сожалению, не сохранился.

Однако, по каким-то неизвестным нам причинам, город в то время построен не был.

Летом 1647 г., спустя девять лет, уже в царствование царя Алексея Михайловича, правительство возвращается к мысли о строительстве жилого острога между Курском и Белгородом. С этой целью на берега Псла был снаряжен конный воинский отряд численностью в 50 человек, сопровождавший стольника Ивана Васильевича Бутурлина и подьячего Власа Андриянова [3, ед. хр. 224, л. 237–239].

Отряд провел повторный осмотр и сделал обмеры на месте всех ранее существовавших древних городищ. При этом обследовано было не только Обоянское, но и Гочевское, Ивнянское и другие близлежащие городища [3, ед. хр. 224, л. 247–264]. Забегая вперед хотелось бы отметить, что именно по чертежу, составленному в ходе экспедиции 1647 г., и был вскоре возведен город-крепость Обоянь: «по чертежу Ивана Бутурлина, по тому, что наперед сево посылан был на Обоянское. Иван Бутурлин смотрел, где быти городу, и слободам, и всяким ратным людям, и что к тому городу земель, и сенных покосов, и всяких угодей» [3, ед. хр. 290, л. 669].

Земли, которые занимает сейчас Обоянский и Медвенский районы, представляли собой обширную территорию, занятую холмистой лесостепью, лежащей к югу от Курска от водораздела рек Реута и Полной до реки Псла. Как следует из описаний этой местности разных лет, здесь до конца 40-х годов XVII в. не было селений. Известно только о редких испомещениях курских детей боярских на Обоянской пустоши в конце 30-х годов XVII в. [7, с. 150–151]. Однако, такие земли, расположенные, вдалеке от населенных мест, в то время считались очень опасными для постоянного проживания и обрабатывались обычно «наездом». Территория, лежащая на юг от Курска до реки Псла, принадлежала Подгороднему стану Курского уезда. За Пслем лежали земли Карповского, Белгородского и Хотмыжского уездов. Западная часть современного Обоянского района относилась к Мужецкой волости Путивльского уезда. Здесь, в лесах по берегам Псла и речки Рыбницы располагались путивльские оброчные бортные ухозя и юрты¹, кроме путивльских в документах упоминаются и севрюжские юрты [3, ед. хр. 290, л. 205]. Оброк в виде мёда, воска и др. посылался в Москву ко Двору. Путивльские бортники, по их утверждению числом более 300 человек, во главе со своими сотниками Никитой Стегнищевым, Яковом Борисовым, Василием Буровым и Андреем Быковым [3, ед. хр. 290, л. 203–207], по-видимому, в силу сезонности самого промысла и опасности постоянного проживания в этих местах, занимались бортничеством «наездом».

Границы южной части Подгороднего стана, так же, как и восточной части Мужецкой волости были весьма условны, т.к. на этой территории не было селений. В Путивльский уезд, а еще точнее в его Мужецкую волость до основания Обояни входили только земли, расположенные по обеим сторонам реки Псла южнее обоянского городища (примерно от современных сел Усланки и Павловки вниз по течению реки) [3, ед. хр. 290, л. 48–59, 154–155, 203–207]. На севере эти земли были ограничены водоразделом, по которому проходила татарская сакма на Рыльск (примерно по водоразделу между речками Реутец и Сула).

История Обоянского уезда не была бы полной, если бы мы не рассмотрели маленький эпизод из истории соседнего с ней Карповского уезда. Этот эпизод сыграл очень важную роль в истории Обоянского уезда.

Как уже упоминалось выше, в 1646 г. был построен город Карпов – самый близкий к Обоянскому городищу город, входивший в систему Белгородской черты. От Обоянского городища до Карпова было около 28 км. После строительства этого города-крепости появилась возможность заселения его уезда, территория которого простиралась в основном севернее города.

В те времена в целях безопасности было принято при строительстве городов-острогов испомещать служилых людей в непосредственной

¹ Юртами в те времена обычно называли уголья с рыбными и звериными ловлями и пасаками, которые давались в оброк.

близости к городу, в подгородных слободах. По мере увеличения численности служилых людей им разрешалось расселяться в деревнях и селах на некотором отдалении от города, но не более 15–20 км.

Таким образом, вокруг возведенного и укрепленного города постепенно возникал уезд¹. Остроги служили временным убежищем для населения в случае возникновения какой-либо опасности, как говорили в те времена «прихода воинских людей». Одновременно города, и остроги в них, были местом размещения гарнизона и местом сбора служилых людей из окрестных сел и деревень для выступления в поход или защиты уезда от неприятеля.

В 1648 г. на службу в Карпов прибыло около 400 детей боярских вденцев² из Курска и Орла. На службу в Карпов они были выбраны в своих городах в 1647 г. В Карпов они приехали «на вечное житьё с жёнами, детьми и всякими их животы» [3, ед. хр. 258, л. 7–13, 134–163] к весне, по последнему зимнему пути. В следующем, 1649 г., в Карпов прибыло еще около 200 детей боярских, поверстанных в 1648 г. в Москве из разных городов [3, ед. хр. 353, л. 210–214]. Эти две группы переселенцев по времени их прибытия в Карпов в документах стали называть детьми боярскими «староверстанными» и «нововерстанными». Всех их по царскому указу планировалось испоместить по берегам реки Пены и её притокам. Осмотрев места своих будущих «усадищ», переселенцы остались недовольны. В своих челобитных царю они пишут, что отведенные для их поселения места уже заселены, и там нет места для их расселения. Местность по реке Пене и ее притокам безлесная, а те малочисленные лески, которые были там ранее, вырублены жителями. Недовольны переселенцы были и размером земельных дач. Было решено, что им в Карповском уезде будет дано земли под пашню в размере 12 четвертей человеку. Вот, что они пишут в одной из своих челобитных: «А наперед, Государь, сево в новых твоих, Государь, украинских городех – в Хотмышском и в Вольном – помесные земли учинено за детьми боярскими вновь в полых окладов за человеком чети по штидесяти и по семидесят и больши. ... А та, Государь, река Пена от города только в пети верстах, и по той, Государь, по реке Пене наперед сево розданы земли на пашню и сенные покосы карповским городцким всяким служилым и жилецким людем» [3, ед. хр. 258, л. 9]. Поэтому просили они поселить их по реке Пслу выше и ниже Обоянского городища. В ответ на эту их челобитную карповскому воеводе И. Г. Вердеревскому предлагалось расселить детей боярских ближе к городу. Тот отвечал, что и там все земли уже заняты, и поселить их негде. Переписка по этому вопросу велась не

¹ Уезд – территория земельного угодья в средневековой Руси. Название происходит от законного объезда («уезда») с целью установления его границ.

² Служилые люди, прибывающие на службу в новые города, делились на две категории: сведенцы и вденцы. Сведенцы (согласно словарю Д. Н. Ушакова) - переселенцы, сведенные с прежнего места жительства и переведенный на другое не по своей воле. Вденцы, в отличие от сведенцев, переселялись по собственной воле.

только с карповским, но и с яблоневским воеводой боярином Б. А. Репниным. В большой по объему переписке царя с перечисленными лицами мы не нашли царского указа о разрешении карповцам селиться по реке Пслу. Только в одной из отписок И. Г. Вердеревского находим упоминание об этом событии: «... и я, холоп твой, велел им, веденцом, строитца дворами в устье реки Пены у реки Псла и вверх по реке по Пслу и по упалым речкам у больших лесов ...» [3, ед. хр. 258, л. 162]. Отсюда следует, что разрешение селиться по реке Пслу получили 400 карповских «староверстанных» детей боярских только в конце лета 1648 г. Такое решение, вероятно, было принято против установленных правил от безвыходности ситуации с размещением детей боярских в Карповском уезде.

Необходимо отметить, что до этого существовал прямой запрет на строительство селений по реке Пслу, который был отменен лишь в апреле 1649 г. [3, ед. хр. 78, л. 137] [3, ед. хр. 256, л. 80–93]. Отмена этого запрета, очевидно, связана с тем, что в начале 1649 г. царь Алексей Михайлович принимает решение о строительстве города Обояни. О чём он сообщает в Карпов воеводе стольнику Автомену Ивановичу Еропкину своим указом об устройстве жилого острога на Обоянском городище: «велено на Обоянском городище поставить острог и детей боярских, курчан и орлян, около острогу поселити» [3, ед. хр. 78, л. 74]. Царь и Дума, по-видимому, решили основные заботы по строительству нового города возложить на карповских детей боярских, поселённых ранее на реке Псёл. Руководить ими планировалось поручить тоже карповцу. Строительство острога было поручено карповцу сыну боярскому Андрею Федоровичу Покушелову (Покушалову). О котором подробно рассказывалось в одной из наших статей [5, с. 33–34]. Напомним, что он с 16 декабря 1648 г. до 11 мая 1651 г. был ложно обвинён в призывах к неподчинению власти бояр и находился под следствием в белгородской тюрьме.

5 июля 1649 г. был издан новый царский указ, согласно которому возведение жилого острога на Обоянском городище возлагалось на опытного, хорошо знавшего «городовое дело», и главное, надежного воеводу Ивана Никитича Колтовского [3, ед. хр. 293, л. 84]. Строительство острога предполагалось вести силами «староверстанных» детей боярских, курчан и орлян, уже расселившихся в починках и деревнях на реке Псёл, выше и ниже Обоянского городища. Кроме детей боярских в строительстве острога должен был принять участие сводный отряд стрельцов из разных городов в количестве 205 человек.

Узнав о скором строительстве города Обояни карповские «нововерстанные» дети боярские, которым до весны 1649 г. так и не нашли место для испомещения в Карповском уезде, начали самовольно селиться в деревнях по реке Псёл и «упалым рекам». Подтверждение этому мы находим в обширной переписке карповского воеводы стольника

А. И. Еропкина о самовольном поселении на реке Псел 200 карповских «нововерстанных» детей боярских [3, ед. хр. 303, л. 5–10].

Таким образом, заселение территории будущего Обоянского уезда происходило в несколько этапов с небольшим промежутком времени между ними – вначале «староверстанными», а затем «нововерстанными» карповскими детьми боярскими.

В августе 1649 г. воеводой Иваном Никитичем Колтовским на крутом правом берегу реки Псла при слиянии его с речкой Обоянкой, на месте старого «боянского» городища, было начато строительство города Обояни.

Помимо строительства города в наказе на воеводство И. Н. Колтовскому поручалось еще составить роспись и чертеж уезда и отмежевать его от земель соседних с ним уездов. Для выполнения этой задачи 25 сентября 1649 г. курским воеводой Федором Лодыженским по указу из Разряда в Обоянь для составления росписи уезда, «для письма», был прислан подьячий Терентий Моисеев, а для чертежа – Богдан Иконник [3, ед. хр. 290, л. 517]. 10 октября этого же года воевода И. Н. Колтовский своей отпиской сообщает о том, что роспись и чертеж Обоянского уезда составлены и отправлены в Москву [3, ед. хр. 290, л. 469–470].

Ценность представленной вашему вниманию росписи Обоянского уезда 1649 г. И. Н. Колтовского состоит в том, что в ней подробно перечисляются первые обоянские селения. Всего в этой росписи было показано 26 деревень и починков с общим количеством дворов – 480 [4, ед. хр. 290, л. 471–482].

Нами была предпринята попытка идентифицировать упомянутые в росписи селения с современными населенными пунктами на основании сопоставления росписи с более поздней росписью уезда 1651 г. писца М. А. Маслова и подьячего Ф. Оловянникова [4, ед. хр. 143, л. 287–322], разнообразными картографическими документами, а также самыми ранними, из сохранившихся, списками жителей уезда по селениям [3, ед. хр. 290, л. 106–107] [1, ед. хр. 56, л. 831–870, 871–907].

Текст десяти печатается по правилам публикации документов XVI–XVII веков, изложенными в ныне действующих «Правилах издания исторических документов в СССР» (1990 г.). Текст воспроизведен без каких-либо купюр и дополнений по современным правилам правописания с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинника. Вышедшие из употребления буквы заменены буквами современного алфавита, буквенная цифирь заменена арабскими цифрами, титла раскрыты, выносные буквы внесены в строку, при этом мягкий и твердый знаки употребляются согласно современному правописанию. При передаче текста использована современная пунктуация. Описки, необычные и сомнительные чтения, а также имеющиеся в тексте исправления оговорены в текстологических примечаниях.

Источники и литература

1. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 7а.
2. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9.
3. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12.
4. РГАДА. Ф. 210. Оп. 14.
5. Бабин И. П., Озеров М. М. Об основании и строительстве Обояни // Обоянь и обоянцы в отечественной и зарубежной истории и культуре: Сб. материалов межрегион. науч. конф. (г. Обоянь, 21 апреля 2012 г.) / ред. сост. А.И. Раздорский. – Обоянь, 2013. – С.32–46.
6. Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступ. ст. К. В. Петрова. – СПб.: ДБ, 2001. – 806 с.
7. Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова. – М.: Наука, 1977. – 431 с.
8. Раздорский А. И. О времени существования современного Курска (к вопросу о хронологических разрывах в истории некоторых русских городов). Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: Сб. науч. ст. Всерос. конф. с междунар. участием, г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г. / Редкол.: В. Б. Жиромская (пред.) и др. – Курган: ООО «Курганский Дом печати», 2015. – С. 190–201.

ТЕКСТ

Роспись Обоянсково уезду землям и деревням, которые поселились от Обоянсково города вниз и вверх по реке по Пслу по обе стороны, и та земля занята под Обоянской уезд [3, ед. хр. 290, л. 471– 482].

[Л. 471]

Речка Стригосла течет из Ровново лесу в реку Псел.

От речки, от Стригосла, вверх по реке по Пслу, до Гочевсково городища поля и дубровы верста 800 сажень¹.

Гочевское городище по мере кругом иво 70 сажень.

От Гочевсково городища до реки до Псла 125 сажень. И от того Гочевсково городища до другово Гочевсково городища 200 сажень. А другое Гочевское городище по мере

[Л. 472]

кругом иво 76 сажень, поросло лесом, а от него до воды, до Гочевсково Колодеза², что течет из Гочевсково городища, 53 сажени. От 1-го от Гочевсково городища до речки, до Рыбницы, верста 700 сажень.

Всего от речки Стригослы, через Гочевское городище, до речки Рыбницы, 3 версты 500 сажень, а впрямь от речки Стригослы не занимая Гочевсково городища до речки Рыбницы поля и дубровы по мере у версты 500 сажень; поперег — верста 200 сажень.

¹ Сажень по Соборному уложению 1649 г. равнялась 2,16 м, и содержала в себе три аршина (по 72 см). Верста в XVII веке равнялась 1000 саженим, т. е. 2160 м.

² Так в рукописи.

И х тому полю, что меж речки Рыбницы и речки Стригосла, по речке по Рыбнице с нижнюю сторону, на Полном Колодезе, деревня Полноя¹, — в ней поселились дети боярские — 32 двора.

По той же речке, по Рыбнице, вверх под Ровным лесом, с нижнюю сторону деревня Вышняя Рыбница², — в ней поселились дети боярские — 22 двора.

[Л. 473]

К той же деревне, к Вышней Рыбнице, поля в длину верста 900 сажень, поперег — тож.

На той же речке Рыбнице, с верхнюю сторону, за Ровным лесом на Рыльской дороге х курской степи, деревня Лихачева³. В ней детей боярских 12 дворов. Поля той деревни в версты не мерены для того, что та деревня стоит к степи.

От речки Рыбницы до речки Каменки поля в длину 4 версты 100 сажень; поперег поля от реки Псла, от Кортамышевой деревни до Ровново лесу — верста 800 сажень. И х тому полю поселились 3 деревни⁴.

На речке на Рыбнице с верхнюю сторону, деревня Лунева⁵, в ней детей боярских 19 дворов.

На реке, на Псле, с рускую сторону, на Хотмышской дороге, на луке, деревня Кортамышева⁶, в ней детей боярских 24 двора. В той же Кортамышевой деревне часовня, а быти впредь церкви во имя великомученика Дмитрея Селунского.

[Л. 474]

И в прошлом, в 154-м (т.е. 1646) году, тою дорогою через Псел прошли крымские царевичи и воивали курские и рыльские места. И на реке, на Псле, на берегу, на Хотмышской дороге с рускую сторону, в Сторожевой поляне⁷, на холму, быти стоялому острожку, а опричь того места стоялово острожку поставить будет, негде: поймает поля вода. А в остроге, в приход воинских людей, надобно служилым людям быть с вогненным боем по 18 человек, да по 3 пушки.

Сторожевая поля[на] по берегу по Пслу в длину 310 сажень, поперег — 160 сажень. А надолоб подле острога с рускую сторону по Сторожевой поляне до лесов и до крепких мест будет 310 сажень.

А за рекою, за Пслем, с крымскую сторону, против острога другая поляна — Калмацкая⁸, в длину 250 сажень, поперег — 200 сажень.

[Л. 475]

От реки Псла через дорогу, которою дорогою прошли царевичи, до реки ж, до Псла, через луку по Калмацкой дороге будет надолоб 200 сажень. А от того места, где будет острог, до деревни Кортамышевой лесу и поляны и дубровы — 600 сажень. А над деревнею Кортамышевой на горе будет сторожа на дубу.

¹ Современное село Бушмено Обоянского района.

² Современное село Бегичево Обоянского района. В более поздней росписи М. А. Маслова 1651 г. – деревня Переверзева.

³ Современное село Долженково Обоянского района.

⁴ В более поздней росписи М. А. Маслова 1651 г. приведены названия этих деревень: «Меж речек Каменки и Рыбницы против тех трех деревень: Гремячей, Кортамышевой, Захарьиной, распашные (зачеркнуто: земли и диково) поля, опроче вод и лесов, по Большой Ровной лес тысяча сто семьдесят четей в поли, а в дву потому ж». (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 14. (Столбцы Севского стола). Ч. 1. Ед. хр. 143. Л. 307-308).

⁵ Современная деревня Шмырево Обоянского района.

⁶ Современное село Картамышево Обоянского района.

⁷ Вероятно, речь идет о поле между современными населенными пунктами Обоянского района: Бушмено, Шмырево, Картамышево, Гремячка и Каменка.

⁸ В этой же росписи на л. 479 название поляны пишется как Калмыцкая.

А от того места, где будет острог, с русскую сторону Псла до Обоянского города — 13 верст.

От того ж места, где будет острог, до Гочевского городища — 4 версты.

Да повыше деревни Кортамышевой на реке ж, на Псле, деревня Гремячей [Колодезь?]¹, в ней детей боярских 15 дворов.

Меж речки Каменки и Колодезя Туровца, к речки Туровицы от реки Псла, поля и лесу и дубровы в длину до вершин речки Туровицы и Колодезя Туровца и речки Малой Каменки 5 верст; поперег, от речки Каменки до речки Туровицы дорогою —

[Л. 476]

верста 600 сажень.

И х тому полю, на речке на Каменке, с высшнюю сторону, деревня Каменка², в ней детей боярских 32 двора, да часовня, а впредь быти церкви Покрову Пресвятыя Богородицы, да в пределе великомученика Георгия Стратотерпца.

На той же на речке Каменке, верх вершины Большой Каменки и усть Малой Каменки, верх Ровново лесу, деревня Шевелева³, в ней детей боярских 36 дворов. Поля в версты не мерены для того, что поселились к степи.

Меж речки Туровицы и меж речки Услоницы, от реки Псла, в длину поля и лесу и дубровы 3 версты 100 сажень; поперег, от речки Туровицы до речки Услоницы по дороге — верста 700 сажень. И х тому полю поселились 3 деревни.

На речке на Туровице, с верхнюю сторону, деревня Енина⁴, в ней детей боярских 22 двора.

На той же на речке, на Туровице⁵, с верхнюю ж сторону, под Ровным лесом, деревня Воробьева⁶,

[Л. 477]

в ней детей боярских 11 дворов.

Усть речки Услоницы, с нижнюю сторону, на реке на Псле, деревня Малыхина⁷, в ней детей боярских 10 дворов.

Меж речек Услоницы и Трубежа в длину поля 4 версты 800 сажень; поперег, дорогою от речки Услоницы до речки Трубежа — верста 700 сажень. И х тому полю поселись 3 деревни.

На реке, на Псле, деревня Лунина⁸, в ней детей боярских 13 дворов.

На речке на Трубеже, с нижнюю сторону, деревня Курская, Лохтивоно[во] тож⁹, в ней детей боярских 20 дворов.

Меж речек Трубежа и Обоянки поля в длину 3 версты 500 сажень; поперег, дорогою от речки Трубежа до речки Обоянки — верста 400 сажень.

И х тому полю поселена деревня Лунев¹⁰, в ней детей боярских 40 дворов.

¹ Современная деревня Гремячка Обоянского района.

² Современное село Каменка Обоянского района.

³ Современное село Шевелево Обоянского района.

⁴ Современная деревня Туровка Обоянского района.

⁵ Так в рукописи.

⁶ Вероятно, речь идет о современной деревне Воробьевке Обоянского района.

⁷ Современное село Усланка Обоянского района.

⁸ Современная деревня Лунино Обоянского района.

⁹ Современное село Трубеж Обоянского района. В более поздней росписи М. А. Маслова 1651 г. — деревня Гнездилова.

¹⁰ По более детальному описанию, содержащемуся в росписи М. А. Маслова, деревня Лунева располагалась совсем рядом с Обоянью, в 183-х саженьях от городской стены. Здесь же, ещё ближе к городу — в «семьдесят восемь сажень с полусаженью» — в первый год существования Обояни было начато строительство Казачьей Слободы. По нашему

От речки Обоянки до речки Псельца дорогою поля в длину 2 версты 100 сажень, да [Л. 478]

дубровы 600 сажень, обоег[о] — 2 верст[ы] 700 сажень; поперег, от реки Псла, от деревни Горяиновой до Обоянского лесу — верста 800 сажень. И х тому полю поселились 3 деревни.

На реке на Псле деревня Кононова¹, в ней детей боярских 15 дворов.

Деревня Офонасьева², в ней 12 дворов.

На реке ж на Псле, к усть речки Псельца, деревня Горяинова³, в ней 28 дворов.

С верхнюю сторону речки Псельца, с рускую сторону, деревня Зорина⁴, в ней 42 двора. В той деревне быти церкви великог[о] чудотворца Николы. И той деревни поля в версты не мерены, для того, что поселились к степи.

На Лесном Колодезе, на Гостемире, от реки от Псла, деревня Кривцова⁵, в ней 28 дворов, поля в версты не мерены — поселили к степи.

На том же Гостемире, с курскую сторону, деревня Петрова⁶, в ней 26 дворов, поля в версты не мерены ж — стала деревня к степи.

[Л. 479]

На Колодезе на Рудавце, под Обоянским лесом, х курской степи, деревня Фомина⁷, в ней 21 двор, поля в версты не мерены.

С крымскую сторону реки Псла — речка Пена, течет в реку Псел выше Гочевсково городища.

Да выше Гочевсково ж городища, с крымскую сторону, на реке на Псле, на затоне, к степи, поселена Хотмышсково города деревня Розсомонова⁸.

С верхнюю сторону речки Пены, обоянсково уезду, на реке на Псле, деревня Хомуты⁹, в ней 28 дворов, поля в версты не мерены для того, что стоит к степи.

От речки Пены вверх по Пслу, до деревни Хомутов 300 сажень.

От деревни Хомутов вверх по Пслу, до Хотмышской дороги, и до деревни Самариновой, верста 500 сажень.

предположению упоминаемая здесь деревня Лунева была поглощена Казачьей Слободой.

¹ Вероятно, здесь описана деревня, которая была поглощена разросшимся городом Обоянью. По более детальному описанию, содержащемуся в росписи М. А. Маслова, деревня Кононова располагалась, в 400-х саженьях от городской стены, где-то в районе современной ул. Набережной и железнодорожной станции Обоянь. В списках 1684 г. это селение уже не упоминается.

² Обращаем ваше внимание на то, что на старинных планах и картах, а также в описаниях уезда до первой четверти XVIII в. рядом стоящие селения: Афанасьево и Горяйново, показаны на правом берегу реки Псла, а не на левом, где они располагаются сейчас. Возможность разгадать эту загадку предоставляем другим исследователям.

³ Современное село Горяйново Обоянского района.

⁴ Современное село Зорино Обоянского района. В более поздней росписи М. А. Маслова 1651 г. – село Никольское, Зорино и Поденино (Подъенино) тож, в Волчей Поляне, у реки Псла.

⁵ Современная деревня Кривцово Пристенского района.

⁶ Современное село Троицкое Пристенского района. В более поздней росписи М.А. Маслова 1651 г. – деревня Высокая, Петрова тож.

⁷ Современное село Рудавец Обоянского района.

⁸ Вероятно, современный хутор Курочкино Беловского района. В более поздней росписи М. А. Маслова не упоминается.

⁹ Современное село Хомутцы Ивнянского района Белгородской области.

У Хотмышской дороги, с нижнюю сторону, деревня Самаринова¹, подле Колмыцкой поляны, под Колмыцким затоном, выше Усдеревского плеса на Псле, в ней 9 дворов, поля в версты не мерены. От Хотмышской дороги и от деревни Самариновой
[Л. 480]

вверх по Пслу до деревни Озеровой верста 700 сажень.

Меж Колодезя Студенка и меж речки Ивицы, на реке на Псле, в Пещаной Поляне, на Ивитцком городище, деревня Озерова², в ней 23 двора, поля не мерены.

От речки Ивицы до деревни Белой, Кутафина тож³, верста 500 сажень.

На реке на Псле деревня Белая, в ней 20 дворов, поля не мерены.

От деревни Белой вверх по Пслу до речки Солотины 6 верст 100 сажень.

От речки Солотины через лес и через Псел до Обоянсково верста 800 сажень.

С крымскую сторону реки Псла, выше Всполкова⁴ озера, против Пселецково устья на реке на Псле, деревня Козлова⁵, в ней 8 дворов, поля не мерены.

Всег[о] занято земли под Обоянской уезд с рускую сторону реки Псла, по дороге поля и лесу от Обоянсково города вниз по Пслу, по речку по Стригослу, 15 верст 100 сажень.

[Л. 481]

А с крымскую сторону, от Обоянсково города вниз по реке по Пслу, по речку по Пену, занято под Обоянской уезд земли 12 верст 900 сажень.

От Обоянсково ж города, вверх по реке по Пслу, по обе стороны занято под Обоянской уезд на 5 верст.

От Обоянсково города через речку Пселец, до реки Псла, до гати, 5 верст.

От реки ото Псла до Карпова города 22 версты.

А от Обоянсково города до Карпова 27 верст.

От Обоянсково города до Карпова другою дорогою, до Розвареново кургана, что верх нижнево Ивня, 8 верст 500 сажень.

От кургана до Хотмышской дороги, и до гати, что на Пене, 3 версты 500 сажень.

Всег[о] от Карпова до Хотмышской дороги, и до гати, 12 верст.

Над рекою над Пеною, с рускую сторону, на Белой Горе, меж Карпова и Обоянсково города,

[Л. 482]

устроена с Обоянска конная сторожа по 5 человек. А вперед, быти на том месте острожку против Бокаева шляху, а в острожку будет съезжая сторожа.

От гати, что на Пене, Хотмышскою дорогою до того места, где перешли реку Псел крымские царевичи в рыльские и в курские места, до реки Псла 9 верст. И ныне в том месте быть стоялому острожку.

От Хотмышской дороги и от того места, где быть стоялому острожку, вверх по Пслу, с крымскую сторону, до Обоянсково города, 11 верст 100 сажень.

Всего от Пены, и от гати, и где быть острожку, до Обоянсково города, 20 верст 100 сажень.

А другою дорогою от Карпова до Обоянског[о], 32 версты 100 сажень.

От Обоянсково ж до Думчево кургана 19 верст.

¹ Современное село Самарино Ивнянского района Белгородской области. В более поздней росписи М. А. Маслова 1651 г. – деревня Римшина, Самарина тож.

² Современное село Пещаное Ивнянского района Белгородской области.

³ Современное село Белое Обоянского района.

⁴ Название озера можно прочесть и как Всполнова.

⁵ Нам, к сожалению, не удалось установить о каком селении здесь идет речь. По приведенным в росписи топографическим признакам деревня Козлова находилась на месте, где сейчас расположены села Афанасьево и Горяйново. Фамилия же первопоселенцев, по которой было названо селение, судя по более поздним сведениям за 1685 г., наиболее распространена была в деревне Кривцовке.

В.К. ВИНОГРАДОВА

ПОЛКОВНИК ГУСТАВ ШУЛЬЦ

История Курской губернии разнообразна и интересна. В ней – яркие события, выдающиеся люди, памятные даты и т.п. Изучая архивные документы и книги, снова и снова открываешь для себя новые знания в этой области, узнаешь о судьбах разных людей.

Составляя описание на книги I четверти XIX века, хранящиеся в научно-справочной библиотеке Госархива Курской области, наше внимание привлекли книги в кожаном переплете с золотым тиснением и инскриптами (владельческими записями) «Из книг полковника и кавалера Шульца». В библиотеке хранится 9 подобных экземпляров. Это книги по всеобщей истории («Всеобщая древняя и новая история аббата Милота...»), драматургии («Театр Августа Коцебу...») и др. Из описанного выше можно сделать вывод, что владелец книг был человеком состоятельным и образованным, т. к. имел свою библиотеку.

Личность владельца библиотеки вызвала неподдельный интерес, и мы обратились к архивным документам. В результате в фонде «Канцелярия Курского губернатора» Государственного архива Курской области был выявлен формулярный список о службе отставного полковника и кавалера Густава Шульца, датированный октябрём 1831 г. и составленный по случаю включения его в комиссию по борьбе с эпидемией холеры в качестве комиссара [1, л. 4–14]. Так кто же он, Густав Шульц?

Густав, сын Карлов, Шульц происходил из лифляндских дворян. Отец его, поручик Карл Шульц, имел имение в Рижской губернии. Точная дата рождения не известна, но можно только предположить, что родился в он 1761 г., так как в 1831 г. ему было 70 лет.

Военную службу Шульц начал в Санкт-Петербургском пехотном полку 16 января 1774 г. в чине сержанта. В 1780 г. был переведен в Вологодский пехотный полк, а в 1783 г. произведен в прапорщики. В 1784 г. поступил в Сибирский гренадерский полк. С 1787 г. Густав Шульц – подпоручик Таврического гренадерского полка.

Густав Карлович участвовал в походах в Польшу, Молдавию, Бессарабию, в осаде крепости Измаил. В 1795 г. в чине капитана был переведен в Архангелогородский пехотный полк.

За участие в переходе через Альпийские горы и сражения против французских войск, взятие города Александрии, а также за храбрость Густав Шульц был награжден орденом Св. Анны 3-й степени [1, л. 10].

В 1802 г. был произведен в майоры, а в ноябре 1805 г. участвовал в сражении с французскими войсками под городом Аустерлиц (севернее Вены), где был ранен в грудь.

С ноября 1806 г. воевал в Восточной Пруссии, а уже в январе 1807 г. под командованием генерала Л.Л. Беннигсена во взаимодействии с

прусским корпусом принимал участие в битве с французскими войсками при Прейсиш-Эйлау (ныне г. Багратионовск Калининградской обл.), где «с батальоном на штыках поражал неприятеля». В данном сражении русские одержали победу. В связи с этим 26 апреля 1807 г. Шульц был награжден орденом Равноапостольного князя Владимира 4-ой степени с бантом.

За участие в сражении при крепости Вексельминд и проявленную храбрость в других сражениях в июле 1807 г. он получил «высочайшее благоволение и от Прусского короля» – прусский военный орден «Пур ле Мерит».

С 25 июня по 17 июля 1807 г. Густав Карлович находился под м. Тильзит «у оной реки для наблюдений неприятельских движений с батальоном до заключения мира» [1, л. 13].

За безупречную 25-летнюю службу в офицерском чине в ноябре 1807 г. был награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-ой степени и произведен в подполковники. При сражении у г. Гейльсберг проявил храбрость «в действительном сражении у прикрытия батарей опрокинул неприятеля, покушавшегося атаковать оную», за что был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость» [1, л. 12].

Густав Шульц так же участвовал в русско-турецкой войне 1808 г. При взятии крепости Брацлав помимо командования батальоном был назначен плац-майором этой крепости. В 1810 г. главнокомандующий русским корпусом генерал граф Каменский поручил ему командование Архангельским полком для соединения с главной армией. При осаде и штурме крепости Руцук в июле 1810 г. Шульц был тяжело ранен и помещен в госпиталь в г. Бухаресте. После выздоровления, по приказу главнокомандующего графа Каменского, Густава Карловича назначили комендантом г. Бухареста. В этой должности он находился до конца 1812 г.

В июле 1812 г. по состоянию здоровья Густав Шульц подал прошение об отставке. В результате по Высочайшему повелению императора Александра I он был отправлен в отставку в чине полковника с мундиром и пансионом полного жалования. Сверх данного пансиона при отставке ему был пожалован еще один пансион из инвалидного капитала в размере 750 руб. в год. В Государственном архиве Курской области хранится копия указа императора Александра I об отставке Густава Шульца [2, л. 1, 3–6].

В Курск Густав Шульц приехал по предписанию министра внутренних дел и по приглашению Курского губернского предводителя дворянства для консультаций и последующего учреждения сберегательной кассы при Приказе общественного презрения.

Точной даты его приезда в Курск установить не удалось. По данным 7-ой ревизии 1816 г. он уже проживал в г. Курске с женой Катериной [3, л. 1772]. После ее смерти с тремя внуками жил в первой части города в 32-ом квартале на Дворянской улице, дом № 20 (с ноября 1918 г. – улица Льва Толстого в Центральном округе г. Курска) [1, л. 9 об.].

В Курске он занимался общественной деятельностью, возглавлял Сберегательную кассу в Приказе общественного презрения, избирался депутатом от дворянства в Курскую городскую Думу для проверки строительных книг.

В 1830–1831 гг. являлся комиссаром в комиссии по борьбе с холерой, заведовал устройством больницы.

Дальнейшая судьба, как и дата смерти, Густава Шульца неизвестна. Можно предположить, что умер он после 1841 г., так как в списках прихожан Курской евангелическо-лютеранской общины за этот год Густав Шульц еще значился [5, л. 2 об.].

Вот таким на страницах архивных документов мы увидели офицера, полковника Густава Шульца – человека мужественного и волевого, с сильным и независимым характером. Его судьба и деятельность неповторимы, а благородные поступки оставили свой след в истории Курской губернии и России навсегда.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9318.
2. ГАКО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 9119.
3. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 509.
4. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 574.
5. ГАКО. Ф. 726. Оп. 1. Д. 5.
6. Отечественная военная история: в трех томах. Т. 1. – М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2003. – 672 с.
7. Улицы города Курска. Справочник по истории площадей и улиц города. 1782 – 2000 гг. / сост. А.С. Травина. – Курск, 2000. – 112 с.

И.А. ДОЛЖЕНКОВ

РОЛЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Практически сразу же после отмены крепостного права согласно «Положению о земских учреждениях», изданному в 1864 г., в Российской империи начала формироваться новая система местного управления. В историографии оно именуется земским самоуправлением. Стоит отметить важную роль местного государственного управления, в первую очередь губернаторов, в процессе формирования органов земского самоуправления.

Нарушения в ходе выборов были отмечены уже на первом заседании Курского губернского земского собрания 27 августа 1865 г. Так, в частности, было принято решение губернского собрания включить в состав гласных Курского уездного собрания коллежского секретаря Степана Алексеевича Богданова вместо волостного головы Чаплыгинской волости Агибалова [2, л. 2–15].

На этом собрании была рассмотрена жалоба гласных Обоянского уездного собрания Жекулина и Давыдова о том, что губернский гласный государственный крестьянин Головенков не имеет права участвовать в собрании, т.к. он неправильно избран (будучи волостным писарем, он не был включен в состав выборщиков). Но, т.к. Обоянское земское собрание отклонило данную жалобу на основании того, что она была подана слишком поздно, губернский гласный решил не отменять решение уездного собрания, хотя оно и было очевидно неправильным [2, л. 2–15].

При этом центральная власть зачастую возлагала на местные государственные органы тяжкое бремя рассмотрения конфликтов и злоупотреблений возникавших в ходе выборов в местное самоуправление. В частности, 21 июля 1874 г. МВД отправило Курскому губернатору прошение мелких землевладельцев Суджанского уезда, жалующихся на местного предводителя дворянства, отказавшегося допустить их к голосованию при избрании уполномоченных на предварительном съезде мелких землевладельцев. В том же году, 5 ноября МВД поручило Курскому губернатору рассмотреть докладную записку надворного советника Савицкого, сообщившего о злоупотреблениях, допущенных на избирательных съездах Корочанского уезда [1, л. 264].

В тоже время на заседании губернского земского собрания 9 декабря того же года, при проверке прав его гласных, представитель от Щигровского уезда Е.А. Марков заявил о неправильности в порядке выборов земских гласных вообще, следовательно и губернских земских гласных Курской губернии в частности. Он аргументировал это тем, что большинство уездных гласных от крестьян составляют волостные старшины и писари, которые приобрели это звание пользуясь своим влиянием на крестьянские общества.

Причиной опасений стало то, что волостные старшины находились в свою очередь в непосредственной зависимости от личных распоряжений местных исправников, которым, согласно «Положению о крестьянском управлении» от 27 июня 1874 г., было предоставлено право подвергать волостных старшин взысканиям и даже снимать их с занимаемой должности. При этом также указывалось, что и Правительствующий Сенат по поводу избрания в почетные мировые судьи волостных старшин, разъяснял в своем указе от 31 декабря 1870 г. что должность почетного мирового судьи не может заниматься одновременно с должностью волостного старшины, т.к. старшина по закону исполнял некоторые полицейские обязанности.

Следовательно, волостные старшины признавались принадлежащими к государственному служащим, а потому, к ним должна была применяться ст. 36 «Положения о земских учреждениях», запрещавшая допускать к участию в земских выборах представителей полиции. Однако Сенат, разъяснил, что на основании ст. 116 Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 года с должностью волостного старшины запрещалось лишь совмещение постоянных должностей, в тоже время как обязанности земского гласного не требовали постоянной занятости и не отвлекали от основной работы [5, с. 5].

Вообще в выявленных источниках фиксируются многочисленные случаи жалоб на результаты земских выборов. В этих случаях губернаторы играли роль высшей инстанции (на региональном уровне), утверждая или отменяя результаты выборов. Так было, к примеру, с жалобой гласного Льговской уездной земской управы П.Е. Безобразова, поступившей 5 января 1884 г. в Курскую губернскую земскую управу. В ней говорилось о незаконности избрания гласных И.А. Жбанкова и М.П. Крыгина в Льговское уездное земское собрание.

Причиной тому послужили неправильные действия Льговской оценочной комиссии, которая, по словам жалобщика, составила совершенно произвольно две оценки вместо одной. Одну – для взимания городских налогов, по которой вся городская недвижимая собственность оценивалась в 143 тыс. руб. И другую – для взимания государственных и земских налогов, по которой та же самая недвижимость оценивалась только в 78 тыс. руб. На основании этой второй, совершенно произвольной, затем были составлены избирательные списки для избрания гласных в местное уездное земское собрание. Как следствие, получилось так, что избирательные права неожиданно получили некоторые лица, (в т.ч. указанные в жалобе) не отвечающие по закону имущественному цензу, и наоборот, многие отвечающие последнему, оказались не внесенными в избирательный список. Губернатор справедливо принял решение признать подобные выборы недействительными [6, с. 54].

В конце XIX в. особенно возросло число конфликтов между органами общественного управления и местной бюрократией. Курская губерния не стала исключением в этом смысле. К примеру, в 1884 г. губернское земское собрание приняло решение обжаловать в Правительствующем Сенате незаконное, по ее мнению, решение губернатора о признании недействительными результатов избирательного съезда Суджанского уезда. [1, л. 264].

В свою очередь, 11 ноября 1896 г. уже сам Курский губернатор опротестовал постановление Дмитриевского уездного земского собрания, относительно исключения действительного статского советника В.И. Левковича из списка гласных. Протест свой он обосновал тем, что хотя Левкович и потерял земельный надел, дающий право голоса, но приобрел

новый, имеющий равнозначное значение. Однако Дмитриевское уездное земское собрание отклонило протест губернатора на том основании, что Левкович приобрел право голоса уже после утверждения избирательных списков. Данный инцидент интересен тем, что, когда губернатор передал дело на рассмотрение Сената, последний принял сторону земства [4, с. 2–14].

В завершение отметим, что по Положению 1864 г. губернаторы вообще имели право обязательного утверждения председателей уездных земских управ. По словам И. Блинова «губернаторы довольно широко пользовались данным им правом неутверждения» [3,].

При этом выговоры и замечания (без внесения в послужной список) объявлялись членам уездных земских управ губернским по земским и городским делам Присутствием. Служебный персонал, находившийся в ведении земских управ, привлекался к ответственности на тех же основаниях, что и члены упомянутых управ [3, с. 294].

Таким образом, государственная власть играла важнейшую роль в процессе формирования земского самоуправления. Положительная сторона этого вмешательства заключалась в защите рядовых граждан от злоупотреблений должностных лиц земского управления, в контроле над деятельностью земских органов и фиксации нарушений с их стороны.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2127.
2. ГАКО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1 (а).
3. Блинов И. А. Губернаторы: историко-юридический очерк. – СПб: Типо-лит. К. Л. Пентковского, 1905. – 366 с.
4. Журналы заседаний Дмитриевского уездного земского собрания 1888 г. – Курск: Типография Курского губернского земства, 1889.
5. Журналы заседаний Курского губернского земского собрания 1874 г. – Курск: Типография Курского губернского земства, 1875.
6. Журналы заседаний Льговского уездного земского собрания 1884 г. – Курск: Типография Курского губернского земства, 1885.

В. Е. ДУРНОГЛАЗОВ

СОСТОЯНИЕ ВНЕКЛАССНОЙ И ВНЕШКОЛЬНОЙ РАБОТЫ В ШКОЛАХ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960-е – 1980-е гг.

Опыт осуществления школьной реформы 1958 г. показал, что соединение общеобразовательной и профессиональной подготовки школьников себя не оправдывает. Не всегда продуманно осуществлялось

руководство производственной практикой школьников. Уклон в преподавании в сторону дисциплин политехнического цикла в ряде случаев приводил к ухудшению качества знаний обучающихся по общеобразовательным предметам. Поэтому в ноябре 1966 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы». В соответствии с ним советская школа должна была развиваться как общеобразовательная трудовая и политехническая, а также готовить молодежь к общественно полезному труду и сознательному выбору профессии [8, л. 7].

Большая роль в подготовке школьников к общественно полезному труду в этот период времени предавалась опытнической работе. При этом основное внимание у сельских школьников обращалось на воспитание у них интереса к сельскому хозяйству и стремление овладеть квалифицированными сельскохозяйственными профессиями. Базу опытнической работы курских образовательных учреждений составляли 64 колхоза, 28 совхозов, 21 ремонтно-тракторная станция, 21 автохозяйство и т. д. Почти все школы Курской области имели учебно-опытные участки. Исключение составляла лишь незначительная их часть. Особенно хорошо была организована опытническая работа в Ореховской средней школе Касторенского района, Хомутовской средней школе, Генеральшинской средней школе Дмитриевского района, Верхнемедведицкой школе Курского района. Многие опыты проводились по заданиям Курского педагогического института, Курского сельскохозяйственного института, а также Ленинградского научно-исследовательского института растениеводства [10, л. 5]. В 1975 г. в школах области работало 350 ученических производственных бригад, более 700 кружков юннатов, которые объединили свыше 200000 школьников. На протяжении ряда лет лучшие ученические производственные бригады были в школах Курского, Поньровского, Мантуровского, Золотухинского и Тимского районов [3, л. 40]. К 1977 г. в образовательных организациях было создано и работало 388 школьных производственных бригад и 744 звена, а также 160 комсомольских молодежно-трудовых лагеря в которых участвовало 80000 школьников [5, л. 132].

Огромное внимание уделялось воспитанию у школьников здорового образа жизни. Во второй половине 1960-х гг. происходит качественный сдвиг в спортивной внешкольной работе с обучающимися. В Курской области во второй половине 1960-х гг. было дополнительно открыто 6 детско-юношеских спортивных школ. Всего в 1969 г. в Курском крае работало 7 детских спортшкол, в которых занималось более 145000 детей и подростков. Наибольшую известность среди них получила детско-юношеская спортивная школа № 2. Тренерами этой школы было подготовлено – 7 кандидатов в мастера спорта, 100 перворазрядников, более 3000 ее учащихся получили другие разряды. Ее воспитанники В. Аксентьев, В. Комаров, Б. Свиридов стали мастерами спорта СССР. В 1970 г. в

областном центре была создана лаборатория микроавтомобилей, в которой занималось 180 школьников [2, л. 50–55]. Ее лучшие спортсмены в разные годы занимали призовые места на всесоюзных и даже международных соревнованиях. В первой половине 1980-х гг. в регионе было дополнительно открыто 12 детско-юношеских спортивных школ. В конце 1980-х гг. в 23 спортшколах Курского края занималось 8000 детей (85% всех школьников) по 13 видам спорта. Ежегодно проводились областные соревнования и спартакиады среди учащихся [7, л. 18].

Получает новый импульс своего развития школьная краеведческая работа. Так, в 1967 г. учащиеся Курской школы № 10 под руководством ее учителя участника Великой Отечественной войны В. Е. Шуля собрали материал о В. Бочарове – первом куряnine Герое Советского союза. Вопреки устоявшемуся мнению, они доказали, что летчиком, которого в период Гражданской войны в Испании франкисты изрубили на куски и сбросили на парашюте над Мадридом, был не итальянец П. Джибелли, а Бочаров [16, л. 33]. В 1963 – 1965 гг. курские школьники собрали материал о 22 пионерах – участниках партизанского движения, погибших в борьбе с фашистами. По представлениям следопытов, многие из них были награждены правительственными наградами. Материалы были отправлены в Москву в Центральный музей Всесоюзной пионерской организации и получили высокую оценку [17, л. 30]. Большая поисковая работа в 1960-е – 1980-е гг. проводилась в школе № 43 города Курска клубом «Факел» (руководитель Тарасов П.С.). Его отряды собирали и изучали материал о боевом пути и героике командного состава 52-й гвардейской стрелковой дивизии, 16-й воздушной армии, 81-й и 148-й дивизиях, освобождавшими город Курск от гитлеровцев, вели оживленную переписку с их ветеранами [14, л. 89]. 28 мая 1971 г. в областном центре в соответствии с условиями Всероссийской экспедиции «Мое Отечество» была проведена областная конференция школьников «В мир литературы и искусства», посвященная 50-летию образования СССР и Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина. Ее участниками было собрано множество материалов о знаменитых курянах. Особенно хорошие результаты в ходе ее проведения были показаны: Львовским домом пионеров, юные краеведы которого собрали много материала об А. Гайдаре; Медвенской средней школой – о советском художнике Е.М. Чепцове; Фатежской средней школой № 2 – о Г.В. Свиридове; Курской средней школой № 8 – о Н. Асееве и журналистах-молодогвардейцах, погибших в годы войны [12, л. 50]. В 1970 г. комсомольские организации курского завода «Прибор» и школы № 40 получили задание Музея вооруженных сил СССР и Военно-исторического музея Курской битвы по разработке боевого пути 132-й Бахмачско-Варшавской стрелковой дивизии. Было собрано много материала об ее участии в боях на Курской земле, по участию в боях после Курской битвы до штурма Берлина и момента ее расформирования. Это было особенно важно, так как в народе мало знали о боевых подвигах этой дивизии.

Завязалась постоянная переписка с ее ветеранами. Музей вооруженных сил СССР высоко оценил труд комсомольцев и наградил их «Почетной грамотой» [13, л. 43]. В 1980-е гг. продолжалось активное развитие краеведческой работы в образовательных организациях Курской области. В 1984 г. в курских школах было создано 4267 поисковых отрядов, объединивших 84000 пионеров и комсомольцев. В ходе экспедиции «Летопись Великой Отечественной войны» ими было выявлено и уточнено более 10000 ветеранов, у 4624 из них записаны воспоминания о боевом пути. В 1991 г. в Курской области действовало 8 поисковых отрядов. За период с 1988 по 1991 гг. курскими поисковиками были обнаружены и перезахоронены останки 829 воинов, установлены имена 33 погибших солдат, ранее считавшихся пропавшими без вести [11, л. 14–20].

В 1960-е – 1980-е гг. внеклассную и внешкольную работу со школьниками Курской области вели: областной дворец пионеров и областные детские станции (туристическая, юных натуралистов, технического творчества), а также 18 районных домов пионеров, музыкальные школы. В образовательных организациях организовывались многочисленные кружки: народных инструментов, хоровые физические, химические, юннатов, исторические, спортивные, столярные, слесарные, военные и другие. Во всех детских и школьных библиотеках Курской области были созданы кружки «юных любителей книг» и читательские кружки. В целях воспитания школьников в коммунистическом направлении в школы приглашали старых коммунистов, участников Великой Отечественной и Гражданской войн, ударников производства и передовиков сельского хозяйства [4, л. 210–213]. Среди оправдавших себя форм интернационального воспитания широкую известность в Курской области получили клубы интернациональной дружбы. В ходе занятий в них школьники подкрепляли и углубляли знания, полученные по гуманитарным предметам, стимулировали свой интерес к изучению иностранных языков. В начале 1970-х гг. курские кидовцы участвовали вместе с юными интернационалистами страны во всемирной компании «Юность обличает империализм!», в развитии движения солидарности с детьми народов, борющихся против реакции, расизма и фашизма. Подобные клубы функционировали в школах № 29, 50, 33, 20, 36, 15, 4, 44 областного центра, а также во многих районных образовательных организациях [18, л. 239]. Во второй половине 1980-х гг. в курских школах активно начала внедряться новая форма внеклассной работы – подростковые клубы по интересам. Например, в 1985 г. в Северо-западном микрорайоне Курска были открыты 3 подростковых клуба: «Серебряные птицы», радиоклуб и клуб полевой стрельбы на базе школы № 25 [17, л. 20]. В период летних каникул обучающиеся отдыхали в пионерских лагерях. Так, в 1988 г. при Курском обкоме профсоюза работников народного образования функционировало 37 лагерей, в которых отдыхало 4402 школьника, а также 23 лагеря на базе с дневным пребыванием учащихся на 2095 человек [15, л. 58]. В связи с

введением в 1986 г. в образовательных учреждениях предмета основы информатики и электронно-вычислительной техники, в школах начали активно создаваться кружки по этой дисциплине. В 1987 г. в образовательных учреждениях областного центра работало 12 факультативов, 15 кружков по информатике. Так, в Курской школе № 29 действовал кружок «Юный программист» для учащихся 7 – 9 классов. В школе № 8 ученики на внеклассных занятиях составляли компьютерные программы для проверки знаний по математике и физике [1, л. 44]. В образовательных организациях региона в 1989 г. функционировало: 460 предметных, 147 юннатских, 257 технических и 120 музыкальных кружков, 251 спортивная секция, в которых занималось более 30000 обучающихся [6, л. 105].

Как следует из всех вышеприведенных фактов, в 1960-е – 1980-е гг. в школах Курской области получают значительное развитие разнообразные формы внеклассной и внешкольной работы. Они активно способствовали воспитанию у них высоких моральных качеств, патриотизма и здорового образа жизни. Однако в организации внешкольной работы имели место и некоторые упущения. Сеть школьных кружков была в основном рассчитана на учащихся младшего школьного возраста. Во внешкольных учреждениях Курской области в 1980-е гг. медленно шло развитие внеурочной деятельности, связанной с ЭВМ. Отдельные районные комитеты комсомола и комсомольские организации слабо руководили пионерской работой и направляли ее. В ряде образовательных организаций классные руководители плохо помогали организовывать внеклассную и внешкольную работу [9, л. 19].

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1709.
2. ГАКО. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 801.
3. ГАКО. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 932.
4. ГАКО. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 1211.
5. ГАКО. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 1249.
6. ГАКО. Ф. Р-3325. Оп. 2. Д. 410.
7. ГАКО. Ф. Р-3325. Оп. 2. Д. 429.
8. ГАКО. Ф. Р-4006. Оп. 2. Д. 5868.
9. ГАКО. Ф. Р-4006. Оп. 3. Д. 2505.
10. ГАКО. Ф. Р-4006. Оп. 12. Д. 305.
11. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 3. Д. 135.
12. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 14. Д. 13.
13. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 58. Д. 140.
14. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 58. Д. 141.

15. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 78. Д. 123.
16. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 17. Д. 19.
17. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 1520.
18. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 39. Д. 43.

Н.Г. КОНОНОВ

КУРСКИЙ КОЖЕВЕННЫЙ ЗАВОД им. СЕРЁГИНА (ИЗ ИСТОРИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ 1943-1945 гг.)

Кожевенное производство на курской земле имеет давнюю историю. Как доказали летописцы кожевенного завода им. Серёгина инженер техотдела завода Андрей Дмитриевич Боев, ветеран О.С. Иванова, бывшая заведующая заводской библиотекой Зоя Яковлевна Аноприева и др., в отчёте за 1784 г. указывалось о наличии в Курске 36 кожевенных заводов. Конечно, это были мелкие предприятия кустарного типа [31].

Как свидетельствует «Курский сборник с путеводителем по городу Курску и планом города», изданный Курским губернским статкомитетом под редакцией секретаря комитета Н.И. Златоверховникова в 1901 г., в середине XIX века в городе было до 30 кожевенных заводов.

Наряду с заводами курских купцов Ветчинкина, Гущина, Карандакова, Лысенкова, Сапунова, Силина и Скорнякова было до 70 небольших кожевенных заведений в Очакове и Кожевной. Они базировались на юго-восточной окраине Курска по левому берегу реки Тускарь, образуя кожевенную слободу [32, с. 380–381].

Наиболее крупным среди них был завод Лавровых, который возник в 1850 г. Этот завод после Великой Октябрьской социалистической революции и стал основой будущего кожевенного завода им. Серёгина. В ходе национализации (постановление ВСНХ от 20 ноября 1920 г.) он был переименован в 3-й государственный Курский кожевенный завод. В 1928 г. по решению профсоюза кожевенников ему было присвоено имя Фёдора Петровича Серёгина, участника революций 1905 и 1917 гг., члена Московского губкома РКП(б).

За всю свою историю завод подвергался несколько раз перестройке и реконструкции. В начале 30-х годов XX столетия он был полностью реконструирован и стал специализироваться на выпуске хромовых кож. Выпуск продукции в этот период возрос более чем в 200 раз. С 1932 г. на заводе развернулось соревнование хозрасчётных бригад, а затем и стахановское движение. Рабочие А.И. Филиппов, Л.И. Машнин, И.Д. Лунин стали лидерами в стахановском соревновании среди кожевенников Курской области, а строгальщик Михаил Васильевич Иванов в 1936 г. установил рекорд страны. В течение смены он обработал 1100 кож при норме 250.

1938–1940 гг. были ознаменованы новой реконструкцией завода. Он был оборудован лучшими кожевенными машинами заграничных и советских заводов и превращен в высокопроизводительное предприятие.

Производственная мощность завода накануне войны по выпуску продукции достигала 75 млн. кв. дцм хрома в год.

В 1938 г. за лучшие производственные показатели во Всесоюзном социалистическом соревновании коллективу завода было присуждено первое место среди предприятий, вырабатывающих хромовые кожтовары [5, л. 5; 22; 30].

С началом Великой Отечественной войны, вспоминала ветеран завода Нина Никифоровна Дмитриева, все мужчины были мобилизованы в армию, на предприятии остались одни девчата. Чтобы станки не стояли без дела, летучее комсомольское собрание приняло предложение секретаря комсомольской организации Володи Морозова с этого дня работать не только за себя, но и за ушедших на фронт. Перед каждым была поставлена задача - освоить все смежные операции и обеспечить бесперебойную работу производства. Установлен распорядок дня: 8 часов работать у своего станка, 8 – у соседнего. О том, как работали ребята, говорят цифры. В первый год Великой Отечественной войны курские кожевники выпустили 77 млн. кв. дцм хрома, что на 8 млн. больше, чем было выработано в 1940 г. [33]

Накануне захвата гитлеровцами г. Курска основное оборудование завода удалось эвакуировать в глубь страны.

Фашисты же перед своим уходом взорвали и сожгли кожзавод. Полностью выгорел второй этаж производственного корпуса. Сгорели склады, кузница, часть дубильного цеха, разрушена трансформаторная подстанция. Частично пожаром было уничтожено технологическое оборудование [5, л. 5].

Чудом не пострадали нижние этажи зольного и часть дубильно-красильного цехов. Здесь и развернулся основной фронт восстановительных работ. Люди, пришедшие на завод, работали дни и ночи.

Как свидетельствует выступление директора завода Евсея Рафаиловича Гельфанда по радио 28 сентября 1943 г., сразу же после освобождения Курска от фашистских оккупантов первыми на завод пришли кадровые рабочие: В.В. Ясенева, Мальцев, Соснова, Ботченко и др. Каждый из них горел одним желанием – как можно быстрее восстановить завод, чтобы обеспечить Красную Армию обувью и другими кожевенными изделиями.

Рабочие из-под обломков вытаскивали моторы, станки и другое оборудование. Дни и ночи проводил на предприятии механик Д.В. Глухих. Буквально по винтику, из уцелевших деталей и частей он в короткий срок собрал 3 машины, сам их смонтировал и опробовал при сдаче в эксплуатацию. Электрик С.И. Константинов разыскал моторы, привёл их в порядок и установил их на агрегатах. Уже 11 февраля 1943 г., т.е. на третий день после изгнания гитлеровцев из Курска, завод начал свою работу.

Много труда в восстановление завода вложил отец фронтовика, токарь Н.Р. Астахов. В бригаде монтажников на восстановлении завода он отработал 607 часов. Его ежедневная выработка превышала 200%. В июльские дни наступательных боёв Красной Армии он оказывал большую помощь следовавшим на фронт частям, не уходя по 2 смены с завода, пока не отремонтирует машины.

По-фронтовому работал на восстановлении завода отец защитника Родины слесарь Иванов. На заводе не было ни одного станка или машины, где не был вложен его труд. Свыше полутора норм давал он ежедневно. «Вместе с сыном кую победу над врагом, - говорил он, - я в тылу, а он – на фронте».

Благодаря электрику С.И. Константинову на 16 дней раньше срока была установлена подстанция. На его счету целый ряд рационализаторских предложений, он обучил около 20 учеников.

Под руководством жены фронтовика Анны Евсеевны Деловой было заложено около 300 кв. м оконных и дверных проемов.

Так своими силами восстанавливали рабочие цех за цехом. Ремонт машин и агрегатов, уборка мочильных ям и цехов, исправление водопроводной сети заняли 2 дня. Были отремонтированы помещение материального склада, корпус машинного отделения, трансформаторной подстанции. Заработали машины, ожил завод [23, с. 237, 255–256].

Острая нужда была в квалифицированных кадрах рабочих, ИТР и служащих. Её покрывали за счёт обучения молодёжи у станка, в цехах, в аппарате завода. В 1943 г. было обучено 30 человек. На должность мастеров были выдвинуты лучшие стахановцы. Мастером дубильного цеха стал А.В. Филиппов, мастером отмочно-зольного цеха – И.В. Реутов, в отделочном цехе – Цвиров и Е.Ф. Полянская [5, л. 5–6].

Возрождали завод в основном женщины – организаторы добровольческих строительных бригад: О. Иванова, Н. Канищева, К. Ульянова, Н. Варламова, Л. Татаренкова, В. Постникова и многие другие [22].

В результате небольшого ремонта первого этажа корпуса, вспоминала Н. Дмитриева, было организовано производство сыромятных и хромовых кож, а также шорных изделий для Красной Армии. Еще над отмочно-зольным цехом не было крыши, а рабочие приступили к выпуску товара.

Вставали в 4 часа, все вместе заготавливали кирпич на разрушенных улицах города, потом – рабочая смена, а после уже отстраивали корпуса завода.

Не отставали от взрослых и подростки. Несмотря на то, что для них был установлен сокращённый рабочий день, они работали наряду со взрослыми.

Поражаешься, откуда брались силы у измученных недосыпанием и голодом людей.

С первых дней восстановления завода рабочие развернули соцсоревнование за скорейшее введение его в эксплуатацию, опыт передовиков обобщался и передавался молодым. Энергии и энтузиазма занимать ни у кого не приходилось. Все работали с одним желанием – дать фронту как можно больше продукции [33].

Несмотря на крайне трудные условия, при нехватке химикатов и т.п., рабочие, включившись в соцсоревнование, выполняли установленные нормы на 200-300% [29].

При восстановлении завода его трудовой коллектив проявил немалую смекалку. Так, в ходе восстановления кожзавода ощущалась острая нужда в соли, а без неё нельзя было обрабатывать сырьё. Только что восстановленным цехам грозила остановка. Рабочие раскопали склады засоленных кож, брошенных немцами на станции. Всё перетряхнули, по кристаллу собрали найденную соль. Но этого оказалось мало. Новые поиски дали новые центры соли: в бочках нашли засоленные кишки, которые немцы приготовили для отправки в Германию. И там перетрясли всё, всё собрали.

Для смягчения кожи после солки нужна была поджелудочная железа. Взять её было негде. И рабочая смекалка подсказала новую мысль – нашли заменитель.

За две недели работы к 1 марта 1943 г. завод выдал 120 штук явочной сыромятины, 450 штук свиной сыромятины, 350 кг шерсти.

В кожевенном деле требовалось большое количество краски, т.н. негрозина. Того, что удалось достать, явно не хватало. Решили закрашивать только лицевую сторону, что дало возможность сэкономить до 70% дефицитной краски. Вместо дефицитных технических жиров – свиного и тюленьева жира, касторового масла – на жирование сыромятины успешно применили смазочные отходы.

На заводе не доставало топлива. Было принято решение пересевать шлак и отсевом топить локомотивы. Каждое ценное предложение коллектив завода быстро и эффективно внедрял в производство.

Неплохо работал шорный цех, который был основан по просьбе командования и призванный обеспечить военных лошадей необходимой сбруей [23, с. 237]. Здесь у станков стояли только женщины и подростки. Ребята с большим желанием и настойчивостью овладевали различными специальностями. Среди учеников особо выделялись: Соснов Толя, Бутов Саша, Беликов Федя и Басов Лёша. Они быстро освоили производство уздечек и других шорных изделий. Для подготовки новых кадров много сделал старый мастер Чистилин, обучив 28 учеников [24].

Включившись в предмайское соцсоревнование, желая выполнить требования фронта, помочь Красной Армии разгромить врага, рабочие завода успешно выполнили апрельскую программу, а многие рабочие показали пример трудовой доблести. Например, А.И. Филиппов выполнял норму на 204%, К.Д. Ульянова – на 178%, Н.Р. Астахов – на 200%,

М.М. Калинина – на 235%, рабочий-кожевник Сапунов – на 150%, рабочий-строгальщик Михайлов – на 170%.

Ударно трудились и комсомольцы. Так, бригада комсомолки Сапрыкиной добилась выполнения производственного задания на 200%.

Кожзавод освоил выпуск хрома и подошвенной кожи. За май и первую декаду июня 1943 г. завод дал хрома 4404 кв. дцм, подошвенной кожи - 18387 кв. дцм [23, с. 89, 90, 92, 247].

В связи с полным освобождением Курской области от фашистов 2 сентября 1943 г. коллектив кожзавода стал на трудовую вахту. Благодаря его усилиям досрочно, 16 сентября, завод выполнил план 3-го квартала. В фонд Главного командования Красной Армии было дано много сверхплановой продукции [23, с. 256–258].

Накануне Октября на заводе с новой силой разгорелось предоктябрьское социалистическое соревнование. Многие рабочие стали двух-и трёхсотниками. За троих своих сыновей, ушедших защищать Родину, работал Синявский, выполнявший три нормы в день. Знатная стахановка-мездрильщица К.Д. Ульянова подняла выработку нормы до 200%. За стахановскую работу они были награждены почётными грамотами Курского горкома ВКП(б) и исполкома горсовета.

Кадровый рабочий завода стахановец Мальцев за отличную работу был переведён мастером цеха [15, л. 6].

Как и предписывалось в постановлении СНК СССР «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства гор. Курска и Курской области» от 19 мая 1943 г., первая очередь завода мощностью 10 млн. кв. дцм хрома и 15 тонн подошвенной кожи в год была восстановлена и пущена в эксплуатацию в срок [14, л. 24].

В предоктябрьском социалистическом соревновании завод перевыполнил взятые на себя социалистические обязательства, завоевав переходящее Красное знамя горкома ВКП(б) и исполкома горсовета [25].

Подводя итоги предоктябрьского соцсоревнования, коллектив Курского кожевенного завода им. Серёгина включился в борьбу за успешное выполнение плана 1943 г. 19 ноября 1943 г. через газету «Курская правда» он обратился с письмом ко всем рабочим, инженерам, техникам и служащим заводов, фабрик и артелей города Курска с призывом сделать всё возможное для досрочного выполнения плана 1943 г. В числе этих обязательств были: выполнение государственного плана по выпуску готовой продукции в неизменных ценах 1926–1927 гг. к 25 декабря 1943 г., повышение производительности труда к плану IV квартала на 10% и снижение себестоимость продукции на 5% и др.

Инициатор соцсоревнования за своевременное выполнение производственной программы 1943 г. успешно, 13 декабря, выполнил своё обязательство. С 14 декабря завод уже выпускал сверхплановую продукцию [26]. К концу года при плане производства валовой продукции в 409 тыс. руб. завод её произвёл на 466595 руб., или на 114,1% к плану.

Производительность труда при плане роста в 12% фактически выросла на 141,2%.

Однако плановое задание по производству хрома было выполнено всего на 39,5% (план производства 2685 млн кв.дцм хрома, произведено 1060 млн.кв. дцм). Причины этого заключались в довольно позднем утверждении плана, в отсутствии химикатов, топлива. Поэтому завод вынужден был сосредоточить своё внимание на выпуске сыромяти, которая не требовала дорогих химикатов. Вследствие этого план по производству сыромяти был выполнен на 135% (при плане выпуска 61000 кг выпущено 82480 кг). Как правило, шорные изделия из сыромяти шли на снабжение Красной Армии.

Одновременно завод произвёл значительное количество товаров широкого народного потребления [5, л. 5, 6–8].

Не выполнил завод и плановое задание по освоению 260 тыс. руб. капвложений. Было освоено всего 99 тыс. руб. [9, л. 96]. Причины этого: деньги были ассигнованы только в июле 1943 г., когда часть работ была проведена за счёт других средств, завод не был обеспечен строительными материалами, острая нужда наблюдалась в квалифицированных рабочих, особенно в строителях.

И, тем не менее, благодаря усилиям многих рабочих к 1944 г. на заводе были восстановлены подстанция, дизель мощностью в 75 л.с., паровой котёл площадью нагрева 120 кв. метров. Завод полностью был обеспечен собственным силовым хозяйством. Восстановлена 2-я мездрильная машина, завезены и в ближайшее время планировалось восстановить ещё одну мездрильную и двоильную машины [14, л. 122].

К концу 1943 г. на заводе работали 163 человека, из них 34 стахановца, 10 отличников производства, 4 ударника. Особенно ударно трудились стахановцы: мездрильщики П.П. Алексеев, К.Д. Ульянова, перезольщик Синявский, раковщица Т.И. Сапунова [10, л. 1].

В результате проведённого в I квартале 1944 г. в г. Курске общественного смотра организации труда на предприятиях коллектив кожзавода внёс ряд рацпредложений, благодаря которым были восстановлены 2 электромотора, удалось ликвидировать простой оборудования, досрочно восстановить мездрильную машину, что дало возможность высвободить 6 человек. Экономический эффект от рацпредложений составил 15 тыс. руб. в год [16, л. 124].

Став на трудовую вахту по достойной встрече первой годовщины со дня освобождения г. Курска от немецких оккупантов, кожзавод план за январь 1944 г. выполнил на 117,8%, а по производительности труда – на 132%, снижение себестоимости продукции составило 15%. В результате завод имел 200 тыс. руб. накоплений, стахановцев и ударников – 55% к общему числу рабочих [23, с. 297].

По итогам соцсоревнования промышленных предприятий г. Курска за 1943 г. и январь 1944 г. завод был назван в числе лучших предприятий [18, л. 21].

После празднования 26-й годовщины со дня рождения Красной Армии трудовой коллектив кожевенного завода им. Серёгина поддержал почин коллектива Курской швейной фабрики № 1 как можно быстрее восстановить разрушенное гитлеровцами народное хозяйство города и взял на себя более повышенные обязательства [27].

Коллектив кожевенного завода обязался своими силами восстановить родной завод. На предприятии были созданы добровольческо-строительные бригады каменщиков, штукатуров, маляров, плотников, в которые записалось свыше 100 человек.

Кожевенники поставили перед собой задачу полностью восстановить в строительном сезоне 1944 г. весь 2-й этаж основного корпуса, капитально отремонтировать первый этаж и все подсобные помещения [28].

И коллектив завода успешно выполнял взятые на себя обязательства. Была перевыполнена производственная программа за полугодие и июль 1944 г. Производственный план 7 месяцев был выполнен на 110%. Производительность труда за этот период выросла на 142,4%, себестоимость продукции снижена на 15,8%, накопления за 5 месяцев составили 15600 руб. Все рабочие переведены на сдельщину. Число стахановцев увеличилось до 72% к общей численности рабочих. На заводе не осталось тех, кто бы ни выполнял установленную норму выработки [17, л. 138].

Идя навстречу 27-й годовщине Октября, коллектив предприятия также взял на себя повышенные обязательства. Первичная партийная организация завода (секретарь парторганизации Маслова) сумела охватить предоктябрьским социалистическим соревнованием всех рабочих и служащих предприятия. В результате за октябрь 1944 г. производственный план завода выполнен на 102,5%, производительность труда рабочих повысилась на 3,5%. Ряды стахановцев за это время увеличились на 37 человек.

26 лучших стахановцев были награждены почётными грамотами, 19 человек занесены на Доску почёта, а самые лучшие работники – в Книгу почёта. В числе их мы видим коммунистов: начальника отделочного цеха А.Ю. Левина, старейшего рабочего завода Д.Е. Носенкова, Васильеву и др. [23, с. 348–351].

В конце ноября 1944 г. коллектив завода обратился к рабочим и служащим г. Курска с призывом за досрочное выполнение годовых производственных планов и взял на себя новые повышенные обязательства. Партийная организация предприятия возглавила это движение. Коммунисты были закреплены за решающими участками производства для оказания помощи отстающим. Было заключено 18 бригадных договоров с

количеством соревнующихся 103 человека. 99 рабочих взяли на себя индивидуальные обязательства.

Благодаря усилиям руководства и парторганизации завода годовой план его коллектив выполнил 5 декабря – ко Дню Сталинской Конституции. До конца 1944 г. сверх плана дано продукции на 130 тыс. руб. Годовой план по производству валовой продукции был выполнен на 114,1%: при плане её выпуска на 670 тыс. руб. было выпущено на 764,8 тыс.

К началу 1945 г. на заводе восстановлено следующее оборудование: 5 баркасов, шерстомойная, строгальная и мездрильная машины, барабаны, сушка-проектор. Установлено 3 мотора для обеспечения завода водой, проведён ремонт двигателя для бесперебойной подачи электроэнергии в связи с отсутствием её подачи от ЦЭС и т.п. [19, л. 67; 20, л. 11].

Однако план по производству хрома заводом не был выполнен. Планом предусматривалось произвести в 1944 г. 10 млн. кв. дцм хрома, произведено же его было 5336, 3 млн. кв. дцм, или 53,4% к плану.

Причины невыполнения плана по производству хрома были вызваны отсутствием химикатов, электроэнергии, а также финансовыми затруднениями [4, л. 102, 103.].

Не выполнен был план и по освоению капиталовложений. При плане освоения в 600 тыс. руб. было освоено 452 тыс. руб. (75,3%) [20, л. 11].

И всё же коллектив предприятия на 15 октября 1944 г. выполнил указание правительства о введении мощности завода по выпуску 30 млн. кв. дцм хрома в год, за исключением мощности сушек, постройка и монтаж которых ещё не были закончены [5, л. 1].

И в 1945 г. партийная организация предприятия стояла во главе движения рабочих, ИТР и служащих по достойной встрече 2-й годовщины со дня освобождения Курска от немецких оккупантов и предмайского социалистического соревнования за досрочное выполнение производственного задания.

В предмайском соцсоревновании 1945 г. участвовал весь коллектив завода (212 человек). Из них соревнованием по профессии было охвачено 104 человека. Благодаря их трудовым усилиям апрельский план завода был выполнен на 141,4%, а 4-х месячная программа по производству валовой продукции – на 158%, в ассортименте – на 141%. Средняя производительность труда на одного рабочего возросла до 160%. Мездрильщик Алексеев апрельский план выполнил на 200%, строгальщик Ткачёв – на 180%, набойщица Агнищева – на 150%. Все коммунисты завода являлись стахановцами.

На кожзаводе поголовно все рабочие и служащие принимали участие в работе добровольческо-строительных бригад. Силами добровольцев была восстановлена дизельная станция, сдан в эксплуатацию паровой котёл системы инженера Шухова, произведены большие строительные работы по восстановлению главного корпуса завода, возведены стены и заново выстроена крыша корпуса и т.д. [23, с. 353].

На 128,4% была выполнена и производственная программа первого полугодия 1945 г. [8, л. 116–118].

Взятые коллективом кожзавода обязательства по достойной встрече 28-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и успешному выполнению годового плана в целом успешно были выполнены. Годовой план 1945 г. был выполнен досрочно - к 23 декабря 1945 г. [21, л. 84].

По мере восстановления завода росла численность заводского персонала. С 1943 г. по 1945 г. включительно она возросла с 122 до 201 человека, в т.ч. рабочих с 76 до 103 человек. И всё же это составляло 35,3% к численности всего персонала завода 1940 г. и 27,5% к численности рабочих. ИТР в 1945 г. было в 2,6 раза меньше их численности в 1940 г. (45 и 17 человек) [3, л. 4].

Увеличилось число рабочих сдельщиков. Если на 1 января 1945 г. на заводе на сдельной оплате работало всего 55,4% к общей численности рабочих, то к октябрю 1945 г. таковых уже насчитывалось 61,5% [18, л. 13, 75].

Росла и выработка (производительность труда) в расчёте на одного рабочего, за исключением 1945 г. Так, в 1943 г. она составила 6145 руб., в 1944 г. – 7806, в 1945 г. – 6619 руб. Выработка же на 1 рабочего в 1940 г. составляла 16002 руб. в расчёте на год, или в 2,4 раза больше 1945 г. [3, л. 4].

Благодаря усилиям рабочих завод с каждым годом, за исключением 1945 г., наращивал производство валовой продукции. В 1943 г. её произведено на 467 тыс. руб., в 1944 г. – на 765, в 1945 г. – на 682 руб. при плане в 650 тыс. руб. В 1940 г. завод произвёл её на 5985 тыс. руб.

Увеличивалось производство хрома. В 1943 г. завод произвёл более 1 млн. кв. дцм хрома, в 1944 г. – 5,3 млн., в 1945 г. – 8,7 млн. кв. дцм при плане его выпуска в 9 млн. кв. дцм. В 1940 г. завод произвёл 69,8 млн. кв. дцм хрома [2, л. 1; 3, л. 4; 4, л. 154 об.].

Незначительное невыполнение в 1945 г. плана по производству хрома объяснялось разными причинами. Это и отсутствие в достаточном количестве квалифицированной рабочей силы, острая нужда в сырье и химикатах, в топливе и электроэнергии. Всё это приводило к длительным простоям предприятия. Так, из 222356 фактически отработанных человеко-часов простои составили 10507 человеко-часов, или около 5% ко всему отработанному времени [13, л. 2 об.].

Немало рабочих завода проявляли подлинный трудовой героизм. Так, Ольга Сергеевна Иванова в 1944 г. создала на заводе добровольческую строительную бригаду, которая, не считаясь со временем, трудилась на восстановительных работах. По её примеру было создано ещё несколько бригад. Так, в 1944 г. на заводе уже работало 18 добровольческо-строительных бригад с охватом 185 человек, которые отработали на восстановлении родного предприятия 21570 человеко-часов. В 1945 г. уже

насчитывалось 20 бригад с охватом 218 человек, которые отработали 23590 человеко-часов [6, л. 4 или 7; 30].

Бригада разнорабочих Л.С. Григорьевой отработала 1600 человеко-часов, бригада каменщиков А.Е. Деловой – 1794 человеко-часа. Сами бригадиры отработали соответственно по 180 и 189 человеко-часов [7, л. 1].

За успешную работу по восстановлению предприятий лёгкой промышленности Курской области в соответствии с приказами НКЛП СССР лучшие работники кожзавода были награждены значком «Отличник социалистического соревнования лёгкой промышленности» с выдачей премий в размере месячного оклада. Это набивщица отделочного цеха К. С. Глаголева, мездрильщица К.Д. Ульянова, машинист Д.Е. Носенков, токарь Н.Р. Астахов [11, л. 174; 12, л. 19].

Итак, разрушенный до основания в период временной фашистской оккупации г. Курска Курский кожевенный завод им. Серёгина начал своё восстановление уже на второй день после изгнания гитлеровцев из города. Рабочие, ИТР и служащие завода проявили исключительный трудовой героизм в возрождении родного предприятия. Испытывая нехватку в квалифицированной рабочей силе, в строительных материалах, в химикатах, электроэнергии и т.п., заводчане шаг за шагом восстанавливали своё предприятие, наращивали с каждым годом выпуск продукции. Однако восстановить довоенный уровень производства кожевенной продукции к концу 1945 г. им не удалось. Слишком велик был ущерб, нанесённый фашистскими извергами заводу.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-457. Оп. 4. Д. 4.
2. ГАКО. Ф. Р-457. Оп. 4. Д. 5.
3. ГАКО. Ф. Р-457. Оп. 4. Д. 6.
4. ГАКО. Ф. Р-457. Оп. 4. Д. 25.
5. ГАКО. Ф. Р-457. Оп. 4. Д. 42.
6. ГАКО. Ф. Р-457. Оп. 4. Д. 43.
7. ГАКО. Ф. Р-457. Оп. 4. Д. 58.
8. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 3. Д. 48.
9. ГАКО. Ф. Р-5080. Оп. 1. Д. 11.
10. ГАКО. Ф. Р-5080. Оп. 1. Д. 13.
11. ГАКО. Ф. Р-5080. Оп. 1. Д. 37.
12. ГАКО. Ф. Р-5080. Оп. 1. Д. 49.
13. ГАКО. Ф. Р-5080. Оп. 1. Д. 74.
14. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее - ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2967.
15. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3086.

16. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3198.
17. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3226.
18. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3348.
19. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3563.
20. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3701.
21. ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 252.
22. Голобокова Л. Наш кожевенный // Курская правда. – 1976. – 7 декабря.
23. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Сборник документов и материалов. Т. 2. – Курск, 1962.
24. Курская правда. – 1943. – 28 марта.
25. Курская правда. – 1943. – 28 ноября.
26. Курская правда. – 1943. – 15 декабря.
27. Курская правда. – 1944. – 26 февраля.
28. Курская правда. – 1944. – 5 марта.
29. Курская правда. – 1967. – 15 июня.
30. Курская правда. – 1968. – 25 июля.
31. Локтионов Ф. Заводские летописцы // Курская правда. – 1966. – 20 августа.
32. Склярук В.И., Логачёв Н.Ф., Озеров Ю.В. Старые Курские открытки. Каталог иллюстрированных почтовых карточек 1899-1930 годов с объяснением видов города. – Курск: Пресс-Факт, 2005. – 385 с.
33. Хрусталёв В. Поклонимся рабочему // Молодая гвардия. – 1970. – 9 мая.

А. В. КРОХИНА, А. Н. МАНЖОСОВ, В. Н. НОВИКОВ

**УЧАСТИЕ КОЛЛЕКТИВА КУРСКОГО ТЕХНИКУМА
ПАРОВОЗНОГО ХОЗЯЙСТВА
В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ
ДЛЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ СССР**

В 2017 г. исполнилось 180 лет со дня открытия железных дорог в России. Во все времена развитие железных дорог имело для России судьбоносное значение. Огромную роль железнодорожный транспорт сыграл в обеспечении победы в Великой Отечественной войне. Он надежно связал фронт и тыл, доставляя резервы в действующую армию и обеспечивая эвакуацию людей и предприятий. За годы войны были восстановлены десятки тысяч километров путей, сооружены тысячи километров новых линий.

Послевоенный период знаменовался новыми подходами в развитии железных дорог Советского Союза. Началось внедрение прогрессивных

технологий тяжеловесного и скоростного движения поездов. По целому ряду показателей железные дороги СССР тогда не имели равных в мире. Именно в восстановительный послевоенный период квалифицированные кадры имели огромное значение для отрасли.

8 февраля 1943 г. после освобождения Курска от немецко-фашистских захватчиков в коллективе Курского техникума паровозного хозяйства (КТПХ) начались подготовительные мероприятия по возвращению на родную землю. 17 апреля 1943 г. согласно телеграммы Центрального управления учебными заведениями НКПС (ЦУУЗ НКПС) начальник техникума И. И. Карачевцев выехал в Курск для уточнения состояния учебного корпуса, общежитий, установления охраны объектов и составления сметы проведения ремонтных работ. Исполняющим обязанности начальника КТПХ в Кзыл-Орде был оставлен завуч Л. К. Мелентьев [11, л. 49 об.].

По приезде в Курск И. И. Карачевцев обнаружил, что полуразрушенный учебный корпус (по ул. Добролюбова, 4) занят помещениями военного эвакогоспиталя. В здании общежития расположилась компостерная мастерская станции Курск. Он разыскал коменданта техникума С. М. Сибилева и дворника А. П. Макееву. Она, после отъезда техникума в Кзыл-Орду осенью 1941 г., приняла под ответственность всё оставшееся имущество техникума. Ей так же был вручен экземпляр передаточного акта с описями оставляемого имущества. Но, как выяснилось А. П. Макеева не сохранила переданных ей документов (в период оккупации она сожгла их) сообщив, что ключи от помещений были отобраны немецко-фашистскими оккупантами. [13, л. 5]. В период оккупации оставшееся имущество техникума подверглось разграблению. Немалая ответственность за это лежала на директоре школы А. Г. Морозове, который являлся в 1942 /43 гг. одновременно начальником отдела образования Курской городской управы. Весной 1943 г. он был арестован органами государственной безопасности Курской области.

Основываясь на постановлении СНК ССР от 2 июля 1942 г. и приказе НКПС от 17 июля 1942 г. И. И. Карачевцев был вынужден обратиться к руководству Курского горисполкома (председатель – Н. А. Масленникова), начальнику фронтового эвакуационного пункта Центрального фронта полковнику Б. Н. Ибрагимову (в чьем подчинении находился госпиталь) и начальнику Военно-эксплуатационного отделения № 14 Г. К. Иваненко с требованием освобождения помещений техникума и подготовки их к учебному процессу. Но И. И. Карачевцев ни у кого из этих должностных лиц не получив поддержки, вынужден был обратиться к секретарю Курского обкома ВКП (б) С. И. Черникову (выпускнику техникума 1932 г. – авт.) и к транспортному прокурору. После их вмешательства дело медленно сдвинулось с «мертвой точки» [13, л. 4]. С 1 мая 1943 г. в Курском техникуме паровозного хозяйства действовала временная администрация [12, л. 1–2].

Согласно приказа начальника техникума с 3 мая 1943 г. проводилась регистрация студентов, преподавателей и обслуживающего персонала для дальнейшей работы. Так, в газете «Курская правда» регулярно печатались объявления аналогичного содержания.

10 августа 1943 г. в газете «Курская правда» впервые было помещено объявление о приеме на I и II курсы Курского техникума железнодорожного транспорта. Планировалось осуществить набор 210 новых студентов [12, л. 9].

К 20 августа 1943 г. штат техникума, включая обслуживающий персонал, составлял уже 20 человек (при требуемых 36 человеках) [12, л. 7]. В состав педагогического коллектива возвратились преподаватели Н. И. Шишлов, Я. В. Петров, О. И. Вертикова, Н. Ф. Беляев, которые пережили в Курске режим немецко-фашистской оккупации. После окончания Великой Отечественной войны под надуманным предлогом «неблагонадежности» многие из них были уволены [12, л. 7; 14, л. 15].

В этот период сотрудники техникума занимались ремонтом учебных помещений, сбором инвентаря, заготовкой топлива, для работы в зимних условиях. Городским топливным комитетом для техникума было выделено 600 тонн торфа и 165 кубометров дров на общую сумму 73,6 тыс. руб. [13, л. 6–6 об.]. Но этих запасов было явно недостаточно. 5 сентября 1943 г. 18 студентов И. И. Тишин, Е. Г. Горячев, В. И. Николаенко, Ю. Бут и другие вместе с сотрудниками выезжали на заготовку топлива [12, л. 10–10 об.].

26 июля 1943 г. Курский облисполком принял решение № 281 «Об открытии Курского железнодорожного техникума» [4, л. 17]. В нем, в частности, отмечалось требование к Курскому горисполкому «освободить здание по ул. Добролюбова, 4, принадлежащее Курскому железнодорожному техникуму». Было принято обращение облисполкома к начальнику Южной железной дороги С. В. Кутафину для принятия необходимых мер по выделению техникуму строительных материалов для осуществления ремонта и выводу в другое здание компостерной мастерской. Курский облисполком обязал начальника техникума И. И. Карачевцева к 25 августа 1943 г. завершить ремонт помещений, произвести набор 250 учащихся и начать занятия с 1 сентября 1943 г. [13, л. 3]. Но выполнение этого решения затягивалось из-за задержки с освобождением учебных помещений военным госпиталем № 1693. Лишь в конце сентября 1943 г. военные медики госпиталя № 1693, наконец, оставили учебное здание.

С 1 октября 1943 г. начались учебные занятия в техникуме со студентами I и II курсов. Они проводились не регулярно, в основном, из-за отсутствия помещений и мебели.

Согласно приказа ЦУУЗ НКПС № 433 от 21 сентября 1943 г. с 4 октября 1943 г. назначалась реэвакуация преподавателей и студентов старших курсов из Кзыл-Орды в Курск. Уполномоченным за эвакуацию был назначен исполняющий обязанности завуча по учебной работе А. С. Русин

[11, л. 63 об.–64]. В Курск возвращались преподаватели Л. К. Мелентьев, А. С. Русин, Е. П. Зубченко и 19 студентов II и IV курсов [1, л. 68]. 5 октября 1943 г. для курян были завершены учебные занятия. Уже в ноябре 1943 г. техникум возвратился в Курск [11, л. 64]. 6 декабря 1943 г. в КТПХ уже регулярно организовывались занятия для студентов [12, л. 29–29 об.]. Однако в учебных аудиториях условия оставались неудовлетворительными: ведь не хватало столов, скамеек. Из-за отсутствия отопления студенты были вынуждены заниматься в теплой одежде. Большинство оконных проёмов заложили кирпичом. В аудиториях постоянно использовались железные «печи-буржуйки» [11, л. 66, 68, 77]. В общежитиях для студентов не хватало коек, а также постельных принадлежностей, постоянно отсутствовало отопление. Комендант общежития – студентка II курса Г. Я. Веретельник вела значительную организационную работу для налаживания быта студентов [12, л. 18 об.; 14, л. 1 об.]. В столовой для учащихся организовали двухразовое питание.

В течение 1943/1944 учебного года студенты техникума провели большой объем восстановительных работ. Так, в справке Курского обкома ВЛКСМ, направленной в ЦК ВЛКСМ об участии комсомольцев и молодежи в восстановлении городов области, отмечалось, что «комсомольцы и молодежь паровозного техникума приняли активное участие в восстановлении здания техникума. Было создано 9 комсомольско-молодежных восстановительных бригад с охватом 96 чел., из них 63 комсомолец. Они восстановили: паровозный кабинет, паровое отопление и столовую, произвели штукатурку и побелку стен и потолков всего техникума, заготовили 220 куб. дров, очистили и перенесли 62 тыс. штук кирпичей и выложили 180 куб. кирпичной кладки. Всего ими отработано 45 тыс. чел.-час. 30 членов бригад награждены грамотами и ценными подарками» [9, л. 209]. Участие в восстановлении техникума принимали секретари комитета комсомола: Г. Я. Веретельник (до февраля 1944 г.) и студент I курса Е. Москалец. [7, л. 11 об.–12, 135].

11 января 1944 г., выступая по Курскому областному радио, начальник техникума И. И. Карачевцев отмечал, что по инициативе комитета комсомола заведения были проведены воскресники по ремонту корпуса и общежития, уборке прилегающих территорий. Так, комсомольцы К. М. Николаенко, Л. Р. Григорьева, К. Г. Горячев организовали погрузку угля на ст. Курск-город, а также заготовку дров в парке Солянка. Под руководством студентов II курса А. Г. Широких, Г. Г. Карасева, А. П. Касьянова, Б. В. Федорова проводились многие ремонтные работы. Бригадой студента В. К. Глаголева были остеклены окна в главном корпусе. Столярная бригада, организованная А. В. Чуйковым, отремонтировала всю мебель для аудиторий. Проводимая работа отражалась в стенной газете техникума «За кадры» [5, л. 40–41].

30 мая 1944 г. бюро Дзержинского РК ВЛКСМ г. Курска утвердило бригадами ремонтно-восстановительных бригад студентов II курса

А. Я. Бородаенко (ремонтно-слесарная бригада) и В. И. Батурлину (штукатурно-малярная бригада) [7, л. 55 об.]. 15 июля 1944 г. дополнительно были организованы бригады: по ремонту центрального отопления и токарных станков в учебных мастерских (11 чел.), по восстановлению паровозного, автотормозного и теплотехнического кабинетов (8 чел.), по изготовлению металлических табуреток и скамеек (10 чел.) [14, л. 56–56об.]. Значительную работу по восстановлению здания и учебных мастерских проводили заведующий мастерскими С. М. Сибилев и инструктор Н. А. Самохин.

В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны СССР от 5 июня 1943 г. № 3527 «О мероприятиях по укреплению ВТУЗов и техникумов железнодорожного транспорта» и приказу НКПС от 11 июня 1943 г. были повышены должностные оклады преподавателей. [1, л. 186–189, 190–196]. Так, начальник техникума тогда получал 1100 рублей, а отдельные преподаватели от 500 до 750 рублей [12, л. 5 об.; 2].

8 апреля 1944 г. в техникуме состоялся выпуск двух студентов IV курса. Е. Н. Собакину и Ю. А. Соколову были вручены дипломы техников-механиков [14, л. 33]. 19 апреля 1944 г. они были направлены в депо Белгород для работы на Южной железной дороге [14, л. 32 об.–34].

Руководство и преподавательский состав техникума проводили в трудных военных условиях жесткую линию на укрепление учебной дисциплины и улучшение быта студентов. Часто практиковалось отчисление неуспевающих студентов. Так, в марте–апреле 1944 г. было отчислено 18 человек, направленных на работу в паровозное депо Курск [14, л. 22, 29–29 об.].

8 февраля 1944 г, в первый день после коротких каникул, большинство студентов группы II-A не явились на занятия. Староста группы – комсорг техникума Н. А. Белогуров самовольно покинул техникум. Приказом начальника техникума он был освобожден от обязанностей старосты группы. Все обучающиеся в этой группе были предупреждены о том, что при повторении нарушений учебной дисциплины на них будут налагаться повторные взыскания [12, л. 18; 14, 10об.–11].

29 декабря 1943 г. за сокрытие случая поломки учебного стола студентами староста 1-Е группы Е. Москалец приказом начальника техникума обязывался «в трехкратном размере выплатить стоимость поломанного стола» [14, л. 34]. В феврале 1944 г. за сожжение двери в общежитии строго были наказаны студенты И. Н. Алехин и Н. И. Белкин [8, л. 24].

На V отчетно-выборной комсомольской конференции Дзержинского района (апрель 1945 г.), указывалось, что в техникуме паровозного хозяйства комсомольцы стали инициаторами коллективной пьянки. Так, комсомолец В. Г. Бородько получал по всем предметам «двойки», но оставался в стенах техникума и в рядах ВЛКСМ [14, л. 34; 8, л. 24].

Ужесточилось регулирование отпуска хлеба, обедов и ужинов в столовой. В соответствии с приказом начальника техникума от 14 апреля 1944 г. появились общественные контролеры по раздаче обедов. Они фиксировали случаи нарушений в специальном журнале. [14, л. 34–36].

С 24 марта 1944 года в техникуме проводилась обязательная ежедневная пятиминутная физподготовка [14, л. 25–26]. Ответственными за её проведение были назначены студенты: А. В. Чуйков, Л. К. Дядин, В. М. Жиров, А. И. Рыжков, И. Н. Алехин и В. С. Елкин [14, л. 27]. Вводилось круглосуточное техникумовское дежурство охраны. Вход в здание осуществлялся для преподавателей – по пропускам, а для студентов – по студенческим билетам. С 7 января 1944 г. с целью активизации соревнования было учреждено переходящее Красное знамя. Оно ежемесячно вручалось лучшей учебной группе [14, л. 4].

31 мая 1944 г. в связи с переходом И. И. Карачевцева на работу инструктором Курского обкома ВКП(б) [6, л. 2 об., 7], в соответствии с приказом НКПС № 607 от 21 апреля 1944 г. к обязанностям начальника учебного заведения приступил С. З. Агафонов, ранее работавший начальником железнодорожного училища в г. Актюбинске Казахской ССР. [10, л. 152; 14, л. 52 об.]. Будучи требовательным по характеру человеком, он продолжил лучшие традиции предшественника [10, л. 153], активизировал работы по ремонту учебных помещений, строительству надворных построек, на что было потрачено 734 тыс. руб., по восстановлению учебных мастерских и мебели. Своевременно был обеспечен новый набор студентов для обучения в 1944/45 учебном году [12, л. 26].

Студенты и сотрудники техникума регулярно привлекались к строительно-восстановительным работам. Ими было отремонтировано 9 учебных аудиторий и классов на сумму 250 тыс. руб. 16 июня 1944 г. С. З. Агафонов выехал со студентами техникума в Белгород для приобретения строительных материалов. В течение трёх суток было привезено 25 мешков извести и мела, необходимых для строительных работ. 23 июня 1944 г. в приказе № 12 по техникуму С. З. Агафонов указывал: «Обстоятельства сложились таким образом, что студентам пришлось доставлять мешки на себе с завода на станцию и делать несколько перегрузок... Перегрузки проводились в ночное время...» [14, л. 58–58 об.].

17 студентам, в том числе Н. И. Белкину, В. А. Гридасову, М. М. Крыгину, А. Н. Железнякову, А. А. Тулупову, И. Ф. Чулкову, П. П. Шевереву была объявлена благодарность [14, л. 58].

27 июня 1944 г. 23 студента, возглавляемых помощником начальника техникума по АХЧ М. Г. Арепьевым, были также направлены в Белгород для привоза ранее заготовленных стройматериалов [14, л. 59 об.–60].

В течение лета 1944 г. студенты регулярно работали на полях подсобного хозяйства, принимали участие в общегородских субботниках и воскресниках [14, л. 7 об., 9].

В апреле 1944 г. 4 студента техникума (Ю. Бут, К. Николаенко, П. Задорожный, В. Чертков) уехали по мобилизации на восстановление разрушенного Сталинграда [12, л. 15–16; 14, л. 28].

При содействии Дзержинского РК ВЛКСМ, в котором на учёте состояли комсомольцы техникума, проводилась работа по активизации деятельности комсомольской организации. Если к 1943/44 учебному году она насчитывала 23 человека, то уже в 1944 г. выросла до 115 человек [7, л. 130, 135]. Были организованы драматический, хоровой, духовой кружки, работала редколлегия стенной газеты. Группкомсоргам были предложены меры по организационному укреплению первичных организаций, совершенствованию работы по приему молодежи в члены ВЛКСМ [7, л. 135].

В феврале 1945 г. в КТПХ была введена должность освобожденного секретаря комитета комсомола. 5 февраля 1945 г. комсоргом техникума была избрана член ВЛКСМ с 1939 г. лаборант А. Е. Лельчук [12, л. 36–об].

К январю 1945 г. преподавательский и технический персонал техникума уже насчитывал 49 человек. Из них 12 человек были с высшим образованием и 3 – со среднетехническим [12, л. 30–37, 42, 44]. В состав педагогического коллектива возвратились фронтовики И. Ф. Лопатьев, О. Н. Сеницына. Они принимали активное участие в восстановлении хозяйства техникума, были отмечены почетными грамотами Курского обкома ВКП (б) и облисполкома [13, л. 42 об.–43, 58].

В докладной первого секретаря Дзержинского РК ВКП(б) Г. А. Самойлова, адресованной 17 октября 1945 г. в Курский горком партии, отмечалось, что коллектив преподавателей совместно с партийной и комсомольской организациями провёл большую работу по восстановлению техникума.

Добровольческие строительные бригады техникума смогли восстановить центральное отопление в учебном корпусе и мужском общежитии, изготовили 50 новых кроватей, 350 табуреток, 80 скамеек, 140 столов, 100 тумбочек. Было остеклено 150 квадратных метров оконных рам, завершено восстановление токарного цеха и паровозного кабинета.

Благодаря проведенным работам значительно улучшились учебные и бытовые условия студентов. В главном корпусе общая стоимость восстановительных работ составила 100 тыс. руб. (из них около 20 тыс. было выплачено членам добровольческих восстановительных бригад).

В столовой для студентов удалось организовать трехразовое питание. С марта 1945 г. все участники добровольческих строительных бригад обеспечивались бесплатными завтраками [10, л. 160–161].

В 1944/45 учебном году успеваемость составила 88,5%. Значительно уменьшилось число пропусков по неуважительным причинам (до 0,4%). Различными формами благодарности было отмечено 80 студентов. На нарушителей учебной и трудовой дисциплины было наложено 14 административных взысканий, в том числе 10 арестов [10, л. 161].

В заключение отметим, что организаторская работа педагогического коллектива, партийной и комсомольской организации Курского техникума паровозного хозяйства в короткий срок позволила восстановить и значительно укрепить техническую базу учебного заведения, улучшить условия для проведения учебно-воспитательного процесса и подготовки специалистов для железнодорожного транспорта. В июне и декабре 1946 г. состоялись первые послевоенные выпуски 55 техников-механиков паровозного хозяйства [2, л. 4, 9, 10–11]. Они были направлены в локомотивное хозяйство восьми железных дорог, в том числе на Московско-Курскую железную дорогу. В их числе были Л. В. Поздняков, Г. Я. Веретельник, С. В. Водопьянов, И. Н. Алехин, Б. М. Карпенко, В. А. Болдырева и др. [2, л. 5 об., 10 об.]. В 1947 г. в числе выпускников КТПХ было 124 человека, среди них П. Д. Соколов, И. В. Филиппский, В. Ф. Игнатенко, М. И. Черняев, А. И. Бутов и др., которые долгие годы работали в локомотивном депо Курск [3, л. 2–7].

Источники и литература

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1 Д. 124.
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-540. Оп. 1. Д. 10.
3. ГАКО. Ф. Р.-540. Оп. 1. Д. 11.
4. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 22. Д. 19.
5. ГАКО. Ф.Р-3705. Оп. 2. Д. 5.
6. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 59. Д. 209.
7. ГАОПИКО. Ф. П-94. Оп. 1. Д. 56.
8. ГАОПИКО. Ф. П-94. Оп. 1. Д. 75.
9. ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1 Д. 98.
10. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 4. Д. 769.
11. Объединённый архив Московской железной дороги г. Курска (далее – ОА МЖД), Ф. 24. Оп. 1-Л. Д. 13.
12. ОА МЖД. Ф. 24. Оп. 1-Л. Д. 15.
13. ОА МЖД. Ф. 24. Оп. 1-Л. Д. 16.
14. ОА МЖД. Ф. 24. Оп. 1-Л. Д. 18.

Л.С. ЛАСОЧКО

ОТ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ К ЗАПИСЯМ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ (К 100-ЛЕТИЮ ОРГАНОВ ЗАГС)

Термины «метрика», «метрическая книга» как приходской список «рожденных, умерших, повенчанных» появляются в России в начале XVIII в.

Указ Петра I от 14 апреля 1702 г. «О подаче в Патриарший духовный приказ приходским священником надельных ведомостей о родившихся и умерших» [9, с. 192 (№1908)] стал первым официальным документом, закрепившим необходимость регистрации рождений и смертей в России.

Обязательное повсеместное ведение метрических книг было установлено в мае 1722 г. «Прибавлением к Духовному регламенту» [10, с. 707, (№4022)].

Священникам было велено иметь у себя книги, которые «обычно нарицаются метрики», где записывать рождения и крещения младенцев, бракосочетание и смерти, а также сообщать в архиерейские приказы о числе родившихся и умерших.

Синодский Указ от 20 февраля 1724 г. определил, что цель ведения книг – «ведать о количестве всего Российского государства людей рождающихся и в брачное супружество совокупающихся и умирающих» [11, с. 266–267 (№ 4480)].

Метрические книги изначально велись в двух экземплярах: приходском и консисторском. Приходской экземпляр велся в церкви, хранился непосредственно в ризнице. В конце года священник делал список с приходского экземпляра за прошедший год и подавал его через духовное правление в консисторию. Там тетради приходов города, одного уезда за год брошюровались в один том. Так рождался консисторский экземпляр. Первоначально он назывался перечневым экстрактом и был менее полным (в этот экземпляр часто не вносились младенцы, рожденные и умершие в один год).

Синодский Указ от 23 ноября 1779 г. закрепил ведение метрических книг в двух экземплярах, которые должны были быть абсолютно идентичными [12, с. 883–884 (№ 14948)].

Метрические книги, которые вводились с основной целью – учет населения – стали достоверным документом, подтверждающим факт рождения, бракосочетания, смерти и сословную принадлежность лица, а также «основным свидетельством при определении степени родства» [16, с. 59].

Метрическая книга состояла из 3-х частей, каждая из которых имела свое название: о родившихся, о бракосочетавшихся, об умерших. В конце метрической книги приводились итоговые статистические данные о числе родившихся, бракосочетавшихся, умерших в приходе церкви за год. Вся дореволюционная демографическая статистика была построена, главным образом, на этих сведениях.

С момента появления метрических книг записи в них делались по определенным нормам и правилам. С 1724 г. был установлен формуляр метрической книги. Для каждой из ее частей вводилась своя форма.

Формуляр первой части «О родившихся» предусматривал следующую структуру записи: порядковый номер, даты рождения и крещения, имя новорожденного, фамилию, имя, отчество, сословие, место жительства,

вероисповедание родителей; сословие, имя, отчество, фамилии восприемников (так именовались крестные родители). Каждая запись должна была сопровождаться указанием имен священников «молитвовавших и крестивших».

В части «О бракосочетавшихся» указывался порядковый номер, дата венчания, сословие, имена, отчества, фамилии, возраст венчавшихся, отмечались случаи повторного брака; вносились имена, отчества, фамилии «поручителей» или «поезжан», требовались также подписи священников, венчавших брак.

В третьей части «О умерших» записывались: порядковый номер (отдельно для умерших мужского и женского пола), даты смерти и погребения, «кто именно помер» (при записи о смерти ребенка указывались имя, фамилия одного из родителей), причина смерти, «кем исповеданы и приобщены», место погребения [11, с. 266–267 (№ 4480)].

Установленные формы метрических книг были уточнены в 1831 г.: незначительные изменения коснулись лишь наименования некоторых граф и в записи «О родившихся» – введена отдельная нумерация родившихся по полу [10, с. 203–204, 816–818 (№ 4397)].

Сенатским Указом от 7 февраля 1838 г. были введены новые формы метрических книг [13, с. 91–92 (№ 10956)]. Все сведения, предусмотренные ранее для внесения в метрическую книгу, должны были записываться в соответствии с указанными графами. Добавлены были графы удостоверения событий церковнослужителями.

К середине XIX в. повсеместно были введены типографские экземпляры метрических книг с графлением. Этот формуляр просуществовал до 1918 г. и стал одним из средств защиты метрических книг от фальсификации, наряду с сургучными печатями, подписями священников, скрепами и водяными знаками на бумаге.

На хранении в Госархиве Курской области находится 2830 метрических книг за 1770, 1779–1924 гг. Однако, сохранились они не по всем церквам и не за все годы – пробелы составляют от 5–7 до 20 и более лет. Самая ранняя метрическая книга, хранящаяся в архиве, датируется 1770 г. Это метрическая книга Анна-Зачатьевской церкви с. Веселое Рыльского уезда. Сохранность метрических книг за XVIII в. очень плохая. Не сохранилось за этот период ни одной метрической книги в Дмитриевском уезде, по г. Курску за XVIII в. сохранились метрические книги лишь Казанско-Богородицкого собора и Троицкой церкви. От трех до четырех метрических книг за 2-ю половину XVIII в. сохранилось по церквам Львовского, Тимского, Фатежского и Щигровского уездов. Гораздо полнее представлены метрические книги по церквам г. Курска и уездов Курской губернии за 1900–1918 гг. И тем не менее, к сожалению, приходится констатировать, что нет ни одной церкви, метрические книги которой сохранились бы в полном объеме за весь период существования церкви.

Говоря об информационной значимости метрических книг, надо отметить, что до настоящего времени не утрачена их правовая актуальность – метрические книги остаются единственным достоверным источником, подтверждающим дату бракосочетания, рождения, смерти до 1918 г.

Записи метрических книг о естественном движении населения были основой демографической статистики. Статистика записи смертей свидетельствует о высоком уровне детской смертности, особенно среди детей в возрасте до 5 лет. Вот только несколько примеров о количестве умерших детей.

1898 год. В Троицкой (нижней) церкви г. Курска зарегистрировано 107 смертей из них 71 – это дети в возрасте до 5 лет; Сретенско-Флоровская церковь г. Курска – умерло 122 человека, из них 76 – дети в возрасте до 5 лет [1, л. 230, 358].

1909 г. Михайловская церковь г. Курска: умерло 173 человека, из них 72 – дети в возрасте до года; Смоленская церковь г. Курска умерло: 74 человека, из них 45 – дети в возрасте до 5 лет [5, л. 95].

Метрические книги содержат богатейший материал по антропонимике – науке о личных именах людей. Наиболее распространенными мужскими именами были Иван (Иоанн), Николай, Александр, Михаил, Георгий, Сергей и др. Среди женских имен чаще других встречаются имена: Мария, Анна, Александра, Пелагея, Наталия и др.

Встречаются и довольно редкие имена. Так, в метрических книгах Николаевской церкви с. Шипы Обоянского уезда за 1879, 1885, 1888 гг. содержатся записи о рождении мальчиков с именами Ермократ, Агтий, Ор, Магн, Пист, Ват, Вакх, Сосфен; девочек – Ганания, Фомонда, Вивея, Сигклитикия и т.п. [2, 3, 4]

В метрических книгах церквей Курска нередки записи о рождении детей у родителей других губерний: Варшавской, Орловской, Минской, Курляндской, Бессарабской, Полтавской и др. [6, л. 47, 51об.–52, 173]

Из записей в метрических книгах о бракосочетавшихся в Покровской церкви г. Курск можно узнать, что в 1909 г. в Курске дислоцировались: 123-й пехотной Козловский полк, 11-й пехотный Псковский полк, 30-й резервный пехотный полк, 203-й Грайворонский резервный батальон и др.

Все это свидетельствует о богатейшей информации, которая содержится в метрических книгах.

Смена государственного строя в октябре 1917 г. изменила судьбу метрических книг, повлекла за собой и изменение всей системы записей актов гражданского состояния.

Одним из первых нормативных документов, касающихся актов гражданского состояния, стал декрет ЦИК и СНК от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния». Согласно декрету признавались лишь гражданские браки, все записи о рождении, браке и смерти должны были вестись «в отделе записей

браков и рождений при городской (районной, уездной или волостной земской) управе [14, ст. 160]. 4 января 1918 г. Народным комиссариатом юстиции была утверждена инструкция «Об организации отделов записей браков и рождений» [15, ст. 200], в которой говорилось, что для проведения в жизнь декрета 18 декабря 1917 г. при волостных, городских земских управах начинают действовать «отделы записей браков и рождений». При губернских земских управах создавались «статистические отделения для ведения учета всех рождающихся, вступающих в брак, умерших и разведенных». Метрические книги из духовных консисторий передавались в губернские отделы записей гражданского состояния; из городских и сельских храмов – местным (городским и волостным) органам ЗАГС.

Как отмечалось в докладе заведующего губернским подотделом ЗАГС от 31 октября 1920 г., «первым по времени был организован, возник Курский городской местный ЗАГС, организован он был 25 апреля 1918 г. при горисполкоме» [7, л. 11].

18 октября того же года горзагс был передан в ведение Курского губернского отдела управления. Несколько позднее – 28 февраля 1919 г. был организован окружной ЗАГС; 7 августа 1919 г. он объединился с городским загсом.

Первоначально работа ЗАГСов заключалась в регистрации браков, рождений и смертей. С передачей же в конце июня 1918 г. в ведение горзагса метрических книг в его функции входит выдача справок и выписей из этих книг. Начиная с 1919 г. деятельность горзагса расширилась – начали поступать заявления о перемене фамилии, узаконении детей, расторжении браков.

Работа ЗАГСа за 1918-1919 гг. выражалась в следующих цифрах: в 1918 г. зарегистрировано рождений: 209 мальчиков, 213 девочек, всего – 422; браков – 450; смертей: 720 муж., 621 жен., всего – 1351 чел.; выдано 450 метрических выписей. В 1919 г. зарегистрировано рождений: 567 мальчиков, 537 девочек, всего – 1104; браков – 1200; смертей: 1319 муж., 1140 жен., всего – 2459; выдано 5000 метрических выписей; сделано 5 записей об изменении фамилий [7, л. 11].

К началу 1924 г. в Курской губернии было 190 органов ЗАГС, ведущих регистрацию всех актов гражданского состояния (15 уездных и 175 волостных), 98 дополнительных отделений при сельсоветах, ведущих регистрацию только рождений и смертей и 1 губзагс, осуществляющий руководящие функции в масштабе губернии [8, л. 2].

Говоря о характере актов записей, надо отметить, что книги сохранили свой основной формуляр, хотя и не без некоторых изменений. Так, вместо сословной принадлежности в метрической книге стал употребляться термин «гражданин», «гражданка».

В книгу записей о родившихся добавлены графы о месте рождения ребенка, возрасте родителей, каким по счету является родившийся ребенок у данных родителей.

В книге записей смертей вносились сведения о месте смерти, фамилия, имя, место жительства врача, выдавшего свидетельство о смерти, год, месяц, число рождения умершего, семейное положение, имя, фамилия, место жительства лица, сделавшего заявление о смерти.

В книге записей о браке добавлена графа с указанием года, месяца, числа рождения жениха и невесты.

Сравнивая записи метрических книг, хранящихся в архиве, сделанные до и после 1918 г., отмечается небрежность записей, частое использование синих чернил, что приводит в настоящее время к угасанию текста.

В Государственном архиве Курской области в составе архивных фондов волостных исполкомов имеется незначительное количество актов записей за 1920–1924 гг. Сохранившиеся акты записи гражданского состояния до 1943 г. находятся на хранении в районных отделах ЗАГС.

К сожалению, до настоящего времени остаются до конца всесторонне не изученными метрические книги, один из наиболее массовых источников не утративший и сегодня своего практического значения.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 217. Оп. 3. Д. 23.
2. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 165.
3. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 174.
4. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 185.
5. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 436.
6. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 467.
7. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 2.
8. ГАКО. Ф. Р-1287. Оп. 1. Д. 322.
9. Полное собрание законов Российской Империи (далее – ПСЗ). Собрание первое. Т. IV. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
10. ПСЗ. Собрание первое. Т. VI. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
11. ПСЗ. Собрание первое. Т. VII. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
12. ПСЗ. Собрание первое. Т. XX. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
13. ПСЗ. Собрание второе. Т. XIII. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1838.
14. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (далее – СУ). – 1917. – 19 декабря. – № 11.
15. СУ. – 1918. – 9 января. – № 14.

16. Елпатьевский А.В. К истории документирования актов гражданского состояния в России и СССР (с XVIII в. по настоящее время) // Актовое источниковедение: сб. статей. – М.: Наука, 1979. – С.55–84.

Г. Д. ПИЛИШВИЛИ

**АНАЛИЗ НЕДОСТАТКОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ
ОБЛАСТИ ЛЕТОМ – ОСЕНЬЮ 1943 г.
И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

В Курской области к началу июня 1943 г. действовало 53 истребительных батальона НКВД, объединявших в своих рядах 3 590 бойцов. Через месяц эта цифра выросла до 3 968 [1, л. 41]. Вооружены они были в основном оружием, найденным на местах боев или изъятым у населения, частично полученным со складов НКВД. Оружия на всех не хватало. Так, например, на 1 июля на вооружении курских истребителей имелось 2 982 единицы стрелкового оружия, как отечественного, так и трофейного, в том числе 123 пулемета и автомата, а также 569 гранат [1, л. 41об.]. В помощь батальонам, как и в предыдущий период, создавались группы содействия. В частности, приказ УНКВД по Курской области от 19 марта 1943 г. предписывал сформировать их во всех населенных пунктах, прежде всего в прилегающих к железнодорожным линиям, мостам, шоссе и грейдерным дорогам [1, л. 30].

За этими цифрами стояла большая работа, не лишенная, впрочем, и недостатков, порой значительных. В частности, не во всех районах батальоны комплектовались в соответствии с существующими рекомендациями. В ряде районов райкомы партии не стали включать в истребительные батальоны партийно-советский актив, мотивируя это его занятостью в различных сельскохозяйственных кампаниях. В результате в начале 1943 г. батальоны создавались в основном из призывного контингента (допризывники 1926, а затем 1927 года рождения), в силу чего их состав был нестабилен и дважды обновлялся. Так, на 1 октября 1943 г. в Новооскольском батальоне состояло всего два члена партии, в Ясеновском, Корочанском, Малоархангельском – по одному коммунисту и комсомольцу в каждом. В Беловском насчитывалось 54 допризывника из 55 бойцов, в Мантуровском – 98 из 103 [4, л. 66]. Всего же по области на 1 июня в батальонах состояло 237 членов и кандидатов ВКП(б) (6,6% общего состава), на 1 октября – 788, или 15% [1, л. 27]. Нередко райкомы партии зачисленных по их же предложению в батальоны через несколько дней освобождали от этой работы, тем самым создавая текучесть личного состава. В отдельных же случаях представители партсоактива, даже будучи включенными в истребительные батальоны, активного участия в их

деятельности не принимали, находясь на положении «почетных бойцов» [6, с. 273].

Имелись проблемы и с подбором комсостава. В ряде районов к этому отнеслись формально, в результате чего в 1943 г. Управление НКВД Курской области было вынуждено снять с работы, как не справившихся, командиров семи батальонов. В некоторых не был подобран средний комсостав – заместители командиров по тактической и строевой части, начальники штабов, командиры взводов [1, л. 30]. Кроме того, командиров батальонов систематически направляли на длительное время в сельсоветы для проведения хозяйственных кампаний, тем самым оставляя батальоны без руководства [4, л. 67].

Все перечисленное, в конечном счете, не могло не сказаться на ходе боевой подготовки и состоянии дисциплины в истребительных батальонах. Было зарегистрировано более 20 несчастных случаев, произошедших в Курской области в 1943 г. из-за неумелого или небрежного обращения с оружием. Приведем пару примеров.

12 апреля 1943 г., загнав в патронник патрон, боец Н.Я. Сечин не смог его изъять и передал другому – В.С. Асееву, который извлекая патрон произвел выстрел и убил наповал бойца Солнцевского батальона А.П. Соклакова. 22 апреля 1943 г. во время чистки оружия боец Б.-Солдатского батальона В.А. Малышев загнал патрон в патронник и хотел проверить работу выбрасывателя. Но произошел выстрел, и был убит лежавший боец И.И. Хмелевской. 17 мая 1943 г. боец Троснянского батальона М. Лизунов, стоя на посту, не подпустил к себе бойца Д.И. Метасова. Но последний подошел к нему и взялся за оружие. Лизунов нажал на спусковой крючок, произвел выстрел и ранил в бедро Метасова [3, л. 17].

В Томаровском батальоне 15 октября 1943 г. трое бойцов открыли бесцельную стрельбу, в результате чего один из них был ранен в бедро. В том же батальоне из самодельной ракетницы был смертельно ранен боец И.В. Мирошников. Два аналогичных случая (один из них со смертельным исходом) произошли в Кореневском районе. Трое курских истребителей погибли при разборке снарядов. Всего же за 1943 г. их небоевые потери составили 20 человек (15 убитыми и 5 ранеными). В ряде батальонов отсутствовал порядок в части хранения и выдачи оружия. В Чернянском районе это привело даже к преступлению, когда бойцы истребительного батальона А.Е. Пушкин и А.А. Шевченко совместно с еще одним местным жителем Н.Е. Менжуковым, совершили несколько вооруженных грабежей, за что были осуждены военным трибуналом [1, л. 39–40].

Низкая дисциплина была у женщин в истребительных батальонах, как например в Ленинском, Дзержинском, Сталинском районах города Курска, Обоянском, Тербунском районных батальонах. Практика деятельности истребительных батальонов 1943 г. показала необходимость перевода женщин в группы содействия. Осенью 1943 г. в населенных пунктах

Курской области имелось 450 таких групп, объединявших 4 588 человек [5, с. 52].

От органов внутренних дел, партийных и советских органов требовалась неустанная целенаправленная работа по укреплению истребительных батальонов. Значительный ее объем пришелся на долю штабов истребительных батальонов Управлений НКВД. В условиях, когда в районах не хватало подготовленных в военном отношении кадров, большую роль играли выезды на места работников этих органов, особенно если они не ограничивались только проверкой состояния дел.

В это же время шла работа по пересмотру состава штабов – люди случайные, слабо разбирающиеся в военном деле, заменялись более знающими и опытными. Помимо этого, некоторые сотрудники были переведены на другую работу, в том числе начальник штаба при УНКВД Курской области майор госбезопасности К.О. Бедик, отозванный в декабре в НКВД СССР. Стабилизировался состав штаба лишь к январю 1944 г. Его возглавил подполковник Б.В. Павлов, бывший начальник штаба истребительных батальонов УНКВД по Саратовской области. Заместителем являлся капитан Н.М. Лавренчук, ранее командир истребительного батальона в г. Москве; инструкторами были старшие лейтенанты Гончаров, Шетериков, Маракаев, лейтенант Ражакова, младший лейтенант Рябов, секретарь лейтенант Будаев [2, л. 42].

Следует отметить, что в работе штаба встречались некоторые недостатки и недочеты.

1. Работа штаба производилась по месячным планам, утвержденным начальником Управления. В основном планы составлялись верно, и охватывали собой все вопросы оперативно-служебной деятельности, боевую и политическую подготовку истребительных батальонов. Но, к сожалению, планы часто загромождались второстепенными малосущественными вопросами.

2. Распределение обязанностей между командирами штаба было проведено неверно, так как командиры штаба вели работу лишь в батальонах.

3. Контакт в работе штаба истребительных батальонов с военным отделом Обкома ВКП(б) было мало. Обком ВКП(б) редко заслушивал отчет начальника штаба о работе истребительных батальонов. Специальных решений Обком ВКП(б) по работе с батальонами не выносил. Как результат, в работе истребительных батальонов на местах имелся ряд существенных недостатков. Например, заместители командиров батальонов по политической части, утвержденные на Бюро РК ВКП(б), практически никакой работы в батальонах не вели (В.-Любажский батальон). Прикрепленный к истребительному батальону местный совпартактив редко участвовал в службе и часто не являлся на занятия под предлогом занятости по проведению политхозкомпаний на селе.

4. В штабе отсутствовал централизованный учет оружия,

боеприпасов. Хотя батальоны были укомплектованы людьми полностью, но в среднем до 50% состояли из подростков 1927 года рождения, что было не совсем хорошо – слишком мал был возраст новых бойцов. Состоявший в батальонах совпартактив в списках числился только на бумаге и в службе батальона почти не участвовал. Следует отметить, что командиры батальонов имели неверный взгляд на то, что совпартактив вообще в батальонах держать не следует, так как службы он никакой не несет. Например, Стрелецкий РК ВКП(б) предложил командиру комплектовать батальон не из районного совпартактива, а за счет рядовых колхозников, проживавших за 10 и более километров от райцентра. Обоянский РК ВКП(б), несмотря на протест командира батальона, отправил последнего в мае – июне 1943 г. за 15 км в село, где он полмесяца безвыездно был уполномоченным по проведению политкомпаний, тем самым оставив батальон без командования на длительное время [3, л. 60].

Недостатком комплектования было и то, что бойцы батальонов находились на территории всего района на расстоянии 25 – 30 км и быстро собрать батальон в нужный момент было практически невозможно. Следует отметить также, что и командный состав батальонов, и командиры в своем подавляющем большинстве являлись работниками милиции, служившими в Красной Армии в качестве рядовых бойцов или младших командиров, и не имели какой-либо военной подготовки, кроме отдельных бойцов, окончивших специальные школы милицейских работников [2, л. 74].

В дальнейшем штабом была составлена 100-часовая программа занятий по боевой и политической подготовке бойцов истребительных батальонов, рассчитанная на пятимесячный срок обучения, с июня по октябрь 1943 г. (предусматривались занятия по тактике, огневой, строевой подготовке, материальной части оружия). Вместе с методическими и организационными указаниями программа была разослана всем батальонам, им было также направлено около полутора тысяч экземпляров различной военно-учебной литературы (ее недостаток, впрочем, по-прежнему был острым: не хватало боевых и строевых уставов, наставлений по стрелковому делу и т. д.). В мае – июне были организованы кустовые совещания командиров истребительных батальонов, где речь в основном шла также о боевой и политической учебе, методике проведения занятий и организации их учета [1, л. 33–33об.].

Подводя итог, укажем, что эти меры были тем более необходимы, поскольку в данной сфере также имелся ряд недостатков: плохая подготовка комсостава батальонов к занятиям, низкий уровень усвоения пройденного материала и т. д. – вплоть до полного отсутствия боевой и политической учебы в некоторых районах (например, Обоянском, Дмитриевском, Медвенском и др.). При этом в отчетах с мест порой фигурировали совершенно фантастические цифры, взятые явно «с потолка». Так, в Беловском районе при плане по тактике в 27 часов было

пройдено 106, по огневой подготовке – 86 часов вместо 9, строевой – 89 вместо 6, матчасти оружия – 93 вместо 11. Имелись проблемы и с посещаемостью занятий. На 1 октября по 38 батальонам она не превышала 65%, причем большинство командиров относило это на счет совпартактива, который значительную часть времени находился в сельсоветах на выполнении различных сельхозкомпаний [1, л. 38–38об.].

В дальнейшем со стороны руководства батальонами, партийных органов и органов НКВД предпринимались значительные меры по совершенствованию оперативной, боевой и тактической деятельности.

Источники и литература

1. Архив УВД Курской области (далее – А УВД КО). Ф. 38. Оп. 1. Д. 7.
2. А УВД КО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 11.
3. А УВД КО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 13.
4. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИ КО). Ф. П–14. Оп. 1. Д. 182.
5. Коровин В.В., Манжосов А.Н., Немцев А.Д., Пожидаева Н.Н. Твой путь я разделю, как верная подруга... (Женщины Курской области в Вооруженных Силах Советского Союза и добровольческих военизированных формированиях в 1941 – 1945 гг.). – Курск: МУП «Курская городская типография», 2006. – 132 с.
6. Яценко К.В. Военно-организаторская деятельность государственных и политических структур областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны: Дисс. ... докт. ист. наук. – М., 2003. – 380 с.

Т. А. ПОЛЗИКОВА

ИЗ ИСТОРИИ МИХАЙЛОВСКОГО ГОРНО-ОБОГАТИТЕЛЬНОГО КОМБИНАТА (ДРОБИЛЬНО-ОБОГАТИТЕЛЬНОМУ КОМПЛЕКСУ – 45 ЛЕТ)

В архивных фондах Государственного архива Курской области Р-704 «Михайловский железорудный комбинат» и Р-707 «Михайловский горно-обогатительный комбинат им. 60-летия Союза ССР» хранятся документы, освещающие деятельность всего комплекса Михайловского горно-обогатительного комбината за 1957–1974 гг. и 1967–1985 гг. соответственно. Состав фондов включает документы: руководства (постановления, приказы, распоряжения директора комбината, документы Министерства чёрной металлургии СССР); отдела кадров; планового отдела (годовые планы производства, выпуска продукции, статистические отчеты);

отдела научной организации труда и заработной платы (нормы выработки, штатное расписание); бухгалтерского и финансового отдела (финансовые планы, бухгалтерская отчетность); производственного отдела (протоколы совещаний, документы о строительстве); технического отдела (рационализаторские предложения по усовершенствованию труда, поступление и внедрение изобретений); отдела технического контроля и техники безопасности; маркшейдерского отдела (геологические отчеты, разведка руд). В силу состава принятых на хранение документов (большая часть поступивших документов – приказы и распоряжения директора комбината, а также бухгалтерская отчетность), информация о непосредственном ходе работ при строительстве ГОКа имеется только в разделе Руководство, но основная часть приказов и распоряжений директора комбината касается рассмотрения случаев травм на производстве, нарушении сроков сдачи-приемки объектов, техническом обеспечении строящихся объектов.

Что же касается непосредственно пуска дробильно-обогажительного комплекса Михайловского горно-обогажительного комбината большая информации содержится в периодических изданиях (газеты «Курская правда», «Молодая гвардия», «Ударный фронт», «Курская руда»). Газета «Ударный фронт» – орган Железнодорожного горкома КПСС, городского и районного Советов депутатов трудящихся Курской области. Газета «Курская руда» – орган парткома, профкома, комитета ВЛКСМ и дирекции Михайловского железорудного комбината.

Коротко об истории. Михайловское железорудное месторождение было открыто в 1950 г. Льговской геологоразведочной экспедицией.

На основании постановления Совета Министров СССР № 933 от 3 августа 1957 г. начал строиться Михайловский железорудный комбинат для добычи богатой руды Михайловского месторождения. Проектирование комбината по промышленной разработке богатых руд было поручено институту Южгипроруда. В дальнейшем проектированием комбината занимались институты Центрогипроруда и Механобрчермет. В сентябре 1957 г. была создана дирекция строительства комбината во главе с директором И. Л. Митрофановым и главным инженером Н. П. Кобылиным. Тогда же началось строительство карьера и рабочего поселка.

В короткий срок были введены в строй: линия электропередачи Курск-Железнодорожск протяженностью 106 км, железнодорожная ветка до станции Михайловский рудник длиной 52 км, сооружен ряд вспомогательных объектов.

10 июня 1960 г. на Михайловском месторождении добыли первую тонну богатой руды. Курские горняки установили рекорд в мировой горной практике по скорости углубления карьера: за полугодие они углубились на 22 метра.

Комбинат был пущен в строй 20 июня 1960 г. и подчинялся Управлению горнодобывающей промышленности Совета Народного

Хозяйства Центрально-Черноземного экономического района. 20 июня 1960 г. первый железнодорожный состав с курской рудой был торжественно направлен на Новотульский металлургический завод. С июня 1965 г. комбинат перешел в ведение производственного горнорудного треста по добыче и переработке руд «Центроруда» Главного управления горнорудной промышленности Министерства черной металлургии СССР.

Одновременно с развитием работ по добыче и обогащению бедных руд, составляющих основную часть запасов Курской магнитной аномалии, в октябре 1967 г. начал строиться Михайловский горно-обогатительный комбинат. Еще в июне 1967 г. было утверждено проектное задание первой очереди Михайловского ГОКа. Согласно ему, в состав горно-обогатительного комбината вошло свыше двадцати крупных объектов, в том числе карьер по добыче 15 млн тонн неокисленных кварцитов, дробильная и обогатительная фабрики, фабрика окомкования, ремонтно-механическая мастерская, комплекс сооружений железнодорожного транспорта и средств связи. Дирекцию Михайловского горно-обогатительного комбината возглавил А. И. Потапов [3, с. 6].

В строительство было вовлечено двенадцать специализированных организаций во главе с трестом «Курскрудстрой». В связи с большим объёмом строительно-монтажных работ и сжатыми сроками их выполнения стройка была объявлена Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Впоследствии коллектив строящегося комбината неоднократно признавался победителем Всесоюзного социалистического соревнования [9]. В комсомольской стройке принимали участие интернациональные бригады: «представители десятков национальностей приобщились к созданию горнорудного гиганта в центре России. Знаменательно и то, что рядом с советскими людьми с большим подъемом работают братья-болгары. Их помощь в освоении несметных сокровищ КМА трудно переоценить» [5].

Помимо строительства самого комплекса активно велось возведение жилья. Так, уже в 1967 г. строительно-монтажное управление № 1 треста «Курскрудстрой» сдало в эксплуатацию 60-ти квартирный жилой дом микрорайона 1 Михайловского ГОКа. Трудящимся комбината начали выдавать ключи от новых квартир [2].

В ходе возведения комбината работа шла с превышением всех показателей. Например, в первом квартале 1968 г. план по строительно-монтажным работам был перевыполнен на 157%, а себестоимость работ снижена на 20%. За перевыполнение плана рабочие регулярно получали премии. Между строителями было организовано социалистическое соревнование по выполнению принятых обязательств. В нем участвовали коллективы цехов, участков, бригад и отдельные работники. За победу в социалистическое соревнование вручались денежные премии, имена победителей заносились в Книгу Почета комбината [1;4].

«Курская правда» 16 октября 1973 г. писала следующее: «Горячего одобрения заслуживает почин коллектива СМУ-2 треста «Курскрудстрой». Он не раз показывал пример в борьбе за высокие темпы строительства пусковых объектов горно-обогатительного комбината, завоевал переходящее Красное знамя обкома КПСС, облисполкома, облсовпрофа и обкома ВЛКСМ. Первым закончил и сдал под монтаж корпус среднего и мелкого дробления, сейчас сооружает ответственный объект – корпус крупного дробления» [4]. Бригада «Юговостоктехмонтаж», пытаясь ликвидировать отставание по монтажу дробилок, условилась смонтировать их в два раза быстрее, чем было положено по норме.

Существовала практика торжественного чествования передовиков соревнований, для чего проводились вечера трудовой славы. Большое внимание уделялось наставничеству. Ветераны производства и прорабы брали шефство над молодыми строителями.

Во второй половине 1973 г. коллектив комбината стал интенсивно готовиться к приему в эксплуатацию объектов дробильно-обогатительного комплекса. В последние дни октября работа шла круглосуточно.

Первые пусковые мощности по добыче бедной руды в объеме 7,5 млн тонн и по производству концентрата 2,75 млн тонн были введены в строй 31 октября 1973 г.

Газета «Молодая гвардия» 1 ноября 1973 г. писала: «Сегодня на Михайловском ГОКе получен первый концентрат курской руды – первая линия горно-обогатительного комбината действует! По-ударному трудились на стройке комсомольско-молодежные коллективы, бригады, группы, члены отряда «Молодогвардеец». Бетонщики, монтажники, слесари и электрики делали все возможное, чтобы приблизить день пуска» [7].

3 ноября 1973 г. в том же издании: «В пролете сепарации корпуса обогащения, там, где был получен первый концентрат, состоялся митинг строителей гиганта черной металлургии. <...> Минуты, которые ждешь много-много дней, в последние дни кажутся часами, а в последние часы необычно долго тянутся минуты. <...> ... Стоит гигант черной металлургии, потрясая размерами и размахом. Только недавно ушли отсюда последние строители, а уже не верится, что шаг за шагом человеческие руки подняли в небо эти корпуса. Много труда вложили в сооружение МГОКа и машиностроители отечественных предприятий, братских социалистических стран, коллективы десятков проектных и конструкторских организаций, металлурги, энергетики и транспортники многих союзных республик нашей страны. А сегодня 12 тысяч строителей, непосредственных создателей горно-обогатительного комбината, приветствуют первый концентрат» [8].

Издание «Ударный фронт» 3 ноября 1973 г. привело подробную хронологию пуска комплекса:

«Последние дни перед пуском стройка жила по строго намеченной программе.

29 октября. В корпусе среднего и мелкого дробления обработаны первые тонны кварцита. <...> Наибольшую тревогу в этот день вызывает состояние дел на надсилосном конвейере. Рабочие второго участка Железнодорожного управления «Юговостоктехмонтаж» под руководством М.М. Буласова предпринимают героические усилия, чтобы не допустить срыва.

30 октября. Теперь отсчет времени ведется по часам. <...>

16-00. Тревогу вызывает положение на водной магистрали. В последний момент, когда казалось, что все готово к запуску, здесь произошла неполадка. Приняты меры к ее устранению.

31 октября. Стройка живет ожиданием. Вот-вот должна появиться вода. Тогда восьмая технологическая секция оживет. Впрочем, ожидание – не то слово. Делаются поистине невероятные усилия для того, чтобы приблизить этот заветный час.

А в корпусе тем временем идет подготовительная работа. Еще и еще раз проверяются все агрегаты, механизмы, системы.

16-00. На вахту заступила смена Николая Ворсина.

20-40. Авария на водной магистрали ликвидирована. Запущена в работу первая мельница.

21-20. Включен первый конвейер. Путь кварциту на мельницы свободен.

<...>

Впрочем, в эти минуты волнуются все. Если бы не ровный гул агрегатов, можно было бы сказать, что все замерло в ожидании сигнала: Пуск!

И вот этот сигнал прозвучал. Конвейерные ленты сбросили свой груз в питатели мельниц. И через некоторое время под сводами корпуса обогащения прозвучало громкое: Ура! Пошел! Есть первый концентрат!» [10].

В декабре 1973 г. на Новолипецкий металлургический завод был отправлен первый эшелон с курским концентратом.

Официальной же датой пуска первой очереди Михайловского горно-обогатительного комбината считается 21 декабря 1973 г., когда Государственная комиссия подписала акт приемки мощностей в эксплуатацию [6].

По состоянию на 1 июля 1974 г. в состав объединенного предприятия входило 58 производственных подразделений.

В целом же разработка месторождений КМА делилась на несколько стадий. Вначале разрабатывались богатые руды, а затем подстилающие их бедные. Переработкой богатых руд занимался Михайловский железорудный комбинат, переработкой железистых кварцитов – горно-обогатительный (в его составе было около двадцати объектов, включая фабрику дробления). Карьер был один.

Позднее в соответствии с постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1974 г. № 139 «О некоторых мероприятиях по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью» и приказом Министерства черной металлургии СССР от 5 марта 1974 г. № 219 для комплексного освоения Михайловского месторождения с 23 декабря 1974 г. Михайловский горно-обогатительный комбинат был объединен с Михайловским железорудным комбинатом в единое горнорудное предприятие – Михайловский горно-обогатительный комбинат.

Комбинат подчинялся Главному Управлению по добыче и переработке руд «Центроруда» Министерства черной металлургии СССР. В 1975 г. он был передан в ведение Всесоюзного промышленного объединения горнорудных предприятий «Союзруда».

После ввода первой очереди горно-обогатительного комплекса все усилия были сосредоточены на строительстве фабрики окомкования – последнего технологического звена. 27 декабря 1976 г. первая очередь фабрики была сдана в эксплуатацию.

На основании указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 декабря 1982 г. и в ознаменование 60-летия образования СССР комбинату присвоено имя 60-летия Союза ССР.

На сегодняшний день Михайловский ГОК входит в число крупнейших горнорудных предприятий страны в составе крупнейшей железорудной компании в России и СНГ «Металлоинвест» и является одним из лидеров отечественной горно-металлургической отрасли.

Разработка месторождения Михайловское ведется открытым способом с опережающей выемкой богатых руд. Глубина карьера по замкнутому контуру – 210 м [3, с. 7].

В состав комбината входят: дробильно-сортировочная, дробильно-обогатительная и окомковательная фабрики. Железная руда Михайловского месторождения Курской магнитной аномалии направляется на металлургические заводы Центральной России, Урала и Сибири, часть продукции отправляется на экспорт.

Комбинат производит широкий ряд продукции, востребованной на рынке железорудного сырья, в том числе: концентрат, окатыши, доменную и аглоруду.

С 2006 г. Управляющим директором Михайловского ГОКа является Кретов Сергей Иванович. Количество сотрудников в 2015 г. превысило тринадцать тысяч человек.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-707. Оп. 1. Д. 4.
2. Государственный архив Курской области. Ф. Р-707. Оп. 1. Д. 5.

3. Кашина Н. История Михайловского горно-обогатительного комбината // Сборник докладов. Материалы VII Российской студенческой конференции, Железногорск, 12–14 апреля 2000 г. / под ред. Коротченко О.Л. – Нижний Новгород: ТАЛАМ, 2001. – С. 6–8.

4. Курская правда. – 1973. – 16 октября.

5. Курская правда. – 1973. – 30 октября.

6. Курская правда. – 1973. – 23 декабря.

7. Молодая гвардия. – 1973. – 1 ноября.

8. Молодая гвардия. – 1973. – 3 ноября.

9. Ударный фронт. – 1973. – 1 января.

10. Ударный фронт. – 1973. – 3 ноября.

Т.А. ПОЛЗИКОВА

СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ ПОМЕЩИЦЫ БРИСКОРН: ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА И ПРИГОВОРА (ПО МАТЕРИАЛАМ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО ДЕЛУ КУРСКОЙ ПОМЕЩИЦЫ БРИСКОРН ОЛЬГИ КОНСТАНТИНОВНЫ)

В современной России все больше возрастает интерес к отечественной истории. Сюжеты прошедших эпох – благодатная почва для различного рода спекуляций и мифов. Одиозные личности притягивают внимание обывателей, эпизоды их жизни становятся историческими анекдотами, а имена – нарицательными. Так, помещица Дарья Николаевна Салтыкова стала символом неизмеримой жестокости и помещичьего самоуправства, лишив жизни несколько десятков своих крепостных. На Курской земле в имении тайной советницы Ольги Константиновны Брискорн в ходе следственных действий 1820-х гг. были также вскрыты факты жестокого обращения с крепостными. Этот судебный процесс отразил бесправное положение зависимого крестьянства первой четверти XIX в. Актуальным до настоящего времени остается вопрос об особенностях следственных действий в отношении Ольги Брискорн и протоирея Михаила Гапонова.

Фонд следственной комиссии по делу курской помещицы Брискорн в 1952 г. был передан в Государственный архив Курской области из Центрального государственного архива древних актов. Он насчитывает 23 единицы хранения и содержит переписку чиновников по делу помещицы, а также показания крестьян и духовенства. Большая часть материалов – свидетельства об истязаниях крепостных управляющими Ольги Константиновны и о тяжелых условиях труда на суконной фабрике в с. Прилепы.

Целью настоящего исследования является попытка проследить ход следственных действий по делу Брискорн, выявление основных пунктов обвинения, особенностей следствия и рассмотрение личности помещицы

александровской эпохи. В силу объема дел и специфики их содержания (дела с показаниями крестьян, составляющие основу фонда, имеют однотипные сведения, использовать их все не является целесообразным, в статье приводятся лишь отдельные выдержки из них и общий анализ).

Комиссия по делу помещицы Брискорн начала свою работу в марте 1822 г. и состояла из чиновников, командированных министерствами Внутренних дел (коллежский советник С.Н. Бердяга), Духовных дел и Народного Просвещения (титулярный советник С.М. Семенов), совместно с Дмитриевским уездным предводителем дворянства М.П. Анненковым. Деятельность ее осуществлялась по личному повелению императора Александра I, изложенному в предписании графа Алексея Андреевича Аракчеева. Поручалось, чтобы члены комиссии «рассматривали со всею внимательностью приложенные при сем предписании бумаги» для выполнения «обязанности привести обстоятельства порученного им дела в законную, точную и неоспоримую ясность», «открыть по сему делу истину во всей подробности» [1, л. 4–5об.]. Причиной начала следствия стало жестокое обращение самой Ольги Константиновны и ее приказчиков с крепостными крестьянами, в особенности с работавшими на фабрике.

На начальном этапе, в ходе следственных действий были опрошены представители курского чиновничества, включая губернатора, и духовные лица по вопросам, впоследствии легшим в основу обвинения.

Известно ли было губернатору А.С. Кожухову и губернскому прокурору из множества донесений или иными способами об изнурении крестьян Дмитриевского уезда сел Обжей, Прилепы и прочих, купленных госпожою Брискорн у принца Карла Густава Бирона, на суконной фабрике и при строительстве в 1821 г. каменной церкви. Известно ли о фактах жестокого обращения с ними не только самой помещицы, но и ее доверенного протоирея Михаила Гапонова, о высокой смертности в среде крестьян. О попытке повлиять на ход дела ее сына, господина Эммануила Ананьича Струкова, служителя Министерства Юстиции; о подложных заключениях врача Энтемана о множестве больных крестьян, работавших на фабрике; о попытке давления госпожой Брискорн на стряпчего Звезгинцова (последний проводил обыск во флигеле больницы, где, по донесению, скрывали тела умерших крестьян, в последствии за что был принужден просить у помещицы извинения).

Известно ли архимандриту, освящавшему церковь госпожи Брискорн, о нравственном поведении протоирея Гапонова или его отношении к крестьянам? Епархиального протоирея просили проследить, чтобы все материалы по делу М. Гапонова были доставлены в целости, и выяснить, уведомлялся ли о действиях и поведении Гапонова архимандрит. Просила ли о чем-либо Ольга Константиновна архимандрита, когда тот посещал ее имение? [1, л. 4–5об.]

Здесь необходимо отметить, что госпожа Брискорн, урожденная Маврогени, супруга сенатора Федора Максимовича Брискорна,

пользовалась в обществе большим уважением. Деятельная, она выкупила у принца Бирона ряд деревень в Дмитриевском уезде, чтобы построить в с. Прилепы передовую по тем меркам суконную фабрику. Именно на этой фабрике, впоследствии, и были созданы тяжелейшие условия для труда крепостных, ставшие причиной начала работы следственной комиссии.

На первой стадии расследования, в ответах, полученных от губернатора и архимандрита, значились факты массового побега крестьян, голода в принадлежавших Брискорн селениях, унижений на суконной фабрике [1, л. 8–9об.]. Стоит отметить, что сведений о высокой смертности в среде крепостных у чиновников не было, кроме единственного факта о гибели крестьянина Степана «от излишнего употребления горячего вина» [1, л. 10]. Следовательно, ситуация в поместьях Ольги Константиновны ранее не привлекала внимание чиновников, или же, что вероятнее, они не желали замечать происходившего там.

Ряд случаев, ставших известными, и попытки их расследования, замалчивались. Так, желание Дмитриевского уездного стряпчего Звегинцова расследовать несколько смертей обернулось против него: он был обвинен во взломе флигеля больницы и вызван для объяснений в Курск [1, л. 10–11об.].

Влияние сына Ольги Константиновны в действительности ограничивалось желанием ускорить рассмотрение дел, в большинстве своем, по имущественным вопросам, в частности, множество спорных моментов было у Брискорн с графиней Вильегорской [1, л. 12–12об.].

Сама же Брискорн, о чем свидетельствует губернатор, неоднократно обращалась в суд, заявляя, что последние два-три года участились случаи ухода от нее крестьян, они укрывались в соседних деревнях. Что удивительно, подозрения эти случаи не вызвали. В общей сложности только официально она заявила о 25 беглых крестьянах, скрывающихся в разных губерниях и уездах [1, л. 12об.–14об.]. Всего же по реестру Дмитриевского уездного казначейства Ольге Константиновне на декабрь 1822 г. принадлежало 2451 душ мужского и 2545 душ женского пола [3, л. 49].

Что касается штаб-лекаря Энтемана, который лечил крепостных Брискорн, то напрашиваются интересные выводы. По работе своей не имея нареканий, начиная с 23 марта 1821 г., по разным причинам (по болезни, а после по старости и слабости) он отказывался принимать больных. В январе 1822 г. от него же последовало донесение, что он имеет слабую память, поэтому занимать должность не может [1, л. 14об.–15]. В феврале 1822 г. он подал прошение об увольнении. Все эти события предвещали начало следствия, поэтому такое его поведение было шансом избежать наказания.

Отчет губернского прокурора по делам, связанным с Ольгой Константиновной, можно заключить в одном предложении: «... смею повторить, что ни о притеснении крестьян помещицы Брискорн обременительными их работами, ни о жестоком с ними обращении, ни о

смертности их никаких до меня ни жалоб, ни донесений не доходило» [1, л. 21об.].

Архимандрит утверждал, что Михаил Гапонов был приглашен на освещение и служение Божественной Литургии в новом храме, выстроенном Брискорн, но отказался по состоянию здоровья. О нравственном поведении Михаила Гапонова и деяниях помещицы ничего не знал [1, л. 35].

Вероятно, на этом этапе дело бы и остановилось, не прояви следственная комиссия рвения и упорства в выполняемом им поручении. Был найден в Курской консистории реестр дел, содержащий жалобы на протоирея города Дмитриева на Свапе Дмитриевского собора Михаила Гапонова, начиная с 1803 г. Реестр давал исчерпывающие сведения о деятельности протоирея в течение восемнадцати лет и представлял собой: рапорт протоирея Жаденова о непристойных поступках Гапонова в Коренном монастыре, о том, что он вмешивался в управление имением помещицы Нелидовой, о приказании обвенчать несовершеннолетних, об избиении Львовского священника и т.д. Сорок жалоб с 1803 по 1821 гг. [1, л. 44–47] От гражданского губернатора о Гапонове имела следующая характеристика: «... доходили и до моего сведения, например, что он ведет жизнь званию его неприличную – играет в карты, пьянствует, одним словом сказать, он имел всегда репутацию развратного, но совсем не духовного человека» [1, л. 285об.].

Эти сведения дали толчок второму этапу следствия, в ходе которого были выявлены факты жестокого обращения с крестьянами, причины высокой смертности на фабрике в с. Прилепы и случаи издевательств над крепостными.

В рапорте Дмитриевского земского исправника Петра Трофимовича Суковкина находим, что он тайно направил своих людей побеседовать с крестьянами селений Брискорн, и вот что они рассказали: «... привела их обременительными работами в совершенное разорение, особенно в сравнении с прежним богатым их состоянием, и что сии крестьяне целыми семействами обращены из хлебопашцев в фабричных людей» [1, л. 293об.]. Осматривая фабрику вместе с самой Брискорн, П.Т. Суковкин предположил, что в ней работали около шестисот крепостных.

Исправник дает яркое описание работ на фабрике Брискорн: «По дурному воздуху и сырости в фабричном здании непрерывное пребывание там людей должно быть весьма нездорово... <...> показывал ей также замеченных мною истощенных и нездоровых лиц, но и сие на нее впечатления не имело...» [1, л. 294].

Из земского суда г. Дмитриева на Свапе был получен список бежавших от госпожи тайной советницы О.К. Брискорн крестьян: в 1819 г. – 36 человек, в 1820 г. – 39 человек, в 1821 г. – 69 человек, в 1822 г. – 3 человека [1, л. 313–313об.]. Всего около 150 крестьян, хотя сама помещица заявляла, напомним, только о 25 беглых.

После вскрывшихся фактов было решено опросить крестьян из деревень, принадлежавших Ольге Константиновне. Именно показания крепостных составили значительную часть дела Брискорн. В ходе допросов, которые проходили в присутствии следователя и священника, люди рассказывали о тяжелом экономическом положении, нехватке хлеба, избиениях, работе в ночное время на строительстве церкви в с. Прилепы [2, л.39]. Методы принуждения и запугивания помещица выбирала с тщательностью. Стали известны случаи заковывания в железные рога и кандалы за попытки бегства кого-то из членов семьи [3, л. 2, 4], избиения крестьян управляющими [3, л. 115–133], принуждения детей к труду на фабрике [3, л. 135–136] и др. Большинство из них отличалось особой жестокостью, что полно отражено в делах, сохранившихся в фонде. В общей сложности, опросы крестьян, по различного рода преступлениям, составили несколько томов дела Ольги Константиновны Брискорн.

Отдельно необходимо осветить вопрос о строительстве каменной церкви в с. Прилепы, где также был задействован труд крепостных. Был составлен поименный список каменщиков и плотников, принимавших участие в строительстве, проведены допросы. Часть крестьян опросить не удалось, так как они находились в с. Тарасовка, куда Брискорн часто ссылала провинившихся крепостных. Распоряжался работами по строительству архитектор из Москвы Дмитрий Васильев.

Некоторые выдержки из показаний крестьян приведем: «Уроки были тяжелы, от чего работать надлежало без малейшего отдыха. <...> Распоряжала всеми работами при строении церкви сама Госпожа, которая всякой день выходила очень рано по утру на строение и почти беспрестанно там находилась. <...> Все работы около церкви ежедневно начинались с самого рассвета и продолжались до потемок; а известку каменщики растворяли в творилах иногда и по ночам; приготовить известку каменщикам помогали и женщины. <...> Из женщин бывало на работе и беременные и с грудными младенцами. <...> Помещица хаживала на строение, имея всегда в руках деревянный аршин, коим часто бивала приставщиков, принуждая их строже смотреть за рабочими людьми; работавших также она нередко бивала... <...> Все приставленные для надзора за работами при строении церкви тоже больно бивали работавших палками там и чем попало, особенно бивали женщин, понуждая скорее носить материалы к каменщикам на строение» [4, л. 4об. –5об.].

Видимо, по этой причине священник с. Прилепы Алексей Ненагаев свидетельствовал: «Действительно умирали люди, и так много делалось больных, что я весьма часто исповедовал и приобщал из оных по одному, иногда по два человека, по три и по четыре. Случалось в один раз исповедовать в больнице и приобщать семнадцать человек; а в другой раз приобщал и исповедовал и тридцать человек» [4, л. 218].

Как итог, выстроенную за одно лето двупрестольную церковь освятили во имя Покрова Пресвятой Богородицы и во имя Рождества

Христова. Есть версии, правда, документально неподтвержденные, что рядом с ней был похоронен муж Ольги Константиновны. До настоящего времени строение не сохранилось.

Исходя из представленных в фонде следственной комиссии дел в общей сложности следствие длилось чуть более года – до сентября 1823 г. В 1826 году все материалы были переданы в Собственную Его Императорского Величества канцелярию.

В результате следствия Ольга Константиновна Брискорн была отстранена от управления суконной фабрикой в с. Прилепы. Фабрику передали в государственное управление. Сама же помещица умерла уже спустя тринадцать лет после окончания следствия в 1836 г.

Подводя итог, стоит заметить, что особенностью следствия по делу Ольги Константиновны Брискорн стал тот факт, что помещица не понесла существенного наказания за свои действия. Тот факт, что из-под ее управления забрали суконную фабрику, не является наказанием за истязания десятков людей. В отличие от нее известная Дарья Николаевна Салтыкова, с которой Брискорн часто сравнивают, была приговорена к пожизненному заключению в монастыре. В деле же Брискорн, несмотря на целые тома показаний и массу чиновнической переписки, закон так и не восторжествовал. Единственным судьей дмитриевской помещицы Брискорн стало время.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1600. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАКО. Ф. 1600. Оп. 1 Д. 3.
3. ГАКО. Ф. 1600. Оп. 1 Д. 4.
4. ГАКО. Ф. 1600. Оп. 1 Д. 7.

Т.Н. ПОТАСКАЕВА

ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ А.В. ДОМБРОВСКОГО

Немало наших земляков прославили Курский край. Имена одних широко известны, о других известно не так много. Один из них Домбровский Алексей Владимирович. Лично о Алексее Владимировиче написано немало. Нам же хотелось осветить некоторые факты из истории его семьи.

Домбровский Алексей Владимирович (1882–1954) – русский и советский военачальник. Во время Гражданской войны начальник Морских сил Черного и Азовского морей. Родился в г. Рыльск в семье учителя и инспектора Рыльской прогимназии Домбровского Алексея Родионовича и его супруги Александры Афанасьевны. Это строчки из официальной

биографии. Что же представляла семья, в которой рос будущий военачальник?

Глава семьи – Владимир Родионович, родился в с. Осмолово Рыльского уезда в 1839 г. [2, л. 238–239]. Окончил Харьковский университет. В 1878 г. в звании коллежского советника служил в курской гимназии и был зачислен в резерв государственного ополчения [1, л. 448]. Позже проживал и работал в г. Рыльске. Его жена – Александра Афанасьевна, дочь дворянина Щигровского уезда Афанасия Курлова.

В метрической книге Вознесенской церкви за 1882 г. под № 3 имеется запись о рождении 7 января и крещении 25 января у инспектора Рыльской прогимназии статского советника Домбровского Владимира Родионовича и его жены Александры Афанасьевны сына Алексея [3, л. 221].

Алексей Владимирович после окончания мужской прогимназии поступил в Санкт-Петербургский Морской корпус. С 1901 г. находился на командных должностях, автоматически перейдя со службы на царском флоте на службу в рабоче-крестьянский Красный флот. В 1918 г. в должности командира корабля «Полтава» и начальника бригады линейных кораблей воевал против белофинов и белоэстонцев. В 1919–1920 гг. в должности начальника Штаба морских сил Балтийского моря участвовал в боях против Юденича. За отличия награжден Петросоветом серебряными часами. В 1920 г. в должности начальника Морских сил Черного и Азовского морей участвовал в боевых действиях против Врангеля [6, л. 46].

Кроме Алексея в семье были еще дети.

Владимир Владимирович 1887 г.р. окончил гимназию в 1906 г., а затем в 1911 г. медицинский факультет Московского университета. В октябре 1918 г. был призван на военную службу в Красную Армию и назначен ординатором Двинского военного госпиталя. С октября 1919 г. направлен в распоряжение главного врача Балтийского флота. С июня 1922 г. был назначен флаг-врачом отдельного дивизиона подлодок. Жена Анна Максимилиановна 1889 г.р., дочь Ольга 1907 г.р., сын Дмитрий 1919 г.р.

Сергей Владимирович был офицером царской армии. После революции примкнул к белым и был убит под Орлом при отступлении Красной Армии.

Михаил Владимирович бежал с белыми и проживал за границей. О дальнейшей его судьбе ничего не известно.

Сестры София, Евгения, Надежда, Наталья пошли по стопам родителей – преподавали в школах.

По воспоминаниям Федосии Тимофеевны Ефремовой-Дмитриевой (1891–1981), которая была знакома с сестрами Домбровского, Евгения (1891 г.р.), София (1892 г.р.), Наталья (1893 г.р.) учились на Высших женских курсах Гирье в Москве. Евгения Владимировна – филолог, с 1922 г. преподавала в Курске. Наталья Владимировна математик, с 1936 г. по 1942 г. жила и работала в Губкине [5, л. 36]. Софья Владимировна

преподавала историю, до революции состояла в должности классной учительницы в г. Москве. В 1908 г. работала в Хамовнической 2-й женской гимназии, а в 1909 г. – в Таганском 1-м женском училище. С 1910 г. по 1917 г. преподавала в Грузинском женском училище [7, с. 2]. Надежда Владимировна была слушательницей Тимирязевской академии, затем учительствовала.

После революции жизнь семьи сильно изменилась. Имение в Рыльском уезде было отобрано и семья, в которой остались только женщины, переехала на малую родину Александры Афанасьевны, в родовое имение Курловых в с. Штевец Щигровского уезда. Там проживала сестра Александры Домбровской Софья Афанасьевна Гончарова с семьей.

Софья и Надежда преподавали в школе 2-й ступени с. Теребуж, расположенного неподалеку от нового места жительства. Надежда вышла замуж за бывшего матроса Еняхина, который на то время был председателем Штевецкого волисполкома.

Местные жители с настороженностью приняли новых односельчан, а потом стали требовать их выселения, как бывших помещиков-эксплуататоров. Не одно письмо и не одно прошение написала Софья Домбровская, чтобы защитить свою семью и избежать выселения.

Алексей и Владимир, находясь на службе, не забывали сестер и старенькую мать, которая в силу болезни была прикована к постели, и всеми силами пытались помочь. В Щигровскую уездную комиссию по выселению бывших помещиков были присланы их послужные списки. Алексей обращался с заявлением в Щигровский уездный исполнительный комитет, ссылаясь на положение «о неправильном выселении близких родственников, лиц, принимавших активное участие в борьбе за Советскую власть в рядах Красной Армии или Красного Флота». Однако все усилия оказались напрасными. Постановлением Щигровского уисполкома семью Домбровских выселили из пределов бывшего имения [5, л. 43].

Сам Алексей так же не избежал преследований. В 1938 г. он был арестован. Позднее, отбыв наказание, волею судьбы он оказался на родине, в разрушенном оккупантами Курске.

Новым местом работы (до 1948 г.) стал Облсельпроект, где Алексей Владимирович первоначально служил в должности инженера-экономиста, а позднее старшего инженера-экономиста экономического отдела [4, л. 1, 36, 41–42]. Привыкший работать в полную силу он и здесь отдавал все время работе.

В конце 1948 г. Домбровский А.В. выбыл из Курска, вернувшись в Ленинград, где через несколько лет его не стало.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 265.

2. ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 53.
3. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 229.
4. ГАКО. Ф.Р-622. Оп. 1. Д. 4.
5. ГАКО. Ф.Р-775. Оп. 1. Д. 134.
6. ГАКО. Ф.Р-775. Оп. 1. Д. 139.
7. Кузнецова Е. С портретом флотоводца // Вести. – 1992. – 2 апреля.

А. И. РАЗДОРСКИЙ

ВИНОКУРЕНИЕ В КУРСКЕ В СЕРЕДИНЕ XVII в. (по данным курской винокурной книги 1641/42 г.)

Хлебное вино (далее – вино)¹, поступавшее в XVII в. в продажу через казенные питейные заведения, приобреталось либо у частных подрядчиков, либо производилось на казенных винокурнях. В Курске в первые годы после завершения Смуты использовался первый способ. Так, из «книг курскому кабацкому пойлу вину и меду, и пошлинным, и пянным, и лошадиным деньгам» 1619 г. известно, что вино для местных кабаков закупалось у частного винокура Тараса Медведева [3, л. 3 об., 35, 45, 58; 4, л. 1 об., 12, 26, 32]. По-видимому, в это время казенной винокурни в городе, основанном лишь на исходе XVI в. на месте запустевшего древнерусского городища, либо еще не было устроено, либо она оказалась разоренной в годы лихолетья и еще не была восстановлена. Нельзя исключать, впрочем, что упомянутый Медведев производил вино на казенной винокурне, взятой им в аренду (можно предположить, что в этом случае арендатору пришлось взять на себя расходы и по приведению винокурни, если она до этого не функционировала, в работоспособное состояние).

В 1619 г. масштабы винной торговли в Курске были сравнительно небольшими: за 9 месяцев (с 22 февраля по 22 ноября) здесь было реализовано только 71 ведро вина. Надо полагать, что такие довольно

¹ Традиционное русское хлебное (или «горячее») вино, которое получали методом дистилляции, появилось в Московском государстве в начале XVI в. Именно этот напиток составлял основу отечественного питейного ассортимента с середины XVI до конца XIX в. Если в хлебное вино добавляли какие-либо вкусо-ароматические добавки и производили дополнительные перегонки, напиток называли водкой. Стоил он существенно дороже обычного хлебного вина и в широкую продажу не поступал. Примерно с середины XIX в., причем исключительно на бытовом уровне, водкой стали постепенно именовать и обычное хлебное вино. Что же касается современной водки, представляющей собой смесь изготовленного методом ректификации (а не дистилляции) чистого спирта с водой, то она возникла только в 1895 г. (подробнее см.: Родионов Б. В. История русских крепких питей: Книга-справочник по основным вопросам истории винокурения. М., 2017. С. 222–223). В источниках XVII в., в том числе в кабацких книгах, применительно к хлебному вину используется обычно термин «вино» без каких-либо дополнительных определений.

скромные объемы продаж могли быть вполне обеспечены поставками, осуществлявшимися частным винокуром. Спустя всего несколько лет размеры сбыта вина в Курске значительно возросли. В 1623/24 г. в продажу поступило 463,875 ведра напитка¹. К этому времени в городе уже действовала казенная винокурня. Расходы по ее содержанию несли местные власти. В расходных разделах курских таможенных и кабацких книг 1620-х и 1640-х гг. неоднократно встречаются записи о расходах на покупку и починку различного винокурного оборудования и инвентаря, а также на сооружение и ремонт построек винокурни².

Технология изготовления хлебного вина общеизвестна. Напомним ее вкратце, предоставив слово знатоку истории русских крепких напитков Б. В. Родионову: «Основным сырьем [для производства вина. – А. Р.] служила рожь с добавлением, как правило, других злаков. Солод использовался ячменный или ржаной, реже — пшеничный. <...> Мука с добавлением солода перемешивается с горячей водой, выдерживается в течение времени, необходимого для перехода крахмала в сахар, — получается сусло. В него закладываются дрожжи, и после сбраживания полученная алкоголесодержащая масса (бражка) перегоняется в кубе. В процессе перегонки алкоголь, имеющий более низкую температуру кипения, чем вода, испаряется. Частично испаряется и вода <...> Бражка перегонялась <...> минимум дважды: вначале без отделения головной и хвостовой частей, то есть без разделения на фракции. Основная задача первой перегонки — выделить из бражки весь содержащийся в ней спирт. Вместе со спиртом выделялось также большое количество воды (флегмы) и побочных продуктов <...> В результате этой операции получалась так называемая рака. При следующей перегонке (двоении раки) производилось тщательное отделение “голов” (по тогдашней русской терминологии “скачок” или “отскок”) и “хвостов” (“отгон”). Итог – собственно хлебное вино, именуемое “простым”. Простое вино было одновременно и продуктом, готовым к употреблению (после нормализации его по “доброте”, то есть по крепости), и сырьем для выработки спирта, а также “тонких” напитков. Спирт, под которым подразумевался дистиллят с

¹ Подробнее о питейной торговле в Курске в XVII в. см.: Раздорский А. И. Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001. С. 264–275.

² В курской таможенной и кабацкой книге 1623/24 г. говорится, например, о покупке на винокурню железного котла за 4 руб., о сооружении новой житницы за 1 руб. 34 коп. и солодовни за 1 руб. 50 коп. (за лес и работу), об изготовлении на заказ железной кочерги за 8 коп. и железной же лопатки «чем котлы скресть» за 3 коп., о приобретении 200 кирпичей «на гарны» за 30 коп. В аналогичном документе за 1641/42 г. зафиксированы, в частности, покупка двух чанов за 4 руб. 10 коп., винной трубы за 1 руб., большой винной бочки за 70 коп. и пяти бочек «стоячных» за 78 коп., двух котлов с трубами за 10 руб. 5 коп., ремонт днищ у четырех котлов (для чего было приобретено 20 гривенок меди на 2 руб.), починка заторного котла (для чего было приобретено 10 батоков железа на 60 коп.) [11, с. 131–132, 211–212].

содержанием алкоголя свыше 50 %, выработывался последующей перегонкой вина в тех же перегонных кубах. А вот изготовление “тонких” напитков на основе хлебного вина, по большей части ароматизированных, уже не являлось предметом винокурения и производилось на другом оборудовании – в малых “водочных” перегонных кубиках, чаще всего даже за пределами винокурни» [13, с. 48, 58].

В курских таможенных и кабацких книгах, которых за XVII в. сохранилось восемнадцать, данных о производстве вина не зафиксировано. В этих источниках приведены только сведения об объемах продажи этого напитка, его себестоимости, отпускной цене и полученной прибыли. Однако за 1641/42 г. помимо таможенной и кабацкой книги до нас дошла также курская винокурная книга. Она находится в составе хранящейся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) книги № 94 Денежного стола Разрядного приказа [5, л. 108–124], представляющей собой конвюлот, в состав которого входят также курская таможенная и кабацкая книга за период с 6 декабря 1641 по 5 декабря 1642 г. (л. 1–107), аналогичная книга по Белгороду с 22 декабря 1641 г. по 21 декабря 1642 г. (л. 125–142), приходная книга новооскольского кружечного двора 1670/71 г. (л. 144–148) и раздаточная книга денежного жалованья служилым людям по неизвестному городу за неизвестный год (л. 149–154). Курская винокурная книга, насчитывающая 17 листов (л. 108–124), находится в указанном конвюлите сразу же за курской таможенной и кабацкой книгой, образуя вместе с ней единый комплекс приходо-расходной документации. Оба документа (вместе с собранными денежными суммами) были представлены в марте 1643 г. в Разрядный приказ курским верным таможенным и кабацким головой 1641/42 г., курским сыном боярским Кондратием Бесединым в качестве отчета за годичный срок службы его и состоявших при нем целовальников [12, с. 118, 153].

Винокурная книга содержит детальную информацию о производстве вина на курской казенной винокурне с 20 января по 1 декабря 1642 г. Сведения подразделены на девять временных интервалов продолжительностью в месяц: с 20 января по 20 февраля, с 20 февраля по 20 марта, с 20 марта по 20 апреля, с 20 апреля по 20 мая, с 20 мая по 20 июня, с 20 июня по 20 июля, с 1 сентября по 1 октября, с 1 октября по 1 ноября, с 1 ноября по 1 декабря. В документе особо отмечено, что с 6 декабря 1641 г. (начало срока службы головы К. Беседина) по 20 января 1642 г. вино не курили, поскольку запасов («заводу») ржи, солода, овса, хмеля и дров не осталось, а крыша на винокурне и на хлебных клетях «вся погнила» [5, л. 108]. Не работала винокурня также с 20 июля по 1 сентября. Возможно, этот перерыв был связан с пожаром, уничтожившим казенный овин с хранившимся в нем запасом солода объемом в 6 четвертей. Об этом факте содержится упоминание в расходной части курской таможенной и кабацкой книги 1641/42 г. [11, с. 212]

В винокурной книге за каждый из указанных временных интервалов приведены данные о количестве «вываренных» браг, об объеме и стоимости отдельных сырьевых компонентов (ржи, овса, хмеля), положенных на одну брагу, об объеме и стоимости израсходованных дров, об оплате работ за «рощение» солода, за помол, ссыпку и провоз солода и овса, за изготовление вина, об общей сумме расходов на изготовление браги, об объеме и себестоимости выкуреного вина. Это дает возможность установить и проанализировать основные статистические показатели, характеризующие состояние винокурного производства в Курске в 1642 г.

За месяц на местной винокурне «вываривали» от 30 (с 20 марта по 20 апреля) до 39 (сентябрь) браг. На производство одной браги неизменно расходовалось три четверти ржаного солода, осьмина (1/2 четверти) овса «московской таможенной меры» (в это время московская казенная четверть составляла шесть пудов ржи или пять пудов ржаной муки), а также четверть хмеля. Всего с 20 января по 1 декабря 1642 г. было «выварено» 313 браг, на которые пошло 939 четвертей (5634 пуда) соложенной ржи общей стоимостью 187 руб. 80 коп. (по 20 коп. за четверть), 156,5 четвертей (939 пудов) овса на 31 руб. 30 коп. (по 20 коп. за четверть) и 313 четвертей (1878 пудов) хмеля на 313 руб. (по 1 руб. за четверть)¹. Мастерам-винокурам, непосредственно занимавшихся выкуркой вина, было выплачено 112 руб. 68 коп. (по 36 коп. за одну брагу); 37 руб. 56 коп. было заплачено за «рощение» солода (по 4 коп. за четверть), 28 руб. 17 коп. – за помол солода и 4 руб. 69,5 коп. – за помол овса (по 3 коп. за четверть), 9 руб. 39 коп. – мельникам «за лапатку» (по-видимому, за ссыпку) смолотого солода и 1 руб. 56,5 коп. – «за лапатку» смолотого овса (по 1 коп. за четверть), 18 руб. 78 коп. – наемным работникам за перевозку на мельницу солода и 3 руб. 13 коп. – им же за перевозку овса (по 2 коп. за четверть). В процессе выкурки вина было сожжено в общей сложности 2883 воза дров на 201 руб. 81 коп. (по 7 коп. за воз). Таким образом, за указанный период на винокурное сырье было затрачено 532 руб. 10 коп. (56 % затрат), на топливо – 201 руб. 81 коп. (21,2 %) и за работу – 215 руб. 97 коп. (22,8 %). Общая сумма всех произведенных расходов составила 949 руб. 88 коп.²

¹ Известно, что на свежих хмельных шишках селятся грибки, которые не погибают в процессе длительного кипячения. Именно они дают бурное брожение, а также активируют дрожжи. Кроме того, добавление хмеля в сусло позволяет избавиться от белков и посторонней микрофлоры, которой избилуют, в частности, зерновые культуры. Благодаря этому в браге образуется меньше вредных веществ, а на выходе в готовом напитке сокращается количество вредных примесей.

² По нашему подсчету. Следует отметить, что общие суммы расходов по месяцам, указанные в винокурной книге, совпадают с итогами выполненного нами постатейного подсчета расходов только в пяти случаях. В четырех случаях отмечены незначительные отклонения в ту или иную сторону. Так, с 20 января по 20 февраля по постатейному подсчету израсходовано 111 руб. 24 коп., а в книге значится сумма 111 руб. 60 коп. (на 36 коп. больше), за время с 20 марта по 20 апреля постатейный подсчет дает сумму 92 руб. 70 коп., в книге же указано 90 руб. 60 коп. (на 2 руб. 10 коп. меньше), с 20 июня

Сырьевая закладка, использовавшаяся в Курске в 1642 г. для производства вина, была, как видим, трехкомпонентной и включала ржаной солод, овес и хмель в процентном соотношении 60–10–30. Отметим для сравнения, что в Белгороде в феврале 1647 г., согласно «выкладке бражной», приведенной в белгородской таможенной и кабацкой книге 1646/47 г., при производстве вина также использовалась трехкомпонентная сырьевая закладка, включающая те же компоненты, что и в Курске, но в несколько иной пропорции: 66,6–20–13,3 [7, л. 256–257]. А вот, например, в Можайске в 1640/41 г. винная сырьевая закладка была четырехкомпонентной – в нее, по данным можайской кабацкой книги 1640/41 г., в пропорции 24,7–19,5–24,9–30,9 входили, соответственно, ржаной солод, несоложенная рожь, овес и хмель [1, л. 57–85 об.].

Обращает на себя внимание более чем внушительный объем дров, израсходованных в Курске в 1642 г. на выкурку вина. На производство одного ведра напитка (об объеме этой мерной единицы будет сказано ниже) расходовалось в среднем около четырех возов дров!¹ К сожалению, нам неизвестно каких именно пород деревьев были дрова, закупавшиеся для курской винокурни (теплотворность березовых дров, существенно выше,

по 20 июля по постатейному подсчету — 99 руб. 66 коп., в книге — 99 руб. 69 коп. (на 3 коп. больше), за октябрь по постатейному подсчету — 105 руб. 70 коп., в книге — 105 руб. 40 коп. (на 30 коп. меньше). Общая сумма расходов за девять месяцев различается на 2 руб. 1 коп. (949 руб. 88 коп. по постатейному подсчету и 947 руб. 87 коп. на основании суммирования помесечных данных, указанных в книге). Не совпадают между собой и сведения об объеме израсходованных дров: в книге записано, что всего «изошло» 2862 воза дров [5, л. 102], тогда как постатейный подсчет дает итоговый результат 2883 воза. Отмеченные несоответствия, на наш взгляд, объясняются не какими-либо злоупотреблениями со стороны таможенного и кабацкого головы и целовальников, а ошибками, допущенными ими при ведении отчетной документации. На это указывает то обстоятельство, что итоговая сумма расходов на производство вина по постатейному подсчету оказалась не меньше (чего следовало бы ожидать в случае «хитрости и воровства»), а больше той, которая выведена при суммировании итоговых сумм расходов за месяц, то есть ошибка получилась не в пользу представителей кабацкой администрации. При обнаружении подобных расхождений головы и целовальники должны были покрывать разницу из своих личных средств.

¹ Например, на можайской винокурне в сентябре 1627 г. на производство 15 ведер вина было израсходовано 1,75 сажени дров [2, л. 102–104]. Если допустить, что имеется в виду мерная сажень (176 см), то получается, что на выкурку указанного количества напитка расходовалось примерно 2 кубометра дров ($1,75 \times 1,76 \times 0,7 = 2,15$, где 0,7 — традиционный коэффициент для расчета объема напиленных дров в поленице). Ведра, использовавшиеся для измерения объема вина в Курске и Можайске не совпадали по объему (см. об этом ниже). В том случае, если курское ведро было больше казенного, применявшегося в Можайске, в 3–4 раза, а на воз помещалось около двух кубометров сваленных в кучу дров, то объемы расхода топлива на курской и можайской винокурнях оказываются вполне сопоставимыми между собой. Однако если разница между курским и казенным ведрами была меньше, то налицо существенное превышение расхода дров в Курске по сравнению с Можайском при выработке одного и того же объема вина. На белгородской винокурне в феврале 1647 г. для производства 60 ведер вина было израсходовано 100 возов дров, то есть в среднем около 1,7 воза на ведро [7, л. 256–257].

чем, например, осиновых), были ли они высушенными или сырыми, а также в каком виде они поступали (в бревнах, напиленных чурбаках или наколотых поленьях) и как были погружены на возы (свалены кучей или сложены поленицами). Можно предположить, что при производстве вина в Курске использовались в основном дрова низкотеплотворных пород деревьев, которые закупались уже напиленными и наколотыми (об этом свидетельствует отсутствие в курской винокурной книге статьи расходов на «дровосечение», встречающейся в документах некоторых других городов¹), но сваленных на возах в кучу, а не уложенных поленицами². К сказанному добавим, что данные, зафиксированные в представленных головой К. Бесединым в Разрядный приказ отчетных документах (таможенной и кабацкой и винокурной книгах), не встретили замечаний со стороны проверяющих приказных людей (несмотря на имевший место недобор относительно установленного оклада) [8, л. 44–45 об.]. Следовательно, указание на большой объем дров, израсходованных при выкурке вина, не вызвало у них каких-либо подозрений.

Всего с 20 января по 1 декабря 1642 г. на курской винокурне было произведено 687,5 ведра вина (в среднем по 2,2 ведра на одну брагу), причем если с 20 января по 20 мая из одной браги за месяц выкуривали в среднем от 2 до 2,1 ведра вина, то с 20 мая по 20 июля и в сентябре–ноябре уже по 2,3 ведра. Средняя себестоимость ведра вина за весь рассматриваемый период составила 1 руб. 38 коп. По месяцам данный показатель колебался от 1 руб. 51 коп. (с 20 апреля по 20 мая) до 1 руб. 31 коп. (с 20 июня по 20 июля, в сентябре и ноябре). При этом если за период с 20 января по 20 мая он составлял 1 руб. 47,5 коп. за ведро, то с 20 мая по 20 июля и за три осенних месяца 1642 г. уже 1 руб. 32 коп., то есть начиная с середины 1642 г. себестоимость вина удалось снизить примерно на 10 % за счет увеличения его выработки при тех же сырьевых и производственных расходах.

В первой половине XVII в. при исчислении объема произведенного и реализованного вина в Курске использовалось деревянное ведро высотой в десять вершков (44,5 см). Только с апреля 1654 г. на смену ему здесь пришло казенное московское медное «заорленное» (то есть имеющее клеймо) восьмивершковое ведро высотой 35,6 см. Диаметр деревянного и медного ведер неизвестен, поэтому точно определить их объем, равно как и соотношение между собой, затруднительно. Предполагается, что диаметр медного ведра составлял 4,66 вершка (20,73 см). В историографии приведены различные оценки его объема. Наиболее корректными представляются расчеты, выполненные еще в 1738 г. академиками И. Н. Делилем и Х. Н. Винсгеймом. Согласно полученным ими

¹ Например, в можайской кабацкой книге 1627/28 г. зафиксированы выплаты денег за «дровосечение» в размере 15 коп. за сажень [2, л. 102–104].

² Отметим, тем не менее, что в курской таможенной и кабацкой книге 1646/48 г. отмечена покупка топора «дрова сечь» [11, с. 241].

экспериментальным путем данным, объем медного ведра составлял 30,3 фунта воды [14, с. 78–79]. Относительно деревянного ведра подобные расчеты отсутствуют. С уверенностью можно говорить только о том, что оно было больше медного по высоте. Не исключено также, что деревянное ведро превосходило медное и по диаметру, а по своему внешнему виду больше походило на небольшой бочонок¹.

¹ Попытки рассчитать соотношение между собой деревянного и медного ведер на основании информации, имеющейся в различных источниках, приводят к разноречивым результатам. Так, по данным курской таможенной и кабацкой книги 1653/54 г. начальная цена деревянного ведра вина в Курске в этом году составляла 1 руб. 30 коп., тогда как медного только 30 коп. (в 4,3 раза меньше). По отпускным же ценам разрыв был гораздо менее значительным – лишь в 1,7 раза (соответственно, 2 руб. 60 коп. и 1 руб. 50 коп.). При этом следует иметь в виду, что отпускная цена зависела прежде всего от нормы прибыли, а она в 1653/54 г. как раз значительно возросла. Начальная же стоимость напитка не была подвержена столь резким колебаниям. Исходя из этих соображений можно предположить, что деревянное ведро превосходило медное по объему примерно в той же пропорции, что и по начальной цене вина, то есть где-то в 4 раза. Такое предположение косвенно подтверждается сведениями, заключенными в белгородской таможенной и кабацкой книге 1653/54 г., в которой наряду с казенным медным восьмивершковым («полуаршинным») ведром, упоминается и «прежнее белгородское ведро». Их соотношение между собой в документе не обозначено, но при этом известно, что начальная стоимость местного ведра вина в Белгороде в начале сентября 1653 г. составляла по оценке белгородских земских ценовщиков 1 руб., а стоимость медного ведра вина, принятого в 1653/54 г. на белгородский кружечный двор у московского подрядчика Б. Левонтьева, была 30 коп. По этим данным получается, что белгородское ведро было примерно в 3,5 раза больше казенного, то есть находилось по отношению к нему примерно в той же пропорции, что и курское деревянное десятивершковое ведро. Привлечение к рассматриваемому вопросу имеющихся в нашем распоряжении материалов кабацких книг Вязьмы и Можайска начала 1640-х гг. также работает в пользу версии о значительном разрыве по объему между деревянным и медным ведрами. В указанных городах по крайней мере еще со второй половины 1620-х гг. применялось исключительно казенное медное восьмивершковое ведро. В Вязьме в 1641/42 г. начальная цена подрядного вина колебалась от 40 до 64,5 коп. за ведро (в среднем за год составила 47 коп.), в Можайске в 1640/41 г. себестоимость ведра вина, производимого на местной винокурне, находилась в диапазоне от 41 до 61 коп. (в среднем за год составила 49 коп.). В Курске в 1642 г., как уже было отмечено, средняя себестоимость ведра вина зафиксирована на уровне 1 руб. 38 коп. Допустим, что себестоимость вина на западе Европейской России радикально не отличалась от той, что была на юге в это время. В таком случае выходит, что курское деревянное ведро было примерно втрое больше медного. Однако материалы других источников вступают в противоречие с высказанными предположениями. Так, в белгородской таможенной и кабацкой книге 1654/55 г. указано, что действующий голова К. Кузьмин принял у своего предшественника Н. Маслова «в завод» 40,5 ведер вина «в старое деревянное ведро». При перемерке напитка вышло 54 казенных ведра, то есть получается, что белгородское ведро превосходило московское только в 1,3 раза. В приходной книге Разрядного приказа 1653/54 г. сообщается, что белгородский таможенный и кабацкий голова 1652/53 г. И. Рыжков отправил в Валуйки 500 ведер вина «в медное заорленное полуаршинное ведро», что соответствовало 285,75 «белгородским большим ведрам» высотой в 14 вершков [6, л. 27–29 об.]. В этом случае разница между московским и белгородским ведрами оказывается в 1,75 раза в пользу последнего. Возможно,

С 6 декабря 1641 г. по 5 декабря 1642 г. в Курске было продано 434,75 ведра вина. Оно реализовывалось через кабаки (320,75 ведер), а также сбывалось непосредственно на винокурне (114 ведер). Надо полагать, что на винокурне торг вином производился в крупный розлив – ведрами, полуведрами и четвертями ведра. Отпускная цена ведра в 1641/42 г. как на кабаках, так и на винокурне была одинаковой – 2 руб. 60 коп. Суммарный доход от продажи вина составил за год 516 руб. 7,75 коп. Нереализованное вино было передано «в завод» таможенному и кабацкому голове следующего 1642/43 г.

Известно, что в 1620-е гг. в Курске действовало три кабака. В курской таможенной и кабацкой книге 1623/24 г. упоминается кабак, названный «большим», а также другой кабак – «в остроге». В таможенной и кабацкой книге 1641/42 г. также значится «большой» кабак, а кроме того кабак «за Куром» [11, с. 132, 212.]. «Большой» и «закурный» кабак числятся и в курской таможенной и кабацкой книге 1646/48 г. [11, с. 241, 243.]. Можно предположить, что «большой» кабак находился на торговой площади за пределами крепости. В приходной книге Разрядного приказа 1648/49 г. говорится уже о четырех кабаках в Курске [9, л. 39 об.–40.]. Не исключено, правда, что под четвертым кабаком в этом документе понимается сама винокурня, на которой также производился отпуск вина, то есть количество кабаков оставалось прежним¹. К сожалению, точное местоположение кабаков, а также винокурни не установлено. Ясно только, что винокурня по соображениям пожарной безопасности находилась в отдалении от жилых дворов, а главное — у водоема (видимо, на берегу Гускари). Подобные объекты всегда располагались у воды, которая нужна была, в частности, для охлаждения винных паров в отводных трубках. Возможно, дальнейшие археологические исследования на территории Курска позволят обнаружить в будущем следы его питейных заведений и винокурни XVII столетия².

В конце 1640-х гг. винокурня в Курске еще продолжала функционировать. Об этом свидетельствуют записи курской таможенной и

существовали две разновидности белгородского ведра – простое, упоминаемое в белгородской таможенной и кабацкой книге 1654/55 г., и «большое», значащееся в разрядной приходной книге 1653/54 г. Если допустить, что деревянное и медное ведра незначительно отличались друг от друга по диаметру, а главное их отличие состояло в высоте, то соотношения объемов 1 к 1,3–1,7 кажутся более правдоподобными, чем 1 к 3–4. Приведенные выкладки показывают, что вопрос о пропорциональном соотношении местных деревянных ведер, употреблявшихся в Курске и Белгороде в первой половине XVII в., к казенному ведру в настоящее время не может быть разрешен однозначным образом и требует дополнительной проработки.

¹ В курской таможенной и кабацкой книге 1646/48 г. отмечена выплата денег работникам, которые были наняты «на три погребы снегу навозить па кобоком» [11, с. 242].

² О раскопках питейных заведений XVII в. см., например: Пархимович С. Г. «Питейное дело» в Мангазее // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. ст. Омск, 2017. С. 438–450.

кабацкой книги 1646/48 г., в которой зафиксированы расходы на ремонт винокурного оборудования и покупку различного инвентаря [11, с. 241–243.]. В частности, в мае 1647 г. на винокурне был устроен новый погреб и поставлена новая дубовая изба. Однако в первой половине 1650-х гг. производство вина в Курске прекращается. С апреля 1654 г. в курских таможенных и кабацких книгах речь идет уже о продаже только «подрядного» вина, приобретенного у частных поставщиков.

Закат курского винокурения стал следствием более общих процессов, происходивших в отечественной винокуренной промышленности в середине XVII в. Дело в том, что в 1652 г. правительство, стремясь к увеличению сбыта вина, предоставило кабацким головам право выбора способа его заготовки. Их выбор – курить вино самим в казенных винокурнях или закупать у подрядчиков – должен был зависеть от стоимости вина. Во многих городах закупать вино у частных поставщиков оказалось выгоднее. Признаки упадка казенного винокурения, как отмечал М. Я. Волков, обнаруживаются уже в 1650-е гг. Они проявились в том, что возросла роль закупок вина даже в тех центрах, где имелись и действовали казенные винокурни. В тех случаях, когда «верные» сборщики питейной прибыли закупали часть вина, необходимого для продажи, его производство в местной винокурне сокращалось, а когда они закупали все необходимое для продажи вино, прекращалось полностью. В середине XVII в. предложение вина было наиболее высоким на западных и юго-западных окраинах России. Поэтому именно здесь ранее всего происходит переход к закупкам вина и начинается запустение казенных винокурен. Так, винокурня в Вязьме запустела до 1652 г., в Великих Луках — до начала 1660-х гг. В 1650–1660-е гг. запустели винокурни в Путивле и Севске, началось запустение брянской и ржевской винокурен [10]. Аналогичная участь постигла и винокурню в Курске.

Источники и литература

1. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 137. Можайск. Кн. 1-г.
2. РГАДА. Ф. 137. Можайск. Кн. 1-и.
3. РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. Вязка 1. Ч. 1. № 10.
4. РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. Вязка 1. Ч. 1. № 11.
5. РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 94.
6. РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 102.
7. РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 188.
8. РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 300.
9. РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 307.
10. Волков М. Я. Очерки истории промыслов России: Вторая половина XVII – первая половина XVIII в.: Винокуренное производство. – М.: Наука, 1979. – 336 с.

11. Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова. – М.: Наука, 1982. – 431 с.

12. Раздорский А. И. Головство и откуп. Очерки из истории таможенного и кабацкого дела на юге и западе европейской России в XVII веке (по материалам прихода-расходных книг московских приказов и городских таможенных и кабацких книг). – М.: Старая Басманная, 2017. – 260 с.

13. Родионов Б. В. История русской водки от полугара до наших дней. – М., Эксмо, 2011. – 336 с.

14. Шостьин Н. А. Очерки истории русской метрологии: XI — начало XX в. – М.: Изд-во стандартов, 1990. – 280 с.

В.В. РАКОВ

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И РККА В 1918 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В 1918 г. Советская Россия оказалась в состоянии глубокого внешнего и внутреннего военно-политического кризиса. Крах русской армии как следствие усталости от войны в целом, так и результат длительной антивоенной пропаганды, проводимой большевиками до Октябрьского переворота 1917 г., ставил под угрозу саму власть большевиков и требовал быстрых, решительных, а порой и неординарных мер.

В условиях жесточайшего дефицита времени большевики сумели организовать массовую регулярную Рабоче-крестьянскую Красную армию (РККА), что во многом определило их победу в Гражданской войне. Особое значение в связи с этим приобретает история советского военного строительства и изучение опыта создания местного военного аппарата как организационного ядра РККА.

20 января 1918 г. постановлением по Народному комиссариату внутренних дел за подписью Г.И. Петровского были упразднены губернские и уездные воинские присутствия. Ликвидация дел, связанных с ведением войны (призывы, переосвидетельствование и пр.) должна была происходить под контролем местных Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Комиссиям местных Советов передавались также дела об определении прав солдат на пенсию, а общее руководство пенсионным отделом переходило к Комиссариату презрения. Статистические материалы по исполнению воинской повинности опечатывались и хранились впредь до особого распоряжения. До момента полной ликвидации дел служащие воинских присутствий должны были оставаться на своих местах [7, 23 января 1918, № 17, отдел первый, ст. 248].

Советское руководство, из-за продолжающейся мировой войны и активизации действий германских войск, вынуждено было ускорить работу

по созданию новой боеспособной армии и внести изменения в систему военно-окружного управления. Весной 1918 г. советским руководством был принят ряд решений основополагающего характера, определяющих новое военно-административное деление и принципы военного руководства на местах.

Поиск новых форм организации местных органов управления проходил довольно сложно. Отсутствие распоряжений из центра заставляло в каждом уезде формировать местные органы военного управления по-разному. Структура местного военного аппарата на первой стадии военного строительства отличалась большой пестротой. Кроме того, в их работе имелись и другие существенные недостатки: «Часто малочисленные, без профессионально подготовленных кадров военных специалистов, они имели разнообразную структуру, слабую связь между собой, их действия не были централизованы. Поэтому они оказались приемлемы только в начальный период строительства РККА» [6, с. 85].

В первые месяцы существования Красной Армии комплектованием войсковых частей и управление ими на местах осуществлялось Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а в войсках – штабами частей. В Курской губернии эту задачу должна была выполнить Военная коллегия, организованная 1 января 1918 г. при Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Численность военной коллегии составляла всего 5 человек. В феврале 1918 г. в аппарат коллегии входило семь служащих. Но уже к началу марта их количество возросло до 28, а к 1 апреля – до 80 человек [1, л. 132].

Однако расширяющиеся масштабы Гражданской войны потребовали создание новой системы органов набора в армию – системы военных комиссариатов. Военные комиссариаты были необходимы для проведения в жизнь мероприятий по учету годного к военной службе населения, его призыву, обучению «рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян» военному делу, управлению войсками, предназначенными для обслуживания местных задач.

Декретом СНК «О волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатах» от 26 марта (8 апреля) 1918 г., утверждённым Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Совета рабочих, солдатских, крестьянских депутатов 9 (22) апреля 1918 г. [4], «для проведения в жизнь мероприятий по учету годного к военной службе населения, его призыву, формированию вооружённой силы Российской Советской Республики, обучению поголовно всех рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян военному делу, управлению войсками, предназначенными для обслуживания местных нужд, и удовлетворению материальных потребностей военного снабжения» учреждались территориальные комиссариаты по военным делам [7, 2(15) апреля, № 31, отдел первый, ст. 413].

Первичными органами организации призыва определялись волостные комиссариаты по военным делам, организуемые волостными Советами в составе двух комиссаров по военным делам и одного военного руководителя. Персонально комиссары и военный руководитель утверждались на должность уездным Советом рабочих и крестьянских депутатов. Один из них тем же Советом назначался волостным военным комиссаром. Волостной комиссар по военным делам подчинялся непосредственно уездному комиссару по военным делам и представлял последнему по его требованию или в установленные сроки отчет о деятельности волостного комиссариата по военным делам.

Волостные военные комиссариаты выполняли обязанности по учету, обучению, вербовке, агитации и мобилизации военнообязанных. Они также ведали учетом «коневых, перевозочных и прочих, поставляемых населением для военных нужд, технических средств и сил в волости». Учёту подлежали все годные к несению военной службы, «негодные к труду члены их семейств», прошедшие воинское обучение, в том числе – получившие подготовку в военных школах. С этой целью составлялись именные списки указанных выше категорий населения.

За несоблюдение правил учёта, за уклонение от всеобщего обучения военному делу или от учебных сборов волостными военными комиссариатами возбуждалось преследование перечисленных категорий граждан. Неспособные к несению службы направлялись волостными военными комиссариатами на медицинское освидетельствование [7, 2(15) апреля, № 31, отдел первый, ст. 413].

Кроме того, волостные военные комиссариаты собирали и обрабатывали различные сведения, необходимые для составления «мобилизационных соображений», и разрабатывали таковые для волости.

Совместно с уездными военкоматами, волостными, фабричными и сельскими комитетами волостные военные комиссариаты отвечали за организацию на местах обучения военному делу рабочих и крестьян, не эксплуатирующих чужого труда, а также создание гимнастических, стрелковых обществ и проведение учебных сборов. Обязанностью волостных военных комиссариатов являлось и проведение в деревнях устной и печатной агитации и организация вербовочных пунктов.

В отношении мобилизации за волостными военными комиссариатами закреплялась задача производства развёрстки всех мобилизационных нарядов по населённым пунктам, входившим в состав волости; оборудования сборных пунктов для расквартирования и довольствия призывников и поставляемых населением лошадей; распределение принятых на службу по родам войск и составления маршрута их следования в составе команд или одиночным порядком. Согласно принятому положению о замещении должностей в РККА волостные военные комиссариаты составляли списки кандидатов из числа лиц, соответствующих установленным, в том числе политическим требованиям.

Уездные комиссариаты по военным делам организовывались уездными Советами рабочих и крестьянских депутатов в составе двух комиссаров по военным делам и военного руководителя, утверждаемых губернским Советом. Последний назначал одного из членов уездного комиссариата по военным делам уездным военным комиссаром. Он подчинялся губернскому комиссару по военным делам.

В распоряжении уездного комиссариата по военным делам состояли все вооруженные силы, предназначенные для военных нужд уезда. Кроме задач, решаемых волостными военными комиссариатами, естественно, с поправкой на масштабы уезда, уездный комиссариат по военным делам выполнял следующие функции:

- обеспечивал войска всем необходимым, в том числе, отпускаемыми им по натуральным повинностям средствами;

- исполнял обязанности начальника гарнизона и коменданта в месте своего пребывания за исключением городов, где были учреждены особые комендатуры;

- наблюдал за освидетельствованием освобождаемых от несения военной службы по болезни;

- распоряжался всеми военными учреждениями, складами и запасами имущества, предназначенными для военных нужд уезда, а также контролировал их состояние и пополнение;

- отвечал за содержание в исправности и хранение снаряжения, боекомплектов и оружия, не выданного волостным военным комиссариатам и др. [7, 2(15) апреля, № 31, отдел первый, ст. 413].

В соответствии с решаемыми задачами уездный военный комиссариат состоял из следующих отделов: общего (управления делами), агитационно-вербовочного, учетного, формирования и обучения, снабжения. На практике, первоначально количество отделов в уездах Курской губернии варьировалось в зависимости от местных обстоятельств.

Губернские комиссариаты по военным делам организовывались губернскими Советами рабочих и крестьянских депутатов в составе двух комиссаров по военным делам и одного военного руководителя, которые утверждались Народным Комиссариатом по военным делам. НКВД назначал одного из членов губернского военного комиссариата губернским военным комиссаром.

Губернский военный комиссар подчинялся окружному комиссару по военным делам. В распоряжении губернского комиссариата по военным делам состояли все вооруженные силы, военные учреждения, лазареты, госпитали, склады и запасы имущества, предназначенные для военных нужд губернии. Кроме общих обязанностей по учёту, формированию вооружённых сил, проведению в жизнь всеобщего обучения, по управлению местными войсками, по материальному благоустройству расположенных в губернии войск, их размещению по квартирам на месте и при передвижении.

На губернские комиссариаты по военным делам возлагалось:

- объединение и направление деятельности уездных военных комиссариатов;
- вербовочно-агитационная деятельность среди населения и удовлетворение культурно-просветительной потребностей войск;
- проверка развёрстки принимаемых на службу по уездам;
- организация и руководство конскими повозочными переписями;
- организация в губернии воинского обучения населения, инструкторских школ, спортивных и стрелковых обществ;
- организация учебных сборов и всякого рода военных упражнений в поле и маневров;
- наблюдение за препровождением и довольствием следующих по делам службы солдат, за движением военных транспортов, за отправлением команд пополнения, за выполнением уездными военными комиссариатами всех приказов по призыву для обучения, а в военное время – за отправлением призываемых по назначению;
- контроль приёма от населения и препровождение по назначению лошадей;
- наблюдение за размещением и содержанием эвакуированных с театра войны, в частности, раненых и военнопленных [7, 2(15) апреля, № 31, отдел первый, ст. 413].

Губернский военный комиссар исполнял обязанности начальника гарнизона и коменданта в месте своего пребывания за исключением городов, где были учреждены особые комендатуры.

Структурно губернский комиссариат по военным делам состоял из следующих отделов: общего, агитационно-вербовочного, учётного, формирования и обучения, инструкторского, снабжения, санитарного, транспортного.

Завершали структуру местных органов военного управления окружные комиссариаты, организуемые Народным Комиссариатом по военным делам в составе двух комиссаров и военного руководителя, один из числа которых назначался окружным военным комиссаром. Декрет СНК предусматривал, что один из военных комиссаров, назначаемых НКВД, мог быть «в последствии заменён Советской властью округа, которой представляется также право отвода военного руководителя» [7, 2(15) апреля, № 31, отдел первый, ст. 413].

Окружному военному комиссариату принадлежала военно-административная власть в округе: в его подчинении находились все вооружённые силы, предназначенные для военных нужд округа, все управления, учреждения и заведения военного ведомства, не входящие в состав войск, расположенных в пределах округа.

Для обсуждения важнейших дел по управлению военным округом при окружном комиссаре созывалось постоянное совещание, под председательством окружного комиссара, в составе: окружного комиссара,

делегатов от губернских советов округа (по одному от каждого), начальника окружного штаба и по одному представителю от каждого из окружных управлений. В заседаниях постоянного совещания по усмотрению председателя могли принимать участие приглашённые лица (командного состава, представители окружных автоцентра, авиацентра, радицентра и населения) для заслушивания их мнения или получения от них разъяснений.

Перечень дел, порядок их рассмотрения, а также права и обязанности названного совещания определялись особым положением.

Окружной комиссариат был обязан:

- вести полный учёт людей, лошадей и материальных средств, которые могут быть использованы для государственной обороны;
- развёрстывать общий наряд людей, лошадей и материальных средств, полученный от коллегии формирования (или от генерального штаба), на весь округ между уездными комиссариатами по военным делам и в губерниях округа;
- принимать сформированные части и команды и отправлять их по назначению.

Кроме того, в мирное время в деле снабжения войск окружной комиссариат обязан был удовлетворять все части и команды, находящиеся в пределах округа, всем необходимым, исполнять наряды, получаемые из центральных управлений НКВД, по заготовкам на местах и содержать эти запасы. В военное время, для удовлетворения потребностей войск, находящихся в пределах округа, окружной комиссариат пополнял армейские и войсковые магазины и содействовал «действующим войскам в сосредоточении рабочей силы, необходимой для исполнения всякого рода работ на нужды обороны и армии» [7, 2(15) апреля, № 31, отдел первый, ст. 413].

В остальном окружные комиссариаты руководствовались указаниями Народного Комиссариата по военным делам. Отношения окружного комиссариата с губернскими, уездными и волостными Советами определялось особым положением.

21 апреля (4 мая) 1918 г. Декретом СНК «Об учреждении военных округов» был образован Орловский военный округ в составе Черниговской, Орловской, Курской и Воронежской губерний с размещением военно-окружного управления в г. Орле [7, 14(27) мая, № 37, отдел первый, ст. 491].

Курская губерния, до этого входившая в состав Московского военного округа, была отнесена к Орловскому военному округу. Параграф 3 этого же Декрета указывал: «В губерниях всех военных округов немедленно сформировать губернские, уездные и волостные военные комиссариаты на основании декрета от 8 апреля сего года» [5].

В начале мая 1918 г. губернская военная коллегия на основании приказа Наркомата по военным делам за № 296 была реформирована в Курский губернский комиссариат по военным делам (губернский военкомат). В окончательном виде Курский губернский военкомат был

сформирован 9 мая 1918 г. на основании приказа Высшей военной инспекции № 29 [5].

Военные отделы местных советов сыграли существенную роль в создании первых частей Красной Армии. Усложнение задач, связанных с организацией вооруженных сил Советской Республики, подготовка к переходу от добровольческой к мобилизационной системе комплектования армии потребовали перестройки всей системы военного управления – введения специализированных военных учреждений в форме комиссариатов по военным делам. Эта новая система органов военно-административного управления и начала складываться на местах в апреле – мае 1918 г.

Не имея опыта, а руководствуясь «революционной сознательностью и настойчивостью», уже в июне 1918 г. губвоенкомат приступил к формированию воинских частей. Таковыми стали:

1-й Курский советский батальон (командир Щуров);

1-я Курская советская пехотная дивизия (впоследствии – 9-я Курская пехотная дивизия);

Команда конных разведчиков 3-го Московского полка [3].

Для создания командно-инструкторского кадра 1-й Курской советской пехотной дивизии была объявлена мобилизация бывших подпрапорщиков и унтер-офицеров, а затем и офицеров общим количеством до 600 человек [2, л. 139]. Призыв осуществлялся в условиях частичной оккупации губернии германскими и украинскими войсками. Мобилизационным аппаратом губвоенкомата были приняты меры по предотвращению дезертирства, что позволило за 2-3 месяца довести состав дивизии до штатного. Одновременно с мобилизацией губвоенкомат предпринимал значительные усилия по размещению военнослужащих. В 5 вёрстах от Курска в Горелом лесу под казармы были приспособлены бараки, приобретено казарменное имущество. Из Москвы для личного состава дивизии были завезены 27 тыс. комплектов обмундирования [2, л. 140].

Серьёзные проблемы возникли с командой конных разведчиков 3-го Московского полка. Разведчиков заподозрили в краже советского имущества в виде 4-х ящиков табака. Прибывших 27 июня 1918 г. для производства обыска в расположение команды чины курского уголовного розыска, были встречены крайне враждебно. Военнослужащие заявили, что «сыщики» – их исконные враги, которых они по одиночке будут ловить и расстреливать ...

Орган Курского губернского исполнительного комитета советов газета «Голос революции» сообщала: «Команда конных разведчиков своим поведением по отношению к революционной чести солдат наводит на вполне определённые размышления, что в ней состоят не солдаты – борцы за революционный порядок, а гнездятся те же «герои» полуночи и тёмных

переулков, которым в лучшем случае место в тюрьме, но никак не в рядах Советской армии» [3].

После укомплектования частей 1-й Курской советской дивизии областной военкомат приступил к формированию караульных частей. В городе Курске создавался караульный полк, а в каждом из уездов губернии – караульная рота численностью в 228 человек. Эти войсковые части несли службу по охране складов, как принадлежащих военному ведомству, так и гражданским учреждениям, и организациям.

Караульные части также привлекались к борьбе с расширяющимся дезертирством, а также для подавления периодически вспыхивающих восстаний, главным образом – крестьянских, вызванных введением продразвёрстки. Для борьбы с дезертирами были откомандированы по одному взводу из каждой караульной роты и целая рота из курского караульного полка.

Начало организации системы военкоматов совпало с проведением первых мобилизаций на действительную военную службу. Только что созданные военкоматы столкнулись с многочисленными трудностями при организации призывов. Прежде всего, необходимо было преодолеть стихийность и анархию добровольческого периода комплектования Красной Армии. Настоящей угрозой существованию РККА стало массовое дезертирство, вызванное политической неопределённостью, недоверием крестьян к агитаторам всех мастей, а также результатами продразвёрстки. Однако совместные усилия местных военных и советских органов позволили уже к осени 1918 г. создать необходимые военно-политические и организационные предпосылки для формирования частей РККА.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф.Р – 328. Оп. 1. Д. 344.
2. ГАКО. Ф.Р – 328. Оп. 2. Д. 23.
3. Голос революции. – 1918. – 29 июня.
4. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. – 1918. – 13 (26) апреля.
5. Красная Армия. – 1918. – 16 мая.
6. Михалёва В.М. Из истории создания советской системы местных органов военного управления // Военно-исторический журнал. – 1988. – № 4. – С.83–88.
7. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. – М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. – 886 с.

И.О. РОЖКОВСКАЯ

АРХИТЕКТОР КАРЛ ГУСТАВОВИЧ ШОЛЬЦ

Усадьба «Марьино», дом купца Филимонова в г. Рыльске, дом Земства, усадьба Качановка, Троицкий собор в г. Сумы – это лишь те немногие памятники архитектуры, сохранившиеся до наших дней, историческая и культурная значимость которых была и остается неопределимой. История данных уникальных зданий и парковых ансамблей это прежде всего биографии тех выдающихся людей – князей, генералов, губернских землемеров, архитекторов, скульпторов, мелиораторов, к которым мы возвращаемся снова и снова, чтобы еще раз прикоснуться непосредственно к той части истории, которая ведет нас к великолепию загородных дворянских усадеб, строительству историко-культурных заповедников и возведению величественных соборов.

Неопределимый вклад в создание всех названных сооружений и усадеб внес известный архитектор немецкого происхождения Карл Густавович Шольц (1837–1907/08), работавший на территории Курской, Харьковской и Черниговских губерний. Биография Карла Шольца не была чрезмерно яркой и запоминающейся, но, тем не менее, считаем необходимым обратимся к ней и его творческой деятельности, оставившей неизгладимый след в истории нашего края.

Известно, что для работы в своих владениях знаменитые князья Барятинские активно приглашали лучших иностранных специалистов. В конце 1860-х гг. такое приглашение получил и К. Г. Шольц. Подтверждение этому мы находим в делах о выдаче билетов иностранцам в архивном фонде «Канцелярия Курского губернатора» [1, л. 5]

Семья Шольца жила в с. Ивановском Львовского уезда Курской губернии. Шольцы были прихожанами лютеранской кирхи, но вместе с тем активно посещали православную Покровскую церковь с. Ивановское.

Так в документах архивного фонда «Курская евангелическо-лютеранская кирха святых апостолов Петра и Павла» за 1876–1885 гг. среди прихожан значится Карл Шольц, а также Эрнестина Эккерт (записи на немецком языке) [2, л. 10].

С Эрнестиной Константиновной Эккерт Карл познакомился в середине 1870-х гг. В 1878 г. они поженились.

Эрнестина была также частым посетителем Покровской церкви, регулярно жертвовала деньги на нужды как лютеранской общины, так и православной церкви. В семье Карла было пятеро детей: Густав, Юлия, Эмма, Адель и Ольга.

Карл Густавович Шольц был великолепным мастером по токарным и резным работам, имел соответствующее звание и лицензию. Он содержал собственную мастерскую, основной задачей которой было снабжение

токарными и резными изделиями объектов своих заказчиков. А их было немало. И одними из первых являлись князья Барятинские.

Разнообразные элементы из мастерской Шольца использовались в отделке при реконструкции усадеб Марьино, Качановка, дома Филимонова в Рыльске и т.п. Практически в каждой усадьбе где работал Шольц, использовались материалы его собственного производства, включая деревянные элементы интерьера и мебель.

Впоследствии в с. Ивановское Карл Шольц открыл фабрику токарных резных изделий, которая была очень успешной и поставляла продукцию в разные уголки России.

Работа над реконструкцией усадьбы «Марьино» велась совместно с известным петербургским архитектором Ипполитом Антоновичем Монигетти. Перестройка дворца проходила в стиле неоклассицизма именно по проекту Монигетти. Во время работ активно использовалась продукция мастерской Шольца: на заказ была изготовлена резная мебель, при входе сооружен массивный фронтон с колоннами, заменены многие элементы внешней отделки.

В письме, адресованном князю В.И. Барятинскому, И.А. Монигетти писал: «...Я покинул Ивановское, где провел добрых два дня, для того, чтобы рассмотреть и проверить работы, которые хорошо продвигаются, и решил вопросы, которые казались затруднительными. Думаю, что если не будет недостатка в средствах для господина Шольца, все подготовленные работы могут быть закончены к концу августа...Ваши апартаменты, также как госпожи княгини, целиком закончены и я нахожу их очень благоприятными и по расположению и по их пропорциям. Я сделал по Вашей просьбе указание сохранить их как отдельные апартаменты. Мы с госп. Шольцем нашли средство выгодное и простое, для того чтобы сделать лестницу и балкон связанными с кабинетом госпожи княгини и с библиотекой...Шольц, мой помощник и я не теряем ни одного мгновения без пользы...Ваш покорный слуга Ипполит Монигетти» [3, с. 37–39].

Жизнь в Ивановском была удобной во всех отношениях. Здесь присутствовали и развитая инфраструктура, и близость к большим городам: Курск, Рыльск, Сумы. В итоге можно было успешно работать с заказчиками, производить необходимые для них товары.

Еще одно творение Карла Шольца, заслуживающее отдельного внимания – двухэтажный дом купца Филимонова в г. Рыльске. Над реконструкцией этого здания, над его архитектурной отделкой Карл Густавович работал длительное время. Здание дома купцов Филимоновых сохранилось до сих пор и является одной из визитных карточек города. В настоящее время это памятник истории и культуры федерального значения.

К концу XIX в. имя Карла Шольца было широко известно не только в Курской губернии.

Именно в это время (в середине 1880-х гг.) с ним познакомился Павел Иванович Харитоненко, крупный сахаропромышленник, который активно

строил заводы на территории Курской губернии. Один из крупнейших заводов того времени был им построен в с. Красная Яруга.

Харитоненко привлек К.Г. Шольца, как опытного местного специалиста, для работы над своими объектами. С тех пор и началось их долгое и плодотворное сотрудничество.

Так в 1898 г. Шольц участвовал в реконструкции усадьбы Качановка, которую Павел Иванович Харитоненко в качестве свадебного подарка дочери купил у Тарновских. Перестройка усадьбы была осуществлена за два года. Под руководством Шольца дворец был облицован кирпичом, увеличен купол усадьбы, реконструированы внутренние помещения и преобразованы в залы, полностью перестроены боковые флигели. Внешнее оформление приобрело черты неоклассицизма. Огромную роль в архитектурном ансамбле усадьбы играли парковые скульптуры, зимний сад, ограждения, и, конечно, сам парк. В целом же достройки времен Харитоненко не исказили классицистический характер дома-дворца, который сохранился и поныне.

Прожив около 30 лет в с. Ивановском Льговского уезда Курской губернии, семейство Шольцев в итоге приняло предложение Павла Ивановича Харитоненко и переселилось в г. Сумы. Этот переезд был необходимым в профессиональном плане. В начале XX в. Сумы очень быстро развивались, благодаря сахарной промышленности и меценатству семьи Харитоненко. Карл Густович Шольц был полностью загружен работой над объектами Харитоненко. Среди них отметим работу над Троицким собором в г. Сумы. Она началась в 1901 г. В качестве мецената строительства выступил сам П.В. Харитоненко, пожертвовавший 500 000 руб. Собор был расположен на Троицкой улице в непосредственной близости от усадеб Шольцев и Харитоненко.

К сожалению, увидеть законченный собор архитектору было не суждено. Он умер примерно в 1907–1908 гг. и был похоронен на Петропавловском кладбище г. Сумы. Точная дата смерти неизвестна, т.к. документы местной кирхи были утеряны во время революции. В работах же по завершению строительства принимал активное участие сын Карла Густовича Густав Карлович Шольц, являвшийся городским архитектором.

Дальнейшая судьба потомков К.Г. Шольца оказалась тяжелой. Единственный сын и потомственный архитектор Густав Карлович Шольц после революции продолжил работу по специальности. Под его руководством построена больница в г. Красный Луч. Позднее он работал главным инженером сухопрессовального кирпичного завода в г. Армавир. В 1938 г. был арестован и расстрелян в г. Луганске в 1939 г. Семья Густава Шольца в 1941 г. была выслана в Казахстан. Судьба же четырех дочерей Карла Густавовича Шольца нам неизвестна.

1 июля 2013 г. при входе в Троицкий собор г. Сум была установлена именная мемориальная табличка. В ее открытии участвовали потомки Карла Густавовича Шольца вместе с главным архитектором города Сумы.

Подводя итог следует отметить, что вся жизнь Карла Густовича Шольца была посвящена лишь одному главному делу – архитектуре. Его повседневная жизнь была жизнью обычного человека, но его творческая деятельность несла особый авторский почерк, который прослеживается в сохранившихся до наших дней зданиях и сооружениях. Такие элементы внешней и внутренней отделки, как лепнина, массивные колонны при входе, отделка интерьеров деревом, фронтоны, балясины, многие из которых изготовлены собственноручно, весь шик европейского стиля постройки зданий того времени не оставляет равнодушным ни одного современного человека, увидевшего это, ни одного путешественника, оказавшегося рядом специально для того, чтобы еще раз окунуться в атмосферу прошлого и насладиться культурными изысками.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2321.
2. ГАКО. Ф. 726. Оп. 1. Д. 3
3. Марьино: Альбом / Авт.-сост. С. И. Федоров. – М.: Сов. Россия, 1989. – 191 с.

Е. В. ХОЛОДОВА

ЦЕРКОВНАЯ ЛЕТОПИСЬ СЕЛА ДУРОВО-БОБРИК

I. Исторические сведения

Село Дурово-Бобрик Льговского стана (ранее Рыльского уезда), затем Льговского уезда (ныне района) Курского края расположено в живописной местности, образуемой запрудами на реке Бобрик и холмистом пространстве, открывающемся в горизонт лугов и полей.

Вдоль левого берега реки плотно разместились, переходящие одно в другое поселения, известные из летописей последней четверти XVII в. В наименовании по гидрониму и первым поселенцам и землевладельцам значатся: Дуров Бобрик, Цуканов Бобрик, Сремоухов Бобрик, Бобрик Бахтинка и др., организовавшие, со временем, плотную сельскую застройку государственных и крепостных крестьян.

Село Дурово Бобрик или Бобрик Дуров сохранило название от первых землевладельцев Дуровых. В поселении издревле значилась деревянные сменяющие друг друга здания Васильевской церкви, затем поздней – каменной, во имя Воскресения Христова.

Одно из первых зданий деревянной церкви в Дурово Бобрике построено в и освящено в 1696 г. В документах говорится: «7204 г. (1696 г.) июня 27 по указу свят. Патриарха и по пометке на выписке казначея монаха

Тихона Макаревского велено в Рыльском уезде в с. Бобрик новостроенную церковь Василия Великого освятить Рыльскому соборному Николаевскому протопопу Силе Иванову [...] 7204 г. [1696 г.] августа 4 по благослов. грамоте дан антиминос к освящению церкви Василия Вел. в с. Бобрики, взял антиминос тоя церкви поп Михайло и росписался» [45, с. 84–85].

Однако через 32 года церковь обветшала, и местный землевладелец Ермолай Дуров заботится о возведении нового храма, который был построен и освящен в 1732 г.: «1728 г. марта 8 Рыльский помещик поручик Ермолай Иванов сын Дуров в поданном в С.К. прошении писал: Вотчина у меня в означенном Рыльском у. с. Бобрик и в оном селе построена была ц-вь во имя Василия Неокессарийскаго и оная церковь ныне весьма обветшала и служить в ней невозможно и ныне обращаюсь в означенном селе построить на том же месте церковном вновь церковь во имя означенной престол и чтоб указом повелено на старом месте построить ц-вь и о том дать указ [...] И против сей челобитной в С.К.Пр. выписано по Писцовым рыльским книгам вышеписанной церкви не написано, потому что та церковь прибыла и данью обложена в прошлом 7204 г. (1696 г.) и у той церкви написано дворов попов 3 дв., церковных причетников, приходских 22 двора, пашни церковные 20 чети в поле, а в-ж, сенных покосов 20 копен; а в переписанных книгах 1703 г. у оной же ц-ви написано: поп Михаил Емельянов, дьячок Фома, приходских 29 дв., а пашни и сенных покосов не написано. Подписано 1728 г. марта 8 дня указ о строении. Отмечено «указ дан». 1732 г. февр. 28 дня оной же помещик в С.К.Пр. писал, что построенная ц-вь Василия Неокесарийского к освящению в готовности и просил об освящении оной церкви послать указ Рыльского Николаевского монастыря к игумену Пафнутию и освященный антиминос выдать. Подписано «1732 г. сентября 16 дня дать указ об освящении той церкви и антиминос выдать» [45].

Неизвестны источники о том было ли поновление или строительство ещё одного здания церкви в период между освящением деревянного храма 1732 г. и каменного 1825 г. [48]?

Следующие документальные сведения о деревянной Васильевской церкви в с. Дурово Бобрик, о селе и землевладелице А.И. Воропановой относятся к 1784 г.: «Бобрик Дурово село. Вдовы майорши Авдотьи Исаевой дочери Воропановой 24 двора, в них душ 98, малороссийских 9 домов в них душ 25. Однодворческих 1 двор в них душ 5. Селением лежит на речке Бобрике от большой из Курска в Рыльск дороге по левую сторону в семнадцать верстах. В оном селе церковь деревянная во имя святого Василия Великого, при которой священно и церковно служительских дворов три, во оных душ девять да означенной Воропановой дом деревянный в коем она жительство, а не имеет. Дровяного лесу 40 десятин, ржи 100 десятин 100 четверти, пшеницы 5 десятин 5 четвертей, овса 50 десятин 150 четвертей, проса 2 десятины, гречи 50 десятин 50 четвертей, гороху 2 десятины, 1 четверть, семя конопляного 10 десятин 10 четвертей,

семя аленнаго 1 десятина, 1 четверть. При оном селе на речке Бобрике ее ж Воропановой две мельницы, каждая об одном мучном поставе. Лес состоит от селения в трех верстах по буеракистым местам и принадлежит ей Воропановой. При оном селении на проток обельном гать тридцати сажень исправляется того село жителями» [1].

Новое каменное здание церкви во имя Воскресения Христова с двумя престолами построено в 1825 г. [48]. Причём, 21 августа 1905 г. был освящен придел Св. Василия Великого [43].

На 1898 г. значится Воскресенская церковь в с. Дурово Бобриск с 4 деревнями каменная. Церковно-приходская школа в церковной сторожке, дом священника деревянный [14].

На 1905 г. в селе было жителей: мужчин 232 женщин 229 [2]; на 1892 г. – мужчин 268, женщин 276 [41].

На 1908 г. Церковь владела 3 дес. усадебной земли, 40 дес. полевой [48]. К приходу были причислены: с. Дуров Бобриск, деревни Машкина, Ракова, Волжинская. В приходе была церковно-приходская школа, размещавшаяся в церковной сторожке и церковный дом для священника [48].

В Госархиве Курской области хранятся метрические книги Воскресенской церкви в с. Дурово Бобриск за 1826–1842, 1866–1886, 1888–1893, 1900–1915 гг. [15–26]

По архивным документам и публикациям понятно, что земля в с. Дурово Бобрике и его окрестностей в течении более двух столетий находилась в руках крупных землевладельцев: Дуровых XVII – 1-й половине XVIII вв., Воропановых – последняя четверть XVIII – 1-я половина XIX вв. [7, 9, 12], затем – вплоть до революции 1917 г. – их потомков Анненковых.

Сохранившиеся документы позволяют восстановить причт Васильевской и Воскресенской церквей с конца XVII в. до нашего времени, выполнив таблицу состава и перемещения причта (см. Таблицу 1). Среди служителей храма выделяются священники, прослужившие около и более 20 лет, например, Иоанн Архангельский, Дмитрий Попов, Борис Ковалевский, Рафаил Руднев, а также дьячки и псаломщики: династия Анания и Фёдора Белоусовых, Фёдор Яковлевский и др.

О землевладельцах можно привести следующие документальные сведения. На 1728 г., упомянутый выше, строитель деревянной Васильевской церкви поручик и помещик Ермолай Иванович Дуров [45].

Далее в течении XVIII в. произошла смена фамилии владельцев, причину которой установить не удалось. Но можно предположить, что земля в Дурово Бобрике перешла родственниками или была куплена другими помещиками.

На 1784 г. упоминается вдова майорша Воропанова Авдотья Исаевна [1].

В документах 1811–1835 гг. землевладельцем является Яков Егорович Воропанов (ок. 1769 – 29 июля 1835) [7,9,10,15] и его жена Александра Юрьевна (ок. 1780 – 11 февраля 1835) [15], после смерти которых в 1835 г. землевладение с усадьбой переходит руки дворян Анненковых [15]. В частности, на период 1835 – 1840-х гг. землевладельцем является зять Я.Е. Воропанова – Иван Петрович Анненков, затем в 1850-е –1870-е гг. – его сын Яков Иванович Анненков [11,13,15]. При этом, И.П. Анненкову так же принадлежали земли в Курском уезде – д. Горяиново и хут. Лебяжий.

На 1850 г. в с. Дурово Бобрик Яков Анненков имел 249 душ крепостных [16]. «В селе Дурово Бобрик по ревизским сказкам 10 народной переписи мужеска пола душ: дворовых – 54, крестьян 197. Из них отпущены на волю после ревизии: дворовых – 21. Затем состоит налицо в имении: дворовых – 33, крестьян – 197» [4].

На 1860 г. в «Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше» владение Я.И. Анненкова в с. Дурова Бобрик с землями в других дачах: крепостных крестьян 193, дворовых 54, число дворов 27, усадебной земли 5,2 дес., всей земли 760, 82 десятин [47].

Владение землями с. Дурово Бобрик и смежными с ним землями в 1867-1868 гг. распределялось на 6 частей следующим образом: первой частью владели крестьяне собственники, второй – капитан и кавалер Яков Иванович Анненков, третьей – коллежский Секретарь Сергей Петрович Анненков, четвертой – граф Александр Николаевич Толстой, пятой – статский советник и кавалер Михаил Павлович Жданов, шестой – капитан и кавалер Яков Иванович Анненков [27–32].

Сын Якова Ивановича, наследник имения – Иосаф Яковлевич Анненков, по документам 1890 г. был церковным старостой Воскресенской церкви в Дурово-Бобрике [20].

На 1911 г. владелицей имения значится Мария Антоновна Анненкова [3].

Анненковы были в родстве с Бартрам, соседними владельцами Семёновки Льговского уезда. Лев Яковлевич Анненков женился на Марии Эрнестовне Бартрам, тёте известного художника прикладного искусства Николая Дмитриевича Бартрам (1873–1831). Венчание 3 ноября 1868 г. состоялось в Воскресенском храме с. Дурово Бобрик [16]. На 1911 г. Мария Эрнестовна Анненкова владела имением усадьбой в с. Износково Льговского уезда [3].

Здесь же в Дурово-Бобрике на правом берегу запруды реки Бобрик - обширного усадебного пруда, к юго-востоку от храма, располагалась усадьба владельцев Воропановых-Анненковых, с парком, садом и хозяйственным комплексом. Строения усадебного комплекса не сохранились, но место усадьбы с остатками парка-сада, пруда и планировочной композиции хорошо читается в настоящее время и находится в системе композиционных визуальных связей усадьба-церковь-

село. В деле 1850 г. упоминаются господская усадьба, верхний и нижний пруд, дамба, сажалки, церковная земля и др.[4]

После опубликования декрета СНК РСФСР от 23.01.1918 г. Воскресенский храм продолжал действовать на основании устава и договора, заключенного с волисполкомом 17 октября 1920 г. [36] Согласно описи церковного имущества 1920 г. приводится краткое описание внешнего вида и внутреннего убранства храма: здание каменное, крыто железом; престолов два, два иконостаса с местными иконами, икон в киотах под стеклом – 5, в рамках под стеклом – 2, в рамках без стекла – 4, два киота под стеклом с 26 иконами с изображением разных святых и др. [36]

Согласно декрету ВЦИК от 23.03.1922 г. из храма было изъято 7 предметов общим весом 2 ф. 65 зол., в том числе риза с иконы Смоленской Божией Матери [36].

В 1924 г. Вышне-Деревенским волисполкомом было зарегистрировано Воскресенское православное общество с. Дуров Бобрик [35].

По решению облисполкома Воскресенская церковь в 1935 г. была закрыта, здание было переоборудовано [37].

Богослужения в храме возобновились в 1944 г. [40]. 17 сентября 1944 г. здание храма передано верующим от Льговского райсовета депутатов трудящихся.

В 1951 г. был составлен список действующих на территории Курской области церквей, «изменивших свой внешний вид», в котором числится церковь с. Дуров Бобрик, у которой «снят верх колокольни» [38]. В списке церковных общин Курской области, состоящих на регистрации на 1 января 1952 г. под № 6 указано: с. Дуров-Бобрик здание типовой церкви, принадлежит государству.

В соответствии с Законом РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25.10.1990 г. зарегистрирован Воскресенский храм Курской епархии РПЦ (Московский патриархат) с. Дурово-Бобрик (13.11.91 №109). 24 января 1991 г. вышло постановление о передаче религиозной организации сооружений и имущества церкви.

Согласно Федеральному Закону «О свободе совести и о региональных объединениях» от 26.09.1997 г. зарегистрирована религиозная организация – Православный приход Воскресенской церкви (16.12.1999 г. № 193-р) с. Дуров Бобрик.

8 апреля 2010 г. установлено право собственности на строение и землю

Имущество: здание церкви с колокольной, жилой дом (общей площадью 51, 3 кв.м), два сарая, гараж, подвал, уборная, ограждение, ворота. Участок площадью 2746 кв.м.

С 2012 г. к приходу Воскресенского храма в с. Дурово-Бобрике относится Подворье Курского женского Свято Троицкого монастыря. Последние годы вблизи храма проведены строительные и ремонтные

работы жилых, подсобных и хозяйственных зданий и сооружений монастырского Подворья.

II. Общее состояние храма в настоящее время

Градостроительная характеристика.

Монументальное здание церкви расположено в открытом пространстве части бывшей церковной усадебной территории на невысоком пологом мысу у запруды реки Бобрик и старинных трактов – главной сельской улицы, прудовой дамбы, дороги вдоль сельского кладбища.

Храм замыкает перспективы четырёхстороннего перекрёстка на прицерковной площади. Является главной монументальной доминантой села и его окрестностей, видимой на значительном расстоянии в панораме села, полей и пойменной части запруд на реке Бобрик. Доминанта визуальных связей в пространстве места усадебного комплекса Воропановых-Анненковых.

Территория храма огорожена поздней деревометаллической оградой. В северной части территории расположен причтовый деревянный, обложенный кирпичом, дом, а также поздние сараи и погреб.

Объёмно-планировочное решение здания храма.

Композиция кирпичного трёхпрестольного храма - монументальная крестовокупольная, выполнена в архитектурных традициях зрелого классицизма, с использованием в декоративном убранстве фасадов ионического ордера. Храм одноглавый, с трёхъярусной (4-й ярус утрачен) колокольной, примыкающей к нему с западной стороны.

Храм крестообразный в плане (общие габариты всего здания около 20 х 25 м). К центральному квадратному в плане объёму примыкают по сторонам света прямоугольные в плане приделы, алтарь и трапезная под двускатной кровлей. Центральный, кубический объём храма, завершён массивным барабаном, увенчанным полусферическим куполом, завершённым малой полусферической же главкой на барабане. С юга, севера и востока фасады акцентированы четырёх колонными, на пьедесталах, малого выноса портиками с треугольными фронтонами, причём, портик восточного фасада отличается спаренными колонными по углам алтарного объёма.

Конструкции и строительные материалы.

Храм выложен из кирпича (70x130x290(300) мм) на известково-песчаном растворе с последующей штукатуркой стен и окраской в два цвета. Имеет кирпичную купольную и сводчатую систему покрытий и перекрытий. Покрытие кровли - железное.

Архитектоника, архитектурно-художественная решение фасадов в целом и отдельных деталей.

Храм сохранил габариты, архитектонику, общее архитектурное решение в классицистическом стиле, с портиками ионического ордера,

материал фасадной поверхности, очертание окон (прямоугольное, сегментное, лучковое), их расположение и расстекловку оконных проёмов, и характер дверных деревянных полотен; архитектурные детали (карнизы, руст, круглые и ромбические крупные розетки).

Сохранились решётки в окнах первого этажа, кованые каркасы дверных полотен северного, южного и западного входов, с задвижками.

В интерьерах читается крестово-купольная композиция. Центральный барабан перекрыт купольным сводом. Алтарь, трапезная и приделы перекрыты коробовыми сводами. Все объёмы, кроме трапезной имеют двухсветное освещение. Первоначальные росписи, иконостас и декоративное убранство не сохранились.

Здание завершает высокий профилированный карниз, подчёркнутый рядом кронштейнов.

Трёхъярусная (4-й ярус и завершение утрачены), квадратная в плане колокольня примыкает к храму с западной стороны. На третьем ярусе расположен уровень звона, куда ведут лестничные ходы, размещённые в первом и втором ярусе колокольни, в северном и южном помещениях относительно притвора, имеющего трапецевидное очертание в плане.

Архитектура колокольни, решена в традициях позднего классицизма. Нижний ярус в своих пропорциях и характере декора согласован с фасадами храма и завершён с трёх сторон треугольными профилированными фронтонами, подчёркнутыми рядом кронштейнов. Колокольня декорирована на всю высоту мелким горизонтальным рустом. В поле нижнего яруса имеются полуциркульные, прямоугольные и многогранные, иметирующие окна ниши. Второй ярус имеет акцент крупной рустовки, круглые оконные проёмы. Третий ярус звона с высокими проёмами мелко рустован. Причём третий ярус наполовину имеет позднюю надстройку 1950-х гг. Ярусы разграниченными друг от друга простыми карнизами и полочками.

Кирпичные несущие стены колокольни из кирпича (70x130x290(300) мм) на известково-песчаном растворе с последующей штукатуркой стен и окраской в два цвета. Первый ярус колокольни перекрыт каменным сводом, имеет четыре небольших помещения: три трапецевидных в плане - тамбур-притвор, два хода на колокольню и квадратный в плане притвор главного входа. Северное и южное помещения ведут в квадратный в плане уровень звона. Лестницы – простые деревянные. Кладка интерьера колокольни имеет следы известковой обмазки.

III. Заключение.

Воскресенская церковь входит в число немногих сохранившихся в Курской области памятников церковной архитектуры первой четверти XIX в. Являет собой образец храмовой архитектуры зрелого классицизма.

Воскресенский храм в Дурово-Борике, как сакральный объект обладает историко-мемориальной ценностью – духовный, исторический центр, свидетель основных вех жизни многих поколений соотечественников

(их крещения, венчания, исповедального очищения, молитв, обретение веры, отпевания).

Прицерковная площадь – место проведения молебнов и крестных ходов. Территория при храме – пространство мемориальное.

По своей выразительной самобытной архитектуре и величине – монументального силуэта, Воскресенский храм – притягательная доминанта в жилой застройке поселения и его панорамных видов. Храм является яркой градостроительной неотъемлемой частью села и его окрестностей видимым на значительном расстоянии в панораме полей и пойменной части рек северо-западной части Рыльского района.

Таблица 1

Причт Васильевской и Воскресенской церквей с. Дурово-Бобрик

Год	Священники	Дьячки, псаломщики (после 1885 г.)
1696-1703	ЕМЕЛЬЯНОВ Михаил [45]	Фома [45]
1704-1733	?	?
1734	Фома Михайлов [44]	?
1735-1787	?	?
1788	ЕМЕЛЬЯНОВ Дмитрий [10]	дчк. СЕМЁНОВ Ефим пнм. ФОМИН Пётр [10]
1789-1815	?	?
1816	КРЕМПОЛЬСКИЙ Георгий Петрович [8]	дчк. БЕЛОУСОВ Ананий Гаврилович пнм. БЕЛОУСОВ Фёдор Гаврилович дчк. ВАСИЛЕВСКИЙ Никанор Петрович дчк. ХРИСАНОВСКИЙ Алексей Тимофеевич пнм. ХРИСАНОВСКИЙ Тимофей Леонтьевич [8]
1817-1825	?	дчк. БЕЛОУСОВ Ананий Гаврилович пнм. БЕЛОУСОВ Фёдор Гаврилович [15]
1826	ПОПОВ Никанор Михайлович [15]	Пнм. БЕЛОУСОВ Фёдор Гаврилович Дчк. БЕЛОУСОВ Ананий Гаврилович
1827	ПОПОВ Никанор Михайлович [15]	Пнм. ВОЛОБУЕВ Фёдор Дчк. БЕЛОУСОВ Ананий Гаврилович
1828	ПОПОВ Никанор Михайлович [15]	Пнм. БИРЮКОВ Фёдор Дчк. БЕЛОУСОВ Ананий Гаврилович
1829-1830	ПОПОВ Никанор Михайлович [15]	Пнм. БЕЛОУСОВ Фёдор Гаврилович Дчк. БЕЛОУСОВ Ананий Гаврилович 1

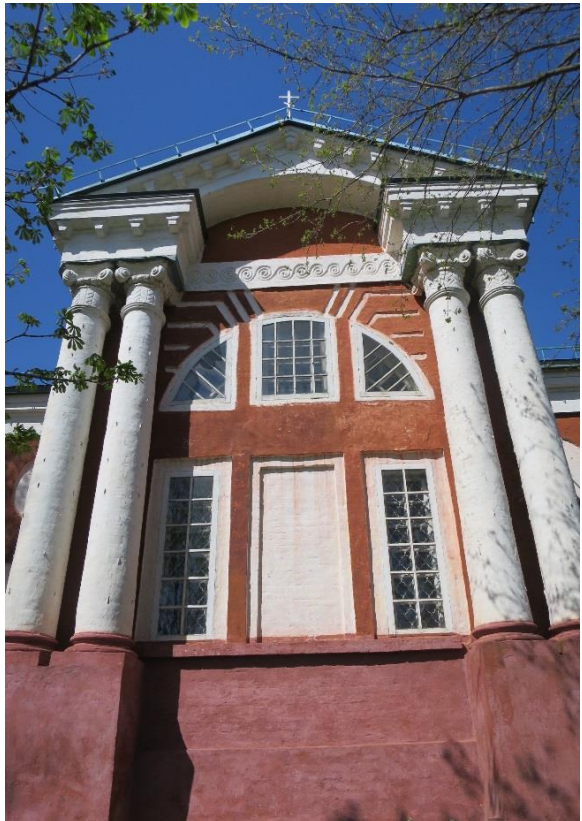
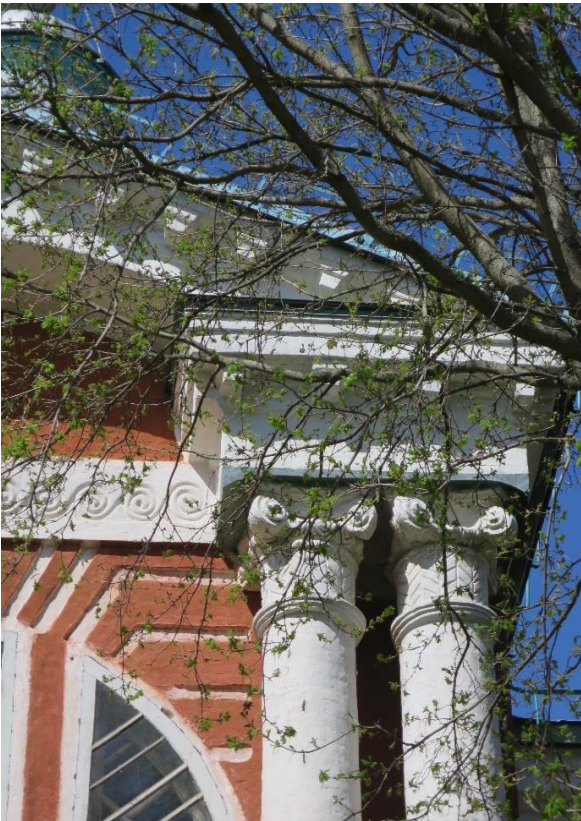
1831-1832	ПОПОВ Никанор Михайлович [15]	Пнм. НИКИТИН Евтихий Павлович Дчк. БЕЛОУСОВ Ананий Гаврилович
1832 июль- октябрь	ЛЕБЕДЕВ Иван Савельевич, свящ. Церкви с. Кромских Быков Льговск.у. [15]	Пнм. НИКИТИН Евтихий Павлович Дчк. БЕЛОУСОВ Ананий Гаврилович [15]
1832 с окт.	ЛОБОДОВСКИЙ Яков Дмитриевич [15]	Пнм. НИКИТИН Евтихий Павлович Дчк. БЕЛОУСОВ Ананий Гаврилович [15]
1833	ПРАВЕДНИКОВ Косма – заштатный [15]	Пнм. НИКИТИН Евтихий Павлович Дчк. БЕЛОУСОВ Ананий Гаврилович [15]
1834-1842	ИВАНОВ Иван Иванович [15]	Пнм. НИКИТИН Евтихий Павлович Дчк. БЕЛОУСОВ Ананий Гаврилович [15]
1845-1865	?	?
1866-1884	АРХАНГЕЛЬСКИЙ Иоанн [16,17,23]	Дчк. ЯКОВЛЕВСКИЙ Фёдор Савин Пнм. ПОПОВ Пётр [16,17,23]
1885	СЕРГИЕВСКИЙ Дмитрий [23]	Дчк. ЯКОВЛЕВСКИЙ Фёдор Савин Пнм. ПОПОВ Пётр [23]
1886-1887	?	Псмщ. ЯКОВЛЕВСКИЙ Фёдор Савин [23]
1888-1890	ФЁДОРОВ Григорий [19]	Псмщ. ЯКОВЛЕВСКИЙ Фёдор Савин [19,20]
1891-1906	ЕРШОВ Фёдор Иванович [21,22,26]	Псмщ. ЯКОВЛЕВСКИЙ Фёдор Савин [20-22,26]
1906-1907	ЕРШОВ Фёдор Иванович ЧИЖОВ Вячеслав с сент. 1907 г. [24,25]	И.д. псмщ. ЯКОВЛЕВСКИЙ Николай Фёдорович с мая 1906г. Псмщ. КАЛИНИН Иван [24,25]
1908-1912	ЧИЖОВ Вячеслав [26]	псмщ. ЯКОВЛЕВСКИЙ Николай Фёдорович [26]
1913-1914	ПОПОВ Дмитрий Яковлевич [34]	псмщ. ЯКОВЛЕВСКИЙ Николай Фёдорович [26]
1915-1922	ПОПОВ Дмитрий Яковлевич [36]	?
1923-1935	ПОПОВ Дмитрий Яковлевич (?)	?
1935 г.	церковь закрыта	
1943	возобновление богослужений [40]	РУДНЕВ Рафаил [40]
1946-1951	СИДЕЛЬЦЕВ Валентин [39]	РУДНЕВ Рафаил [39]
1953-1977	РУДНЕВ Рафаил (Яков Григорьевич) [40]	?
1977-80	ТОКМАКОВ Анатолий [40]	?
С 20 марта 1998 – октябрь 2016	КОВАЛЕВСКИЙ Борис Викторович (Приложение 4)	
с 9 декабря 2016	Епископ Вениамин	

	(КОРОЛЁВ Виктор Анатольевич) Клирики: игумен ТАШКИНОВ Иннокентий, иерей НИКОЛЮК Александр (Приложение 4)	
--	---	--

Источники и литература

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 18800. Л. 68.
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 140. Л. 19 об.
3. ГАКО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 17.
4. ГАКО. Ф. 68. Оп. 3. Д. 67.
5. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 241. Л. 129.
6. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 397. Л. 172.
7. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 333. Л. 40–42.
8. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 397. Л. 171–174.
9. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 411. Л. 87–93.
10. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 698, 741. Л. 21–40.
11. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 920. Л. 63–82.
12. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 931. Л. 274–281.
13. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 1062. Л. 41–63.
14. ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 117.
15. ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 2297.
16. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 89.
17. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 105.
18. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 128.
19. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 137.
20. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 139.
21. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 144.
22. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 148.
23. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 768.
24. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 769.
25. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 770.
26. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 771.
27. ГАКО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 3589.
28. ГАКО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 3590.
29. ГАКО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 3591.
30. ГАКО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 3592.
31. ГАКО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 3593.
32. ГАКО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 3594.
33. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 378.

34. ГАКО. Ф. Р-1287. Оп. 1. Д. 32. Л. 74.
35. ГАКО. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 103. Л. 95.
36. ГАКО. Ф. Р-1813. Оп. 2. Д. 25. Л. 4.
37. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Д. 1. Л. 7об.
38. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 2. Д. 8. Л. 146,153.
39. Курский епархиальный архив (далее – КЕА). №133. 1946–1980 гг. (документы и фото).
40. КЕА. Д. № 619. Руднев Я.Г. (Рафаил).
41. Алфавитный указатель населенных мест Курской губернии // Памятная книжка Курской губернии / Сост. Т.И. Вержбицкий. – Курск, 1892. – С. 15.
42. Алфавитный указатель населённых мест Курской губернии // Курский сборник – В.В. – Курск, 1907. – С. 22.
43. Епархиальные известия // Курские епархиальные ведомости. – Курск, 1905. – №33. – ч. оф., С. 347.
44. Ивановская десятина: Материалы для истории церквей Рыльской десятины 1628–1744 гг. // Курские епархиальные ведомости. – 1908. - № 17. – С. 40.
45. Материалы для истории церквей Рыльской десятины: 1628–1744 гг. // Курские епархиальные ведомости. – 1908. – №5. – С. 84–85.
46. Распределение помещичьих имений по волостям временно обязанных крестьян Труды Курского губернского статистического комитета. – Курск, 1863. – В.1. – С. 154.
47. Сведения о помещичьих имениях. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Курская губерния // Приложение к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах. – Спб.,1860. – Т.1. С. 24–25.
48. Справочная книга о церквях, приходах и причтах Курской епархии за 1908 год. – Курск, 1909. – С. 102–103.
49. Топографическая карта Курской губернии 1860-е гг. – Спб., 1860-е гг.
50. Технический паспорт на церковные объекты по адресу: Курская область, Львовский район, село Дурово-Бобрик. – Курск: ФГУП «Ростехинвентаризация», 2009.

А. В. ЦЫГАНОК

СОСТОЯНИЕ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА И ЕГО ОХРАНА ОТ САМОВОЛЬНЫХ ПОРУБОК НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1991 - 1999 гг.

Лес... Нет на нашей планете природных богатств, которые могли бы с ним сравниться! С незапамятных времен лес поставлял человеку все необходимое для жизни - древесину для строительства жилья и топлива, дичь и другие разнообразные продукты, все необходимое для приготовления целебных снадобий, здесь добывали шкуры зверей для изготовления одежды и обуви, кора использовалась для выделки шкур и получения красителей. Эта своеобразная зеленая кладовая казалась неисчерпаемой, и на протяжении тысячелетий развития человечества лесные ресурсы использовались крайне расточительно. Леса гибли от огня и топора, площадь их неуклонно сокращалась. Как писал Ф.Энгельс: «Человека встречали леса, а провожали пустыни» [5].

Лесов и насаждений в Курской области в начале 1990-х гг. было мало, но их экологическое значение огромно. Рубки лесных насаждений в этот период времени приобрели катастрофические размеры. Непомерное подорожание и дефицит угля способствовало тому, что в сельской местности жители перешли на самодеятельное обеспечение топливом. Раньше, когда уголь продавался населению по низким ценам и в полной потребности, самовольные порубки леса были довольно редкими и угрозы лесному хозяйству не представляли. В 1992 г. самовольные порубки увеличились в сравнении с 1991 г. на 31% и составили 2900 куб. м, но процент оправдания самовольных порубок вырос с 10,9% в 1991 г. до 44,7% в 1992 г.

В результате снижения требовательности органов лесного хозяйства в 1992 г. в лесах Российской Федерации заметно возросли нарушения лесного законодательства, не до конца обеспечивалось проведение эффективного контроля за состоянием, использованием, воспроизводством, охраной и защитой лесов. Оказался ослабленным также контроль за исполнительской и технологической дисциплиной работниками государственной лесной охраны, специалистами управлений лесным хозяйством, лесхозов. В своей работе они смирились с повторявшимися нарушениями в использовании, восстановлении, охране и защите лесов, не предъявляли полной требовательности ко всем лесопользователям и прочим лесовладельцам по неукоснительному соблюдению лесного законодательства РФ, не добывались получения достоверной информации о лесонарушениях. Например, по сравнению с 1991 г. объем незаконных порубок леса увеличился в 1,3 раза, возросло количество брошенной древесины в местах заготовки, площади неочищенных лесосек достигли 292 тыс. га [1, л. 40].

В январе 1993 г. Правительство Российской Федерации постановлением от 17 ноября 1992 г. № 879 утвердило «Государственную комплексную программу повышения плодородия почв России» в которой большое внимание было уделено защитным лесным насаждениям. В целях получения максимального эффекта от защитного лесоразведения в 1993 - 1995 гг. по Курской области программой предусматривалось... «провести единовременную инвентаризацию защитных лесонасаждений, созданных на землях с/хозяйственных предприятий и организаций» [2, л. 6].

Объем самовольных порубок в 1995 г. по Курской области оставался высоким - 2024 куб.м (на 604 куб.м меньше, чем в 1994 г.), при 32,7% оправдания. Например, как отмечала «Курская правда», вырубki деревьев приобретают «...массовый характер. Скажем, в д. Новоивановка Рыльского района все громче стучат топоры в старом саду. Да что там сельская местность! В самом г. Рыльске многие, не стесняясь, уничтожают даже роскошные деревья... Топливо нынче дорого, а замерзать зимой никому не хочется...» [11].

В такой ситуации в начале 1990-х гг. усиливается политика охраны лесных массивов России. В 1993 г. организуется государственный контроль за состоянием, использованием, воспроизводством, охраной и защитой лесов функции которого были возложены на должностных лиц, состоявших на службе в государственной лесной охране. В данную структуру были включены управления и отделы организации службы государственной лесной охраны, должностные лица государственных органов управления лесным хозяйством, службы наземного и аэрокосмического наблюдения, радиационной экологии леса, подразделения ГО «Леспроект», ГО «Авиалесохрана», Росгипролес, лесосеменные станции [1, л. 40]. Это с одной стороны, а с другой – сами лесхозы иногда были не в силах справиться с возложенными на них задачами. Например, директор Дмитриевского лесхоза Романов В.Н. сообщал в феврале 1994 г. начальнику курского управления лесами Бурганову И.М., что в связи с тяжелым финансовым состоянием лесхоза – отсутствием средств... «Дмитриевский лесхоз не справляется с планами, как по заготовке ликвидной древесины на, так и ее охране от порубок» [3, л. 1].

В Золотухинском мехлесхозе, в состав которого входили лесфонды 3 районов, решили провести ревизию: узнать, сколько и чего сгублено, какой примерно нанесен ущерб за весну 1997 г. Результаты оказались неутешительные. Только в золотухинских лесах «...спилено 39 кубометров древесины. Вроде бы не так уж и много, но цифры растут, образно говоря, словно грибы после дождя. По сравнению с прошлым годом прирост составил 16 кубометров. Акты же составлены на 30 кубометров – порубщики установлены» [8]. А в Пристенском районе под видом «санитарной чистки» работниками Солнцевского лесничества во главе с лесничим Пристенского участка А. Найденковым была вырублена роща

вековых сосен возле поселка Кировский. Под видом «чистки» проводилась заготовка деловой древесины для продажи [10].

Лес, как отмечала газета «Земля и дело», является «...естественной защитой для обитания зверей и птиц, и при его уничтожении дикие животные покидают уютные для существования места. Жители с. Никитское Черемисиновского района практически вырубili насаждения балки, примыкающей к пруду и саду хозяйства им. Ленина. За это некоторые из них, такие как Овсянников В.В., Ермаков В.Н., Кузнецов Н.А., Ермаков В.И., Филиппов Ю.И., Абрамов З.В., оштрафованы. В с. Нижнеольховатное оштрафованы Котов В.Н., Родина М.В. и др. Кто думает занести топор для самовольной порубки, должен хорошо осознать, что выгоднее купить дрова на законных основаниях, чем платить миллионные штрафы. Согласно лесному кодексу РФ ст. 24 «Право пользования участками, не входящими в лесной фонд, возникает на основании лесорубочного билета». Лесорубочный билет выдает только лесхоз. И все же необходимо правильно организовать снабжение населения дровами, чтобы спасти лесонасаждения от варварской рубки. Ведь она может привести к уничтожению, в первую очередь, стройных и здоровых деревьев. В лесхозе же заготавливают дрова в результате санитарных рубок, рубок прореживания и осветления» [7].

Для того, чтобы рассчитаться с долгами по зарплате, - сообщала своим читателям льговская районная газета «Курьер», - руководители агрофирмы им. Ленина организовали «..рубку деревьев в принадлежащем хозяйству сосновом бору. Причем сплошным способом. Аппетит, как говорится, приходит во время еды. По предварительным подсчетам, которые произвел член комиссии Льговского мехлесхоза В.И. Жданов, в бору было заготовлено около 300 кубометров древесины. После вмешательства властей рубка леса была прекращена. Но кто знает, а не объявятся ли самозванные заготовители древесины в других льговских урочищах?» [9].

В 1999 г. совместно с работниками лесного хозяйства были проверены факты вырубki деревьев в Учхозе СХА г. Курска, в урочище Крутой лог, при расчистке электролиний Центральными электросетями в урочище Солянка и другие. По заявлениям граждан были проверены факты вырубki деревьев около водоема в с. Волобуево Тимского района, на Майском бульваре в г. Курске, в защитных лесных насаждениях на землях железнодорожного транспорта [6, с. 102]. В кризисной ситуации население «...самостоятельно начало себя обеспечивать дровишками. Бабушки и дедушки собирают хворост, более работоспособные валят деревья» [4].

Подводя итог отметим, что похожая картина наблюдалась на протяжении 1991 - 1999 гг. на территории большинства лесных хозяйств Курской области и объяснялась как политической нестабильность в области самого лесного законодательства на уровне Российской Федерации, а значит – и на местах, так и в финансовой политике – скудное финансирование не позволяло наладить необходимую работу по защите

леса от самовольных порубок. Лишь в дальнейшем ситуация по охране лесных насаждений будет исправлена в положительную сторону.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-4806. Оп. 1. Д. 143б.
2. ГАКО. Ф. Р-5326. Оп. 1. Д. 2456.
3. ГАКО. Ф. Р-5326. Оп. 1. Д. 2524.
4. Блинков А. Лесоповал в степи // Курский вестник. – 1999. – 12 января.
5. Выводцев В. Зеленый щит земли: к 200-летию учреждения лесного департамента России // Курская правда. – 1997. – 16 мая.
6. Доклад о состоянии окружающей среды Курской области в 1999 году. – Курск, 2000. – 180 с.
7. Дремов Н. Исчезают леса (Еще пять лет – и земля облысеет) // Земля и дело. – 1998. – 12 - 18 августа.
8. Зиборов И. Лес... на инвентаризации // Курская правда. – 1997. – 2 июля.
9. Зиборов И. ...И попал бор под топор // Курская правда. – 1998. – 15 апреля.
10. Савенков В. «Санитарный» вандализм // Курская правда. – 1997. – 21 марта.
11. Чемодуров М. Стучат в роще топоры // Курская правда. – 1995. – 11 ноября.

О.А. ЧЕРНИКОВ

ЗЕМСТВО И КООПЕРАЦИЯ

В отечественной истории получилось так, что проникновение кооперативных идей в Россию и создание земских органов самоуправления происходило в основном в одно и то же время. И с самого начала земства и кооперация оказались тесно взаимосвязаны. В первую очередь данное относилось к кредитной кооперации.

Особая роль и влияние земств в этой сфере отмечалась уже в работах дореволюционных авторов, которые одновременно являлись и историками, и теоретиками, и практиками кооперативного строительства, а зачастую еще и земскими деятелями. Это, например, П. А. Соколовский, М. А. Хейсин, А. Е. Кулыжный и многие другие.

Роль земств подчеркивалась и в исследованиях, проводившихся в советский период, и в последующий российский отрезок отечественной истории.

В своей работе мы хотим обратиться к рассмотрению деятельности земских органов Курской губернии в сфере кооперативного мелкого кредита.

Земские органы самоуправления в России возникли на основании принятого 1 января 1864 г. «Положения о губернских и уездных земских учреждениях». Они имели очень широкий спектр деятельности. В их компетенции находились и некоторые вопросы, связанные с экономическим развитием подведомственных территорий. Вскоре после создания перед членами земств встал вопрос о крестьянском землевладении. Его земские деятели хотели решить с помощью покупки крестьянами земель, улучшения ее свойств, усовершенствования хозяйственной деятельности, организации переселения, т.е. предпринималась попытка ликвидации аграрной проблемы, не затрагивая помещичьих земель. Необходимо было также оградить крестьян от ростовщиков, воспрепятствовать разорению деревни. Но где же крестьянам взять средства? Тогда возникает идея создания земских и сельскохозяйственных банков, обществ взаимного кредита, волостных касс и банков. Но на их осуществление у земств не было необходимых средств. Именно здесь и встал на повестку дня вопрос о кооперативном мелком кредите.

Первые кооперативные учреждения мелкого кредита в России были созданы в 60-годы XIX в. Ими были ссудо-сберегательные товарищества, которые возникли по инициативе помещиков, побывавших в Германии и познакомившихся там с деятельностью подобных кооперативов, действовавших в основном в городах. Так 1864 г. костромской помещик С. Ф. Ветлугин составил устав ссудо-сберегательного товарищества для крестьян с. Рождественка Ветлужского уезда, который был утвержден властями 22 октября 1865 г. Примерно в то же время был утвержден устав Феллинской ссудо-сберегательной кассы в Лифляндской губернии. По просьбам учредителей Комитет министров Положением от 21 марта 1869 г. утвердил образцовые статуты двух разновидностей таких кооперативов. Первый, в основу которого был положен устав Рождественского товарищества, стал типовым уставом для кредитных кооперативов, а второй – для ссудо-сберегательных касс [20, с. 95–96].

С 1865 по 1870 гг. в России было создано 15 кредитных кооперативов. Подлинное оживление начинается с 1871 г. когда по инициативе ряда земских деятелей (А. В. Яковлева, В. Ф. Лугинина, Д. Ф. Самарина, Е. В. де Роберти и др.) при Московском обществе сельского хозяйства был создан особый комитет о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, а затем и его Петербургское отделение. Главной целью комитета являлась популяризация идей кредитной кооперации, содействие ее развитию в России.

Именно под влиянием деятельности данного комитета и пробуждается интерес у земств к кооперации. Тем более все это совпало с поиском финансовых средств для решения крестьянского землевладения.

Возникновение первых обществ мелкого кредита в Курской губернии так же происходит в 70-е гг. XIX в. В 1873 г. Курское губернское земство впервые на серьезном уровне обратилось к данному вопросу. Очередному губернскому земскому собранию был представлен доклад губернской управы о ссудо-сберегательных товариществах и предложение гласного А.И. Рошток о необходимости учреждения таких товариществ. Обсудив доклад собрание приняло постановление, в котором уполномочило губернскую управу выдавать из страхового капитала каждому открывающемуся обществу не более 1000 руб. на 10 лет из расчета 5% годовых при соблюдении ряда условий. Так предусматривалось: 1) на все товарищества в первый год можно выдать не более 15000 руб.; 2) правление и совет товарищества по своему составу должны быть достаточно грамотны и способны к ведению дел; 3) кооперативы получающие земские субсидии обязаны подчиняться контролю губернских и уездных управ. Для организации контроля уездные управы должны были найти специального человека «из лиц, стоящих близко к обществу» и имеющего возможность постоянно следить за его деятельностью. Этим же постановлением собрание поручило губернской управе ходатайствовать у правительства утверждения представленных и просмотренных ею уставов товариществ с тем, чтобы управа в дальнейшем приняла к руководству один из утвержденных уставов. Для доведения до населения сведений о кооперативных учреждениях было решено просить уездные управы разослать во все волости, а также сельским учителям брошюру А. В. Яковлева «Сельские ссудо-сберегательные товарищества». Так же предлагалось знакомить с устройством и ведением дел в кооперативах учеников последнего курса учительской школы. Особо же собрание отметило, что земство может только оказывать содействие ссудо-сберегательным товариществам. Но не организовывать их [21, с. 202–203].

Уездные земские управы в целом поддержали идею создания обществ мелкого кредита, но их обращения к крестьянам оказались неэффективными. Так волостные правления Льговского уезда, кроме одного, донесли, что ни один из волостных сходов не изъявил согласие на организацию кооператива. Кроме того, волостные правления указывали на отсутствие на местах достаточно грамотных и способных к ведению дел людей [21, с. 203].

Ряд же уездных земств, на словах поддержав идею создания ссудо-сберегательных товариществ, попытались уклониться от активной работы и от ответственности за их деятельность. Например, Льговская управа высказала свое мнение, что было бы полезно открыть хотя бы одно товарищество в уезде, если найдется волость, где имеются способные люди, но при этом предложила снять с себя ответственность за рекомендацию «способных для ведения дел в товариществе лиц» [21, с. 204].

В 1874 г. губернское собрание вновь обратилось к вопросу о ссудо-сберегательных товариществах. Оно решило дополнить свое предыдущее

постановление ответственностью товариществ за несвоевременную уплату процентов на выданные ссуды. Так в случае неуплаты в течении первого срока насчитывалась пеня в размере 6 % годовых, а при неуплате за два срока выданный в ссуду капитал подлежал изъятию с установленными процентами. Отсрочка могла быть сделано только губернским земским собранием по просьбе самих товариществ [3, с. 28].

На практике же, не встретив быстрой поддержки на местах губернское земство стало быстро терять интерес к ссудо-сберегательным товариществам. И первой прекратило оказывать поддержку губернская управа. Уже в 1876 г., т.е. спустя всего три года после своего же предложения о создании обществ, сообщая губернскому собранию просьбу одного из товариществ, получившего ранее из сумм земства кредит в 500 руб., управа, ссылаясь на уменьшение страхового капитала. Предложила собранию отказать товариществу и это при том, что постановлением собрания 1873 г. первоначальный займ определялся в размере 1000 руб. Кроме того было высказано мнение, что процветание обществ зависит от умения вести дела их членами, а поскольку среди крестьян способных для этого людей нет, то и нет надежды на успешное развитие кооперативов. Тем не менее собрание постановило не отступать от принятого ранее решения и выдать запрашиваемые обществом деньги [21, с. 205–206].

В дальнейшем активность Курского губернского земства в сфере кооперативного строительства продолжала снижаться. Фактически вся работа свелась к выдаче ссуд вновь открывавшимся товариществам. Но все же деятельность земства принесла некоторые плоды. Так при его поддержке к 1892 г. существовало пять ссудо-сберегательных товариществ. Из них успешно функционировало только одно – Суджанское [4, с. 447–450].

Сами же земцы были разочарованны деятельностью кооперативов, их малой численностью и небольшим охватом населения. В докладе губернской земской управы очередному 29 Курскому губернскому земскому собранию 1893 г. «О состоянии в Курской губернии ссудо-сберегательных товариществ» отмечалось: «... помощь, которую оказывало до настоящего времени губернское земство вновь открывающимся ссудо-сберегательным товариществам, делая ссуды из страхового капитала, как показал десятилетний опыт, товариществам не достигает цели – товарищества не развиваются, а наоборот, приходят в упадок; краткосрочные ссуды фактически обратились в долгосрочные и возвращение их с каждым годом становится все более и более затруднительным ...». В целом доклад завершался следующим предложением: «... покончить с ссудо-сберегательными товариществами все счета по ныне существующим займам и дальнейших ссуд из страхового капитала им не производить» [4, с. 449–450].

Реально же ситуация другой быть и не могла. Отсутствовали условия для нормального развития товариществ. Кооперативы нуждались в поддержке на местах, а ее не было. Исключением являлось только

Суджанское земство. С его помощью во многом и был связан успех деятельности товарищества в г. Судже.

Несколько позже земство предприняло попытку более четкого осмысления причин своих неудач, в том числе и с учетом общероссийского опыта. В докладе губернской управы «Об организации мелкого кредита» 38 очередному Курскому губернскому земскому собранию 1902 г. были названы следующие причины: «1) отсутствие на местах людей, которые могли бы вполне толково и честно вести дело; 2) отсутствие контроля за деятельностью товариществ; 3) затруднения при взыскании долгов с неисправных заемщиков; 4) отсутствие средств необходимых для ведения операций» [8, с. 861].

К середине же 90-х гг. Курское губернское земство фактически перестало интересоваться ссудо-сберегательными товариществами и прервало все связи с ними.

Но именно в это время начинается новый этап в развитии отечественной кредитной кооперации. И вновь он был связан с активной деятельностью земств, которые сделали ставку на иной вид учреждений мелкого кредита – кредитные товарищества.

Кредитные товарищества в России стали появляться в конце XIX в. Первое из них Лохвицкое кредитное товарищество Полтавской губернии начало свои операции в 1897 г.

Создание кредитных товариществ происходило на основании изданного 1 июня 1895 г. «Положения об учреждениях мелкого кредита». Главные отличия данных кооперативов от ссудо-сберегательных товариществ состояли в отсутствии паев и обязательном производительном назначении ссуд. Основной капитал обществ должен был образовываться из ссуд Государственного банка. Этим предпринималась попытка привлечения к участию в деятельности «малодостаточных лиц».

В этот период участие земских органов в деле организации мелкого кредита было сильно ограничено правительством. Согласно Положения 1895 г. оказание помощи земствами кредитным учреждениям не предусматривалось, а законом от 27 апреля 1896 г. «О ликвидации участия земских учреждений в кредитных установлениях» был положен конец всем проявлениям участия земств в организации кредита. Тем не менее вопрос о мелком кредите продолжал оставаться на повестке дня земских органов самоуправления.

Курское земство вновь обратилось к данному вопросу в 1899 г. Впервые это произошло на майской сессии экономического совета Курского губернского земства. Совет решил перенести обсуждение на уровень уездов. 23 сентября 1899 г. губернская управа разослала доклад экономического отдела губернского земства о мелком кредите для обсуждения уездными земствами. Большинство из них признало, что мелкий кредит необходим. Отмечалась так же сложность проблемы, ее

недостаточная изученность и необходимость дальнейшей разработки [5, с. 671–673].

Сразу же встал вопрос о характере участия земства в организации кооперативов, в их работе, в оказании необходимой помощи, в контроле за ними. Так губернская управа считала, что активную роль в устройстве учреждений должны играть уездные земства, а губернское земство должно оказывать влияние лишь косвенным путем (издание брошюр, публикация сведений о ходе деятельности товариществ и т.д.) [5, с. 674].

Экономический совет считал так же возможной и финансовую поддержку губернским земством уездных с помощью выделения ссуд, предназначенных на взносы в основной капитал возникающих товариществ [5, 542]. В итоге очередное губернское земское собрание в декабре 1899 г. согласилось с постановлением ноябрьской сессии экономического совета, предложившей осуществить более детальную разработку вопроса о мелком кредите и о содействии земских учреждений возникающим товариществам.

Не откладывая в «долгий ящик» сложившуюся ситуацию губернская управа озвучила складывающуюся ситуацию перед экстренным губернским собранием 1900 г. в виде доклада «По ходатайству Суджанского земского собрания об учреждении кредитных товариществ и об открытии Суджанскому земству необходимого на сей предмет кредита». Но перегруженное огромной повесткой дня губернское собрание без обсуждения передало доклад на предварительное рассмотрение экономического совета [19, с. 5, 103–106].

В итоге будущее местного мелкого кредита оказалась в руках экономического совета Курского губернского земства. И здесь судьба оказалась очень благосклонной к местной кооперации, так как подготовка соответствующий материалов была поручена помощнику губернского агронома А.Е. Кулыжному, в дальнем одном из крупнейших теоретиков и практиков отечественного кооперативного движения.

Именно А.Е. Кулыжный 2 сентября 1900 г. на заседании экономического совета Курского губернского земства выступил с докладом «О мелком кредите» по итогам которого, было принято следующее постановление:

«1) Напечатать доклад А.Е. Кулыжного и разослать его в уездные управы ко времени созыва очередных земских собраний.

2) В целях развития мелких кредитных учреждений в губернии рекомендовать уездным управам из всех форм мелкого кредита кредитные товарищества, как учреждения, наиболее полезные для населения, как для сельских хозяев, так и для кустарей ремесленников.

3)

4) В целях содействия учреждению кредитных товариществ просить губернскую управу напечатать 1000 экземпляров нормального устава (образца №1) кредитных товариществ и разослать корреспондентам

статистического отдела губернской управы, желавшим ознакомиться с уставом, а также учителям земских школ и уездным управам. ...

5) Рекомендовать уездным управам: а) в целях приобретения прав попечителей кредитных товариществ принимать в них участие вкладами в основной капитал в размере не менее 500 р., каковыми уездные управы могут воспользоваться из сумм страхового капитала губернского земства из 4%, о чем последует предложение экономического совета очередному губернскому земскому собранию; б) для образования оборотного капитала товариществ – рекомендовать уездным управам воспользоваться страховым или эмеритальным капиталом губернского земства, предварительно разъяснив уездным собраниям разницу процентов, взимаемых за пользование капиталом министерства финансов и губернским земством.

6) Просить от имени экономического совета губернское земское собрание возбудить вопрос перед министерством финансов о бесплатной почтовой пересылке корреспонденции кредитных товариществ при сношении с местными и столичными учреждениями государственного банка.

7) Рекомендовать уездным управам при учреждении кредитных товариществ оказывать свое содействие в организации бухгалтерии, для чего просить государственный банк и его Курское отделение прислать образцы книг по счетоводству кредитных товариществ» [18, с. 4–5].

Мнения уездных земств разделились. Сложились три точки зрения. К первой относились те земства, которые полностью согласились с экономическим советом и выступали за активное участие в организации мелкого кредита (Белгородское, Корочанское, Львовское, Путивльское, Старооскольское, Суджанское, Фатежское, Щигровское). Вторая группа – земства, согласившиеся с мнением экономического совета, но не указавшие своего участия в организации кооперативов (Дмитриевское, Курское, Новооскольское). Третья же группа — это земства, стоявшие на своих, не схожих ни с кем позициях (Грайворонское, Обоянское, Рыльское, Тимское) [1, с. 48–53].

Опираясь на полученные из уездов сведения экономический совет подготовил доклад 36 очередному губернскому земскому собранию 1900 г. в котором подвел итог своей совместной деятельности с губернской управой за последние два года. Особо была подчеркнута потребность населения в мелком кредите считая его «... одним из средств воспомоществования кустарным промыслам...». Отмечалось, что с помощью уездных земств был выбран «лучший тип учреждений» кредитные товарищества, а также то, что многие земства поставили вопросы о необходимости наличия «интеллигентных» руководителей и проведении ознакомления населения с уставами товариществ [6, с. 295–296].

Экономическим советом было подготовлено и постановление, которое утвердило губернское собрание. В нем, в частности, рекомендовались из всех форм мелкого кредита именно кредитные

товарищества «как учреждения наиболее полезные для населения, как для сельских хозяев, так и для кустарей и ремесленников» [6, с. 296]. Губернское земство открывало кредит из страхового капитала уездным собраниям, для взносов в основной и оборотный капиталы вновь создаваемых товариществ при наличии гарантий уездных земств. Все просьбы о выделении необходимых средств от Белгородского, Корочанского, Львовского, Суджанского, Фатежского и Щигровского земств были удовлетворены. Уездным управам рекомендовалось усилить надзор за существующими на их территории товариществами и оказать им содействие в организации бухгалтерского учета.

Таким образом губернское земство взяло курс на оказание необходимой и разнообразной поддержки кредитным товариществам.

Но сразу же возникли трудности. Курский губернатор своим решением приостановил постановление об открытии кредитов из страхового капитала основываясь на том, что «... земское собрание разрешая удовлетворение ходатайств уездных земств на позаимствование просимых сумм из страхового капитала, обязано было определить, как условия позаимствования, так и срок возврата ссуд» [7, с. 767]. Губернатор передал этот вопрос для рассмотрения в губернское по земским и городским делам присутствие. Последнее рассмотрев его признало постановление земского собрания правильным. Губернатор на этом не остановился и отправил это решение на утверждение министру внутренних дел.

Принятие решения стало затягиваться и в данной ситуации губернская управа, не дожидаясь ответа, предложила 37 очередному губернскому земскому собранию напрямую попросить разрешение у Министерства внутренних дел на открытие долгосрочного кредита уездным земствам на образование оборотного капитала товариществ. Предполагалось создать фонд в 50000 руб. и из этой суммы выдавать ссуды размером не более 500 руб. на каждое товарищество сроком на 15 лет с равномерным ежегодным погашением. Так же предполагалось данную сумму выдавать при условии выплаты 4 % годовых и при наличии гарантий уездных земств [7, с. 768].

Прошение было отправлено и как свидетельствует доклад управы губернскому собранию 1902 г. Министерство внутренних дел разрешило подобное кредитование [8, с. 869].

В 1902 г. губернское земское собрание одобрило предложение управы дополнительно к 500 руб., выдаваемым для внесения в основной капитал, предоставлять ссуды размером до 10 руб. в среднем на каждого члена товарищества под гарантии уездных земств для пополнения оборотного капитала сроком на один год [8, с. 869]. Так же вследствие настоятельных просьб уездных управ был поставлен вопрос об учреждении должности инспектора кредитных товариществ, которые занимались бы контролем за деятельностью обществ, были бы популяризаторами кооперации. Но собрание оставило это вопрос открытым [8, с. 57].

Губернское земство все же не ограничивалось лишь финансовой поддержкой возникающих обществ. Активно велась пропаганда кооперативных идей, осуществлялось оказание организационной помощи. В 1903 г. возникает Суджанский союз кредитных товариществ, в который вошли общества Суджанского и Рыльского уездов. Попечителем над ним было назначено местное земство [9, с. 903–904].

В декабре 1904 г. губернская земская управа, по поручению 39 очередного губернского земского собрания, созвала съезд представителей кредитных товариществ всей губернии [9, с. 48, 235]. Съезд обсудив положение местных кооперативов принял постановление, в котором есть и ответ на следующий вопрос: «Какое содействие (кроме выдачи ссуд) желательно от земства и государственного банка?». Съезд ответил, что он «... за то, чтобы все функции местного управления (кредитными товариществами – О.Ч.) были сосредоточены в руках земских учреждений ...», «... чтобы организация учреждений мелкого кредита и наблюдение за правильной постановкой дела в этих учреждениях были возложены на специальных земских агентов (инструкторов) знакомых с банковским счетоводством» [10, с. 199]. Эту инициативу поддержала и губернская управа, но губернское собрание решило названную должность не учреждать [10, с. 90].

Почему же губернское земство не прислушалось к просьбе съезда? Этому можно дать определенное объяснение. Просто к 1904 г. особой необходимости в этой должности для земства уже не было. Существовали другие органы, контролирующие деятельность товариществ. Это губернские комитеты по делам мелкого кредита, которые были созданы на основании утвержденного 7 июня 1904 г. нового «Положения об учреждении мелкого кредита». Комитеты были межведомственными и в них в обязательном порядке входили представители земств. Комитеты по делам мелкого кредита не только контролировали деятельность обществ, но давали разрешение на их открытие.

Новое Положение расширило роль земств в процессе создания кооперативов. Так согласно § 24 образуемые при содействии земств кредитные и ссудо-сберегательные товарищества могли открываться без разрешения губернских комитетов по делам мелкого кредита [10, с. 712], а согласно § 52 надзор за такими учреждениями и проверка их годовых отчетов так же возлагались на земства [10, с. 717].

Курское губернское земство так же обсуждало этот документ. В основу окончательного решения лег доклад управы, с которым она обращалась к собраниям двух созывов - 1905 и 1906 гг. Очередное губернское земское собрание 1906 г. утвердило этот доклад и приняло постановление, в котором отмечались недостатки Положения и ходатайствовало об изменениях и дополнениях в нормативный документ [11, с. 66]. Земство просило об уменьшении мелочности опеки и о большей самостоятельности кооперативов. Так же собрание ходатайствовало об изменении § 18

Положения. Согласно данного параграфа обязательства по вкладам и займам, сделанным в целях увеличения оборотных средств, не должны были превышать в совокупности более чем в 10 раз основной капитал. На момент рассмотрения документа это являлось ограничением для 5 товариществ губернии. У земства же средства для оказания помощи по увеличению оборотного капитала отсутствовали, а на ссуды государственного банка не было особой надежды. Был ли получен ответ на данное ходатайство не известно.

С 1906 г. перед земством встает вопрос о возврате выданных ссуд, в первую очередь краткосрочных, направленных на пополнение оборотного капитала. Так экономический совет предлагал 41 очередному губернскому собранию «обратить внимание уездных земств на медленное погашение кредитными товариществами ссуд» [11, с. 244].

В 1908 г. управа докладывала, что по кратковременным ссудам задолженность составила на начало года 22,4% [12, с. 722]. Кроме того, возникла сложность с выдачей денег некоторыми уездными управами в связи с их финансовыми затруднениями [13, с. 915–917].

Для решения возникших проблем губернская управа была вынуждена разработать специальную инструкцию по выдаче ссуд кредитным товариществам из сумм Курского губернского земства.

Финансовые проблемы в итоге отодвинули на задних план все остальные вопросы, связанные с организацией мелкого кредита. Например, новые ходатайства из уездов об учреждении должности земских инструкторов и о созыве второго съезда представителей кредитных товариществ были признаны губернской управой не срочными, и, следовательно, они «... могут быть отложены до лучшего времени». Управа считала, что «Гораздо важнее ... упрочить достигнутый уже успех развития учреждений мелкого кредита упорядочив процесс быстрой выдачи ссуд и обеспечив их своевременный возврат. Это – два главнейших основания кредита и настойчивость в требовании строгого соблюдения их послужат только к улучшению бесспорно полезного дела развития кредитных товариществ» [12, с. 726–727].

Экстренное земское собрание 1908 г. постановило не менять сложившийся порядок выдачи ссуд. Было решено установить строгое соблюдение платежей по ссудам и одновременно губернской управе было предложено неисправным заемщикам дальнейший кредит закрывать. Уездным же управам предлагалось в данных случаях входить с представлениями в уездные собрания о внесении просроченных товариществами платежей в уездную раскладку исходя из данных ими поручительств [13, с. 913 - 914].

Но на практике это постановление не сыграло отводимой ему роли. Уже на следующий год губернская управа констатировала увеличение сумм просроченных платежей [13, с. 912].

Губернская управа считала, что для возврата денег нужен строгий контроль со стороны уездных управ. Чтобы подстегнуть их губернским собранием в 1909 г. было принято решение в дальнейшем отказывать в кредите тем уездным земствам, которые в срок не возвратили выданные им ссуды и отказались внести их в свои сметы. Одновременно сметная комиссия предложила собранию увеличить процент, взимаемый по ссудам с кредитных товариществ до 8 %. Член губернской управы М.П. Дмитриев объяснял данное тем, что сами кооперативы взимают до 12%, а губернское земство занимает необходимые деньги под 6-7%, т.е., по его мнению, существует своеобразная благотворительность, которую М.П. Дмитриев считал нежелательной [13, с. 31].

В итоге собрание согласилось с указанными доводами. Но уже на следующий год процент вновь был снижен до 6,5%, т.е. земство решило брать столько же, сколько платило само [14, с. 37]. Названный процент сохранялся и в последующие годы.

Да и целом с 1909 г. серьезных изменений в деятельности губернского земства в сфере оказания помощи кредитным кооперативам не происходило. По-прежнему предоставлялись ссуды, проводилась активная работа по возврату выданных средств. Начинается постепенное снижение просроченных сумм. Это происходило благодаря жесткой политике по отношению к должникам.

В это же период многие кооперативы начинают порывать отношения с губернским земством. Они закончили выплату ссуд, взятых на 15 лет, и уже крепко встали на ноги.

Тем не менее губернское земство полностью не утратило интереса к кредитным кооперативам. Так по инициативе губернской управы 49 очередное Курское губернское собрание 1913 г. приняло решение о созыве в 1914 г. съезда представителей кооперативов Курской губернии [15, с. 38]. В программе съезда особое внимание уделялось кредитной кооперации и связи кооперативов с земством [2, с. 449].

В докладе 50 очередному губернскому собранию 1914 г. управ подвела своеобразный итог деятельности Курского земства в сфере мелкого кредита. Она признала успешным отработанный механизм финансовой помощи. Отмечалось, что выдаваемые ссуды возвращаются полностью и своевременно, кооператива Курской губернии развиваются успешно, растут их обороты, количество членов и выдаваемых ссуд, прибыль. Был сделан вывод, что активная работа товариществ в различных сферах экономической жизни «... предвещает им дальнейшее развитие и хорошую будущность в деле экономического подъема благосостояния населения, почему финансовая поддержка этих юных учреждений со стороны губернского земства является не бесплодной» [16, с. 853].

Если же подвести итог всему изученному, то в деятельности Курского губернского земства по вопросу кооперативного мелкого кредита можно выделить три временных отрезка.

Первый с начала 70-х гг. до начала 90-гг. XIX в., когда велась пропаганда и работа связанная с созданием ссудо-сберегательных товариществ. В это время земством было допущено несколько серьезных ошибок. Так в целом не было уделено достаточного внимания этому вопросу, на местах население не было подготовлено к принятию кооперативных идей, отсутствовали люди способные организовать ведение дел в кооперативах. Фактически отсутствовал контроль за товариществами, ощущалась нехватка средств. Главное же в тот период еще не созрели экономические предпосылки для успешной деятельности кооперативных организаций.

Второй отрезок в деятельности Курского губернского земства по рассматриваемому вопросу – 90-гг. XIX в. Он характеризуется потерей интереса со стороны земства к кредитным кооперативам.

Третий отрезок – начало XX в. Это пик активности курского земства. При этом подобное отмечалось не только здесь, но и по всей России. В этот период под влиянием ряда факторов, таких как благоприятная экономическая конъюнктура, быстрое развитие рыночных отношений. Правительственная поддержка, возросший культурный уровень населения и др. российская кооперация по своим темпам роста вышла на одно из первых мест в мире.

Курское губернное земство, сделавшее ставку на кредитные товарищества произвела правильный выбор. Благодаря тому, что это были безпаявые общества в них получили возможность вступить все желающие. Оказание организационной, финансовой поддержки, да и простое распространение элементарных знаний о деятельности кооперативов так же сыграли свою роль. Примерно с 1910 г. года активность земства постепенно снижается, что объяснялось налаженностью дела мелкого кредита и существованием специальных государственных органов, занимающихся данным вопросом.

Но и в перспективе земство не собиралось терять интерес к своему детищу. В 1915 г. было решено, чтобы губернская управа в свои доклады о мелком кредите включало сведения об операциях и оборотах всех существующих в губернии товариществ, а не только кредитующийся у земства [17, с. 133]. Одновременно строились и другие планы, которым так и не суждено было сбыться.

Источники и литература

1. Доклады Курской губернской земской управы XXXVI очередному губернскому земскому собранию 23 ноября 1900 г. IV. По вопросам экономическим, сельскохозяйственным, продовольствия и текущей статистики. – Курск: Типография Курского губернского земства, 1900. – 192 с.

2. Доклады Курской губернской земской управы XLIX очередному губернскому земскому собранию 7 декабря 1913 г. IV. По экономическим и сельскохозяйственным вопросам (продолжение). – Курск: Типография губернского земства, 1913. – 523 с.

3. Журналы экстренного губернского земского собрания 2 – 4 мая 1874 г. – Курск, Б/и. – 66 с.

4. Журналы заседаний XXIX очередного Курского губернского земского собрания 1893 г. – Курск: Типография губернского земства, 1894. – 885 с.

5. Журналы заседаний XXXV очередного Курского губернского земского собрания со 2-го по 17-е декабря 1899 г. с приложениями. – Курск: Типография Курского губернского земства, 1900. – 1124 с.

6. Журналы заседаний XXXVI очередного Курского губернского земского собрания со 23 ноября по 9 декабря 1900 г. с приложениями. – Курск: Типография Курского губернского земства, 1901. – 1326 с.

7. Журналы заседаний XXXVII очередного Курского губернского земского собрания 1901 г. с приложениями. – Курск: Типография Курского губернского земства, 1902. – 1220 с.

8. Журналы заседаний XXXVIII очередного Курского губернского земского собрания 1902 г. с приложениями. Курск: Типография Курского губернского земства, 1903. – 1286 с.

9. Журналы заседаний XXXIX очередного Курского губернского земского собрания 1903 г. с приложениями. – Курск: Типография Курского губернского земства, 1903. – 1476 с.

10. Журналы заседаний XL очередного Курского губернского земского собрания 1905 г. с приложениями. – Курск: Типография Курского губернского земства, 1905. – 1451 с.

11. Журналы заседаний XLI очередного Курского губернского земского собрания 1906 г. с приложениями. – Курск: Типография Курского губернского земства, 1906. – 1306 с.

12. Журналы заседаний XLII очередного Курского губернского земского собрания 1908 г. с приложениями. – Курск: Типография губернского земства, 1908. – 1393 с.

13. Журналы заседаний XLIV очередного Курского губернского земского собрания с 7 по 20 января 1909 г. с приложениями. – Курск: Типография Курского земства, 1909. – 1650 с.

14. Журналы заседаний XLV очередного Курского губернского земского собрания с 1 по 14 декабря 1909 г. с приложениями. – Курск: Типография Курского земства, 1910. – 1412 с.

15. Журналы заседаний 49 очередного Курского губернского земского собрания. – Курск, Б/и. – 1056 с.

16. Журналы заседаний L очередного Курского губернского земского собрания 1914 г. с приложениями. – Курск: Типография губернского земства, 1915. – 1559 с.

17. Журналы заседаний LI очередного Курского губернского земского собрания 1915/16 гг. с приложениями. – Курск: Типография губернского земства, 1916. – 1601 с.

18. Журналы заседаний экономического совета Курского губернского земства (с 1-го сентября 1900 г. по 3 сентября 1900 г.). – Курск: Типография губернского земства. - 16 с.

19. Журналы заседаний экстренного Курского губернского земского собрания за 3, 4 и 5 июня 1900 г. – Курск: Типография губернского земства, 1900. – 221 с.

20. Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XXв./Отв. ред. В.И.Бовыкин; АН СССР, Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1988. – 259 с.

21. Соколовский П.А. Деятельность земства по устройству ссудо-сберегательных товариществ. – СПб.: Типография В. Киршбаума, 1890. – 351 с.

Ю. В. ЩЕРБАКОВ

КУРСКИЙ КОМСОМОЛ: О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

29 октября 2018 г. исполнилось 100 лет со дня образования Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, самой массовой молодежной организации в нашей стране, воспитавшей не одно поколение советских граждан.

Столетний юбилей комсомола – повод вспомнить о том, как зарождалась эта самостоятельная молодежная организация, ее деятельность на первом этапе существования, как комсомольцы тех лет оценивали то невероятно сложное и противоречивое время, в котором им приходилось действовать, и самих себя.

Прошедший в г. Москве 29 октября – 4 ноября 1918 г. I Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи объединил разрозненные союзы молодежи в общероссийскую организацию с единым центром, работавшим под руководством РКП(б), в Российский Коммунистический Союз Молодежи (РКСМ).

В Курской губернии процесс организации Союзов молодежи имел свои особенности, так как губерния на тот момент являлась сельскохозяйственной и рабочий класс едва превышал 2%.

Уже в марте 1917 г. в г. Курске состоялся первый студенческий съезд, в котором участвовали представители самых различных политических направлений [4, с. 6]. Главным видом деятельности созданной организации – Курской объединенной социал-демократической организации, стала культурно-просветительская деятельность.

Осенью 1917 г. в организации произошел раскол; сторонники большевиков образовали свою городскую организацию во главе со

студентом Николаем Булгаковым [4, с. 7]. Это была группа революционной молодежи при городском комитете большевиков. Среди них были Аркадий и Нина Ломакины, Роман Кривицкий.

В ноябре 1917 г. митинг учащейся молодежи поддержал Октябрьскую революцию и новые органы власти в стране [3, с. 26; 4, с. 6]. Активистами митинга был создан социалистический Союз учащейся молодежи, в которые вошли также и представители других политических направлений. В этой организации шли жаркие споры и диспуты о революции и роли молодежи; в политической борьбе организация не участвовала. В данных условиях группа сторонников большевиков в феврале 1918 г. вышла из Союза и создала новый Союз рабочей молодежи «III Интернационал» (Н. Булгаков, А. Ломакин, Р. Кривицкий) [3, с. 27; 4, с. 6]. Члены организации активно проводили просветительскую работу на курских заводах и фабриках, выпускали воззвания к рабочей молодежи.

Наряду с указанной организацией предпринимались шаги по созданию организации рабочей молодежи в Ямской слободе Курска. В феврале 1918 г. при участии членов партии Ямского райкома (М.Г. Каширцев, В.С. Васин, Е.И. Брянцева) была создана инициативная группа, состоящая из молодых железнодорожников (Александр Мешков, Виктор Звонарев, Андрей Лукьянов, Михаил Гладилин, Виктор Булатников), которая начала организовывать будущую комсомольскую организацию Ямской слободы [4, с. 8]. Напряженная работа привела к желаемым результатам – 16 марта 1918 г. прошло собрание молодежи Ямской слободы [3, с. 28; 4, с. 8], в котором принял участие Лазарь Абрамович Шацкий (в 1921–1922 гг. первый секретарь ЦК РКСМ), один из руководителей Московского Союза молодежи «III Интернационал». На собрании был принят устав организации, ориентированный на Союз молодежи г. Москвы. Здесь же прозвучали призывы развивать классовые интересы у членов организации, поднимать культурно-образовательный уровень и готовить сознательных участников борьбы за освобождение угнетенных капиталом, за социализм и III Интернационал [4, с. 9]. Созданная организация стала фундаментом будущей губернской организации комсомольцев. Через несколько дней – 21 марта 1918 г., по такому же примеру, был образован Союз рабочей молодежи в городском районе Курска (председатель Д. Булгаков) [3, с. 28–29; 4, с. 10]. С первых дней существования Ямской и городской организаций ее руководители повели работу с рабочими предприятий, организовывали митинги и демонстрации, наладили выпуск журнала «Рабочая молодежь».

Весной 1918 г. Союзы молодежи создаются в уездах губернии. Надо отметить, что, едва образовавшись, эти организации быстро редели – молодежь уходила на фронт в Красную Армию [4, с. 10–11].

В августе 1918 г. в Курске прошла I общегородская конференция, обсудившая вопросы укрепления Союзов молодежи, был избран городской комитет в составе А.В. Лукьянова, А.И. Ломакина, Н.А. Магалифа [4, с. 11].

9 октября 1918 г. состоялась II общегородская конференция, обсудившая вопрос подготовки к I-му Всероссийскому съезду рабочей и крестьянской молодежи [3, с. 31; 4, с. 11]. Было принято решение направить делегатов в уезды губернии для агитации образования молодежных ячеек.

23-24 октября 1918 г. состоялась первая губернская конференция рабоче-крестьянской молодежи [3, с. 34–36; 4, с. 11]. На ней присутствовало 14 делегатов, представлявших более 800 членов союзов рабочей и крестьянской молодежи.

На конференции обсуждались вопросы организации деятельности союзов молодежи в губернии, культурно-просветительской и политической работы [3, с. 34]. Конференция направила приветственную телеграмму В.И. Ленину, избрала состав губернского комитета союза молодежи (будущего комсомола), делегатов на Всероссийский съезд: Аркадия Ломакина (выступал на съезде с рассказом о работе с молодежью в Курской губернии), Андрея Лукьянова, Нину Ломакину, Наума Магалифа, Ивана Поливанова [3, с. 34–36].

В ноябре 1918 г. в городах и уездах губернии прошли общие собрания членов союза с делегатами I съезда РКСМ, на которых были избраны новые комитеты, приняты новые документы на основе Устава и Программы Российского Коммунистического Союза Молодежи [3, с. 37–38; 4, с. 12]. В губернии активизировалась работа с несоюзной молодежью, создавались новые комсомольские ячейки, проводились митинги. К марту 1919 г. в губернии было зарегистрировано 31 ячейка и 3016 комсомольцев.

Надо отметить, что из-за того, что Курская губерния являлась ареной боевых действий в период Гражданской войны, многие документы, связанные с историей курского комсомола 1918 и 1919 гг., не сохранилось.

Более подробно историю деятельности комсомола на территории нашего края можно узнать из документов 1920-х гг. и из воспоминаний организаторов и первых комсомольцев губернии, прозвучавших на специальном заседании XIV Курской губернской комсомольской конференции, прошедшей в апреле 1928 г., в преддверии 10-летнего юбилея организации.

По воспоминаниям первых комсомольцев, будущая комсомольская организация нашего края образовывалась из небольших ячеек союзов передовой рабочей и крестьянской молодежи в г. Курске, слободе Ямской, Щиграх, Льговском уезде, которая не считалась ни с чем, чтобы создать мощную боевую организацию, которая должна была стать проводником рабочей массы и первым помощником Коммунистической партии. Как отмечалось, в организацию вливался тот элемент, кто готов был идти по первому зову партии туда, куда это было необходимо [2, л. 21].

Курская губернская комсомольская организация росла, оформлялась, закалялась в работе на всех фронтах, существовавших в то время. В документах подчеркивается, что губернская организация комсомола прошла тяжелый тернистый путь – было много различных сложных

моментов и кризисов, но организация, выражаясь языком тех лет, сплоченными рядами, отражая интересы государства, шла вперед. Шла вперед, борясь с теми, кто подрывал плодотворную социалистическую работу, проводимую партией и союзом молодежи, призывая сплотиться единомышленникам и уйти тем, кто не желает вместе со всеми строить социализм [2, л.21].

По воспоминаниям Булатникова, одного из организаторов комсомола, I губернская конференция будущего комсомола прошла за два дня до губернской конференции коммунистической партии, т. е. без участия партии, которая сама только начала организовываться, и поэтому их никто не приветствовал, они собрались в маленькой комнатке на Пастуховской улице (ныне улица Белинского, д.5), и два дня самостоятельно разбирали свои вопросы [2, л. 29–31]. Между I и II губернскими конференциями прошло 3 месяца, которые вместили ряд событий – из губернии были изгнаны немцы, укрепилась Советская власть, молодежь потянулась в комсомол, но наряду с этим губернское руководство комсомолом ослабило работу, и хорошо, что была крепкая Курская городская организация РКСМ, которая взяла на себя руководство губернским комсомолом [2, л. 30]. На II губернской конференции были рассмотрены отчет о бездействии губернского комитета, доклад ЦК РКСМ, и главное, был избран новый состав губернского комитета РКСМ из 5 человек. Четверо из них принадлежали к Ямской организации. Таким образом, опыт Ямской организации был привнесен в Губернский комсомол [2, л. 31]. С этого времени юношеское движение стало быстро распространяться по губернии. Новые организации появились в Путивле, Короче, Обояни, Фатеже. Ряды комсомольцев быстро пополнялись.

По признанию самих комсомольцев, Курская городская организация росла из политико-просветительских и драматических кружков, и в первоначальный момент она принадлежала интеллигентской молодежи, но под руководством партии была проведена работа по внедрению в сознание членов, что комсомол не должен быть узкой кастой, а должен влиться в широкую рабочую массу заводов и фабрик, которые существовали в Курске [2, л. 26]. И, комсомол осуществил такую работу по организации рабочей молодежи. Как заметил один из выступающих, на XIV конференции, рабочая молодежь – она хоть и некрасиво говорит, зачастую не умеет писать протоколы собраний, но она пропитана политической идеологией борьбы с врагами, добивается своих целей [2, л. 26]. Как один из фактов – комсомольская организация в 1919 г. дала не одну сотню молодых пролетарских стойких бойцов на фронт борьбы с контрреволюцией [2, л. 26; 4, с. 18–21].

Документы свидетельствуют, что уровень организации Союза и дисциплины был очень высок, особенно во время военной опасности, когда войска А.И. Деникина подходили к Курской губернии [3, с. 51–52; 4, с. 17]. Тогда потребовалось мобилизовать не менее 30 % комсомольцев на фронт.

Когда же одна из организаций не подчинилась этому приказу (не перешла на военное положение и не мобилизовала комсомольцев) она была реорганизована, воссоздана заново, и свое летоисчисление стала вести с 1920 г. [2, л.31–32].

Блиставцев, старейший член Курской организации, участник Гражданской войны, вспоминал, как тяжело было организовывать первые производственные ячейки на бывшем Степановском Гайдуковском заводе и Кожевенном заводе «Комета» [2, л. 25]. Трудно было работать, отсутствовали даже бумага и карандаши, чтобы написать протокол, и их приходилось выискивать в конторах. Трудно было и потому, что не могли просто вести протокол собраний, так как сами признавали себя отставшей молодежью, которая не могла ничего получить от старших поколений и необходимо было самостоятельно обучаться и принимать решения.

На конференции отмечалось, что комсомол сумел постоять за дело рабочих и крестьян. Был момент, когда шла борьба рабочих ячеек с городской интеллигенцией, которая пошла против рабочих, хотела захватить руководство Союзом в свои руки, но рабочая молодежь дала отпор [2, л. 26].

В ходе создания Курской городской комсомольской организации отмечаются три этапа:

– первый это период Гражданской войны, когда комсомол с винтовками в руках пошел на защиту города и вместе с Красной Армией освободил Курск от Деникина;

– второй – связан с окончанием Гражданской войны,

– третий это время, когда советское правительство стало вплотную подходить к разрешению хозяйственных вопросов [2, л.22]. За этот период организация выросла количественно, воссоздала городскую организацию вновь, через проведение Красной недели. Это мероприятие вышло за пределы города и захватило уезды. В уезды из Курска поехали делегаты для создания новых организаций. Молодежь откликнулась не сразу, да и к тому же пришедшая молодежь была неокрепшая, но в борьбе в огне Гражданской войны и войны с Польшей (на польский фронт сразу после митинга в г. Курске ушло 75 % комсомольцев) выстояла и окрепла [2, л. 23–24; 3, с. 53–54].

Комсомольцам пришлось участвовать в борьбе с контрреволюцией (Юденичем, Колчаком, Деникиным). Значительное число первых комсомольцев ушло на фронты Гражданской войны [3, с. 44–45, 50–51; 4, с. 18–21]. Посланцы Курского комсомола сражались на всех ее фронтах – от Мурманска до Дальнего Востока и Туркестана. Отмечалось, что не все вернулись с фронтов Гражданской войны (не более 25-30 %) [2, л. 26].

Особый этап в становлении комсомола, отмеченный в документах, когда советская власть приступила к восстановлению советского хозяйства, в котором активное участие приняли и курские комсомольцы. Многие делались на проводимых субботниках, главным образом на Курском

железнодорожном узле, так как наиболее важным в тот период считалось поднять и развить транспорт. Как говорил спустя годы Вобликов, комсомолец с 1918 г., – наша организация с песнями шла на Курский железнодорожный узел и своими руками восстанавливала разрушенное железнодорожное хозяйство [2, л. 24; 3, с. 26].

Но были и те, кто вредил изнутри – разрушали работу путем совершения поджогов и диверсий на транспорте и предприятиях. Для борьбы с ними была создана промышленная милиция, члены которой с винтовками в руках охраняли ночью хозяйство, с трудом восстанавливаемое днем. Их было всего 25–30 человек, но именно им предстояло решать вопросы и хозяйственного строительства, и воспитания молодежи.

Стоит сказать и о воспоминаниях о первых шагах комсомола в деревне. Как отмечали на XIV конференции, создание здесь комсомольских организаций шло через организацию комитетов бедноты, на основе которых родились новые революционные силы в деревне [2, л.27–28]. Организации в деревне возникали в результате культурной работы, правда нередко проходило это под влиянием местной интеллигенции: сына попа или псаломщика, учителя. Ячейки возникали из культурно-просветительских кружков. Эти кружки просто присваивали себе название союза молодежи, но как только дело доходило до политической проверки, они разваливались.

Основными кадрами организаторов комсомола в деревне и первыми ее руководителями становились молодые солдаты, демобилизованные с фронта, которые организовывали вокруг себя батрацкую и бедняцкую молодежь [2, л.28].

На конференции в качестве примера была приведена история образования комсомольской организации в Фатежском уезде [1, л. 31; 2, л. 33–34]. Началось это еще в конце 1917 г. когда молодежь города Фатежа из числа учащихся (так как рабочей молодежи практически не было) решила самостоятельно создать небольшой союз молодежи. Организация образовывалась под знаком культурно-просветительской работы учащихся. В нее втягивались учащиеся и часть молодых служащих: ставились спектакли, организовывались выезды в деревни, где проводилась культурно-просветительская работа с крестьянской молодежью. В одной из волостей создали драматическую секцию и хоровой кружок. В мае 1918 г. произошло объединение в организацию с названием – Союз учащейся и крестьянской молодежи. Был создан комитет организации, состоявший из двух отраслей – организационной и культурно-просветительской. Позднее руководство в организации захватила молодежь, работавшая в лавках и магазинах. Она оказалась не стойкой в политическом отношении. Так, когда в марте 1919 г. из Губкома РКСМ поступила телеграмма о мобилизации комсомольцев на фронт, некоторые комсомольцы заявили о выходе из организации.

В целом же, Союз в своем становлении прошел через полосу кризисов. Преодолевались они благодаря притоку новых здоровых сил молодежи,

когда в проводимые Юношеские дни ячейки пополнялись новыми сотнями сторонников.

Как признавались сами комсомольцы, комсомольские массы того времени учились на обрывках газет и основным учебником была «Азбука коммунизма» Н.И. Бухарина [2, л.28].

Отрадно, что в последние годы просыпается интерес к советскому прошлому, его достижениям и его наследию. Сама молодежь проявляет растущий интерес к истории молодежного движения СССР, к опыту, который можно использовать в наши дни. Ведь история комсомола – это огромный воспитательный потенциал.

Хочется пожелать современной молодежи тех положительных качеств, которые были выработаны комсомолом – энтузиазм, самоотверженность, готовность к подвигу, решимость действий, и широко использовать выработанные формы и методы воспитания подрастающего поколения, успехов во всех добрых делах.

Источники и литература

1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИ КО). Ф. П-68. Оп. 1. Д. 595.
2. ГАОПИ КО. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 992.
3. Из истории Курской областной комсомольской организации. 1918–1970 гг. Сб. документов / Ред. коллегия: В. Е. Шаров (гл. ред.) [и др.]. – Курск : [б. и.], 1972. – 469 с.
4. Манжосов А.Н. Курская губернская организация РКСМ в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918-1920 гг.) // Курский край. – 2008. – № 14 (115). – С. 6–23.

Ю. В. ЩЕРБАКОВ

КУРСКИЙ ПАРТАРХИВ: ИСТОРИЮ ДЕЛАЮТ ЛЮДИ, А ХРАНЯТ АРХИВЫ (К 100-ЛЕТИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ)

Областное казенное учреждение «Государственный архив общественно-политической истории Курской области» (ОКУ «ГАОПИ Курской области») – это уникальное хранилище документов, в которых отражены сложнейшие социально-политические и экономические процессы происходившие в 1917–1991 гг. XX в. через историю партийных и комсомольских органов, действовавших в эти годы, а также функционирующих в настоящее время в Курской области общественных и профсоюзных организаций, региональных отделений политических партий.

Предшественник ОКУ «ГАОПИ Курской области» – отдел по истории Октябрьской революции и Российской Коммунистической партии (большевиков) (сокращенно – истпарт), образованный при Курском губернском комитете РКП(б) в мае 1922 г. для собирания и изучения документов о ходе революционного движения, Октябрьской революции, Российской Коммунистической партии, роли и степени участия в историческом процессе членов партии. С февраля 1926 г. добавилась задача по розыску и сбору документов о работе среди рабочей и крестьянской молодёжи.

В 1934 г. была образована Курская область. Согласно постановлению бюро Курского обкома партии от 28 августа 1935 г. все документы, образованные ранее в результате деятельности партийных и комсомольских органов, а также собранные истпартом, составили партийный архив Курского обкома ВКП(б), являвшийся структурным подразделением обкома [1, л. 101об; 2, л. 1, 2, 8; 3, л. 23].

Пополнение фондов партархива было продолжено под руководством первого его заведующего Антона Ивановича Шутовича, человека высочайшей ответственности и культуры [2, л. 1, 2, 17]. Именно он в тяжелейших условиях вывез в сентябре 1941 г. в г. Уральск Восточно-Казахстанской области достаточно объёмный партархив и во время пребывания в эвакуации сохранил свой бесценный груз. За это А.И. Шутович был награждён орденом Трудового Красного Знамени в 1946 г.

Архив Курского обкома Коммунистической партии занимался комплектованием документами партийных и комсомольских органов и организаций, учебных заведений партии и комсомола, учётом и обеспечением сохранности, экспертизой научной и практической ценности документов, их использованием в интересах государства и граждан [2, л. 8, 16, 17; 3, л. 23].

1991 г. Известные события в стране коренным образом изменили статус Курского партархива. В соответствии с Указом Президента РСФСР от 24 августа 1991 г. «О партийных архивах» партархив входит в структуру государственных архивов и начинает работать в соответствии с законодательными актами и нормативными документами государственной архивной службы в качестве архивохранилища фондов общественных организаций государственного архива Курской области на правах отдела. С этого момента архив относится к системе государственных архивов страны и Курской области [4, д. 461, л. 1].

В соответствии с постановлением Губернатора Курской области от 6 января 1998 г. № 15 [6, д. 482, л. 1; 7, д. 508, л. 1] «в целях обеспечения сохранности архивных документов по истории общественно-политической жизни Курской области, более полного удовлетворения запросов социально-правового характера и предложений различных учреждений по использованию этих архивных документов» архивохранилище фондов

общественных организаций было преобразовано в Центр документации новейшей истории Курской области, который согласно постановлению Губернатора Курской области от 10 июня 2003 г. № 286 переименован в «Государственный архив общественно-политической истории Курской области». В соответствии с распоряжением Администрации Курской области от 31 декабря 2010 г. № 657-па «О правовом положении областных государственных учреждений» создано областное казенное учреждение «Государственный архив общественно-политической истории Курской области» путем изменения типа существующего областного бюджетного учреждения «Государственный архив общественно-политической истории Курской области».

Менялись названия архива, но не менялось содержание работы – комплектование, хранение и использование документов; причём в вопросах комплектования сохранялась социально-политическая направленность. В архив стали поступать документы региональных отделений политических партий, ветеранских, молодёжных, женских общественных организаций.

Наиболее насыщенными и представляющими наибольший интерес для пользователей [5, л. 2–10; 8, с. 9–15; 9, с. 5–9] являются документы фондов:

– Исполкома при Курском губкоме РКП(б), Курского отделения общества старых большевиков, в которых содержатся сведения о революционной деятельности, листовки, газеты и др.;

– губернского, уездных и волостных комитетов РКП(б)–ВКП(б) – имеются циркуляры, инструкции, протоколы общих собраний коммунистов, заседаний женколлегии, отчеты о ходе партийного строительства, о проведении продрозверстки и взимании продналога.

В документах Курского и Льговского окружкомов ВКП(б) хранятся документы по коллективизации, о направлении курян на создание новых отраслей промышленности, о усилении роли партийных ячеек.

В составе фонда Курского обкома КПСС–КП РСФСР содержатся протоколы конференций, пленумов обкома, бюро обкома, собраний партийно-хозяйственного актива; политико-экономические характеристики районов, докладные записки, справки, отражающие роль облпарторганизации в развитии Курской области.

Период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [5, л. 13–16] освещают документы фондов Курского областного, городского и районных комитетов партии. В их составе – документы о создании подпольных партийных и комсомольских организаций, полков народного ополчения, партизанских отрядов и диверсионных групп. Имеются сведения о военном обучении населения, об эвакуации населения и промышленных предприятий в тыловые районы страны, оказании помощи фронту, строительстве железной дороги «Старый Оскол – Ржава», мобилизации средств населения на постройку эскадрильи «Курский партизан» и танковую колонну, восстановлении предприятий.

Уникальным является фонд «Штабы партизанских бригад и отрядов», в документах которого содержатся материалы о деятельности подпольных партийных и комсомольских организаций, о боевых действиях партизанских отрядов, списки партизан по отрядам, воспоминания партизан и подпольщиков о партизанском движении.

Документы послевоенного периода в фондах областного, городских и районных комитетов партии характеризуют роль партийных организаций области [9, с. 7–9] в восстановлении народного хозяйства, разработке и освоении железорудных месторождений Курской магнитной аномалии (КМА), в перестройке управления сельским хозяйством, в установлении интернациональных связей с жителями городов Венгрии, Польши и Югославии.

В фондах учебных заведений партии (Курского рабоче-крестьянского университета, Курской губернской совпартшколы, Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы и др.) отложились списки слушателей, преподавателей, протоколы партийных собраний, учебные программы и планы.

Документы комиссии по изучению и рассмотрению материалов, связанных с реабилитацией членов партии, необоснованно репрессированных в 1930-е – начале 1950 гг., дают представление о характере и масштабах политических репрессий в Курской области.

В документах губернского, уездных, волостных, окружных комитетов комсомола отражено участие комсомольцев в кооперировании крестьянских хозяйств, шефстве над Военно-Морским Флотом, развитии физкультуры и спорта, руководстве пионерской организацией.

В фондах обкома, горкомов, райкомов ВЛКСМ, первичных комсомольских организаций хранятся протоколы конференций, пленумов, бюро, заседаний комитетов ВЛКСМ, собраний комсомольского актива, справки о внутрисоюзной работе; сведения о развитии стахановского движения и соревновании комсомольско-молодежных звеньев и бригад; сведения об участии молодежи в восстановлении народного хозяйства области после Великой Отечественной войны; участии молодежи в спортивной и оборонно-массовой работе, во Всесоюзном походе по местам революционной, трудовой и боевой славы советского народа, о работе по военно-патриотическому воспитанию молодежи; о массовом отклике молодых курян на общественные призывы об освоении целинных и залежных земель, на ударные стройки СССР, шефстве над строительством и развитии Михайловского горно-обогатительного комбината (ГОКа), Курской атомной электростанции (АЭС), работе студенческих строительных отрядов; интернациональных связях и другие документы.

В настоящее время архивные фонды ОКУ «ГАОПИ Курской области» комплектуются документами региональных отделений политических партий, ветеранских, молодежных, женских общественных и профсоюзных организаций. И хотя объем документов, поступающих от общественных

организаций невелик, данные документы очень важны, так как они отражают новые явления в общественно-политической жизни области.

Ценные документы хранятся в архивных фондах: «Курский областной совет партизан и подпольщиков», «Курская областная, городская, окружные организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов», «Курская областная и городская общественные организации ветеранов (пенсионеров) войны и военной службы», «Рабочая группа при областной редколлегии по подготовке и изданию Курской Книги Памяти», «Союз женщин России», «Клуб «Фронтовые подруги» и др.

На хранение в ОКУ «ГАОПИ Курской области» переданы документы молодежных и детско-юношеских общественных организаций: «Курская региональная детско-юношеская общественная организация «Школа молодых лидеров»», «Детско-юношеская общественная организация города Курска «Аргон» (бывшая «Вертикаль»)), «Областное общественное объединение «Курский союз детских, пионерских организаций», «Курская областная общественная организация «Детский центр мира». В них содержатся сведения о военно-патриотическом и нравственном воспитании молодежи. Документы данных фондов – кладезь целостного, систематического опыта в работе по патриотическому воспитанию ребят школьного возраста.

В значительном объеме приняты документы «Курской областной молодежной патриотической общественной организации «Центр «Поиск»».

В последние годы архив налажил деловые отношения с региональными отделениями Всероссийских политических партий «ЕДИНАЯ РОССИЯ», Коммунистическая партия Российской Федерации, «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ».

Общественные и политические организации представлены в основном материалами конференций, пленумов, заседаний советов, исполкомов, отчетами о проделанной работе.

На хранении имеются личные фонды бывших партийных, комсомольских и советских деятелей Курской области: Л.А. Ефремовой, Ф.В. Никулина, А.Д. Федосюткина, П.В. Гусева, Г.П. Огороковой, А.Ф. Гудкова и других. Всего насчитывается 10 личных фондов.

Большое значение придается популяризации документов архива. Работниками архива проводятся «круглые столы», экскурсии, читаются лекции, готовятся выставки архивных документов и фотовыставки. Документы архива используются при подготовке теле- и радиопередач, сборников документов, публикаций в периодической печати.

С развитием информационных технологий у работников архива появилась возможность через сайт «Архивы Курской области» знакомить пользователей с содержательной архивной информацией, и в целом с деятельностью учреждения.

В целях популяризации и пропаганды архивных документов нашими сотрудниками были подготовлены ряд изданий, среди них: «Настоящий патриот ценит свое Отечество... Гражданско-патриотическое воспитание молодежи Курской области в 1934–1959 годы» (2014 г.); «Вашей славы наследники мы. Хроника совместной работы органов власти и общественных организаций Курской области по героико-патриотическому воспитанию молодежи (май 1965 – декабрь 1991 гг.)» (2015 г.); «Мы будем всюду первыми по праву...» (Участие молодежи Курской области в развитии промышленного и сельскохозяйственного производства Центрально-Черноземного региона РСФСР 1934–1941 гг. Сборник документов и материалов) (2018).

Одним из видов работы архива является рассекречивание документов КПСС. На момент подготовки публикации рассекречено более 85 тыс. единиц хранения. Эта деятельность дала возможность ввести в научный оборот документы, ранее малодоступные широкой общественности.

С каждым годом растет количество пользователей, работающих в читальном зале архива. Тематика их исследований довольно разнообразна: история партийных и комсомольских организаций, история районов Курской области, репрессивная политика партии, коллективизация, партизанское движение на территории Курской области и др.

За последние годы в Реестр уникальных документов Курской области включены следующие документы: свидетельские показания группы жителей г. Дмитриева о точной дате и месте казни партизанки-разведчицы Веры Михайловны Терещенко; партизанский дневник Андрея Дмитриевича Федосюткина – комиссара 1-й Курской партизанской бригады (1941–1943 гг.); учетная карточка кандидата в члены ВКП(б) образца 1926 г. Екатерины Алексеевны Фурцевой – секретаря ЦК КПСС, министра культуры СССР; табличка «Я расстрелян за невыход на работу по очистке снега с ж/д пути» (1942 г.); альбом «Приветствие от городских советов, общественных и благотворительных организаций, частных лиц городов Саутгейт и Вуд-Грин (Англия) жителям г. Курска (1944 г.); списки личного состава полков народного ополчения Ленинского и Кировского районов города Курска; листовка «Объявление Военного Коменданта г. Рыльска Тамке о диверсии – обрезке телефонного провода, за которую будут подвергнуты расстрелу 5 заложников»; учетная карточка кандидата в члены ВКП(б) образца 1926 г. Александра Афанасьевича Косухина – ответственного представителя Особого отдела ВЧК Реввоенсовета 5 армии при золотом запасе РСФСР (комиссара «Золотого эшелона»).

Ежегодно ОКУ «ГАОПИ Курской области» исполняет запросы пользователей социально-правового и тематического характера касающиеся: образования, служебно-трудовых и иных отношений, пребывания в партизанских отрядах, государственных и ведомственных наград, почетных званий, общественно-политической деятельности конкретных лиц.

Архив прошел большой путь в своём развитии. На протяжении десятилетий здесь работали исключительно ответственные и добросовестные люди.

Благодаря таким качествам, как трудолюбие, высокая ответственность, аккуратность сотрудники партийного архива сохранили важные документы «бурного» XX века, коренным образом, изменившего не только нашу страну, но и мир, увидевшим решение грандиозной задачи построения справедливого социалистического общества.

Сменилось не одно поколение архивистов и каждое внесло свой вклад в развитие архива. Добрую память о себе оставили Антон Иванович Шутович, Василий Григорьевич Морозов, Иван Федорович Константинов, Вера Николаевна Суслина, Раиса Петровна Шуваева, Алла (Алевтина) Марковна Прокопова, Елизавета Петровна Фролова, Ольга Георгиевна Почепцова, Ирина Павловна Ковалевская и др. Их дело продолжает нынешнее поколение архивистов. Среди них Наталья Анатольевна Ульянкина, Лариса Юрьевна Пенькова. Все они способствуют непредвзятому изучению событий новейшей истории России и Курского края.

За прошедшие десятилетия наш архив превратился из небольшого, по сути архивохранилища (в 1935 г. трудилось всего 5 человек, и хранилось 16 тыс. дел) [2, л. 20–23] в одно из ведущих архивных учреждений области (сейчас в архиве трудится 15 человек и на хранении находится 2227 фондов, включающих 640 тыс. дел).

Источники и литература

1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИ КО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 134.
2. ГАОПИ КО. Ф. П-3532. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАОПИ КО. Ф. П-3532. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАОПИ КО. Ф. П-3532. Оп. 1. Д. 461
5. ГАОПИ КО. Ф. П-3532. Оп. 1. Д. 465.
6. ГАОПИ КО. Ф. П-3532. Оп. 1. Д. 482.
7. ГАОПИ КО. Ф. П-3532. Оп. 1. Д. 508.
8. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Путеводитель / под ред. А. Т. Стрелкова / сост.: И. П. Ковалевская и др. – Курск: ГАОПИ Курской области, 2004. – 346 с.
9. Хранители политической истории Курской области / под ред. А. Т. Стрелкова / сост.: О. Г. Почепцова, Н. А. Ульянкина, Р. П. Шуваева. – Курск: МУ «Издательский центр «ЮМЭКС», 2003. – 14 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Атрепьева Елена Григорьевна – начальник отдела по работе с аудиовизуальной документацией и документами личного происхождения ОКУ «Госархив Курской области»

Бабин Игорь Петрович – краевед, кандидат технических наук

Виноградова Валентина Константиновна – ведущий архивист отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области»

Дурноглазов Виктор Евгеньевич – аспирант исторического факультета ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Кононов Николай Григорьевич – кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РСФСР

Крохина Анна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель Курского железнодорожного техникума – филиала ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I»

Ласочко Людмила Сергеевна – старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области»

Манжосов Александр Николаевич – кандидат исторических наук, заместитель председателя Курского городского Совета ветеранов войны, труда, Вооружённых сил и правоохранительных органов

Новиков Владимир Николаевич – аспирант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Озеров Михаил Михайлович – ведущий инженер, Ростовский филиал ПАО «Ростелеком»

Пилишвили Георгий Джунглович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Ползикова Татьяна Анатольевна – старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области»

Потаскаева Татьяна Николаевна – старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области»

Раздорский Алексей Игоревич – кандидат исторических наук, заведующий группой исторической библиографии, ведущий научный сотрудник Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

Раков Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-исследовательской работе ОКУ «Госархив Курской области»

Рожковская Инесса Олеговна – главный архивист отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области»

Холодова Елена Васильевна – кандидат архитектуры, ведущий научный сотрудник Отдела истории архитектуры и градостроительства Нового времени ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ) советник РААСН, член Союза архитекторов России

Цыганок Антон Викторович – соискатель кафедры истории России ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Черников Олег Алексеевич – кандидат исторических наук, начальник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области»

Щербаков Юрий Викторович – начальник отдела использования и публикации документов ОКУ «ГАОПИ Курской области»

Сборник статей

**СОБЫТИЯ И ЛЮДИ
В ДОКУМЕНТАХ
КУРСКИХ АРХИВОВ**

**100-летию архивной службы России и
115-летию архивной службы Курской области посвящается**

Выпуск XVII

Подписано в печать 19.11.2018 г.
Формат 60x84. Печать офсетная 80 г/м². Гарнитура Таймс. Тираж 100 экз.
Отпечатано ИП Афанасьева Е.А.
г. Курск, ул. Семеновская, 78